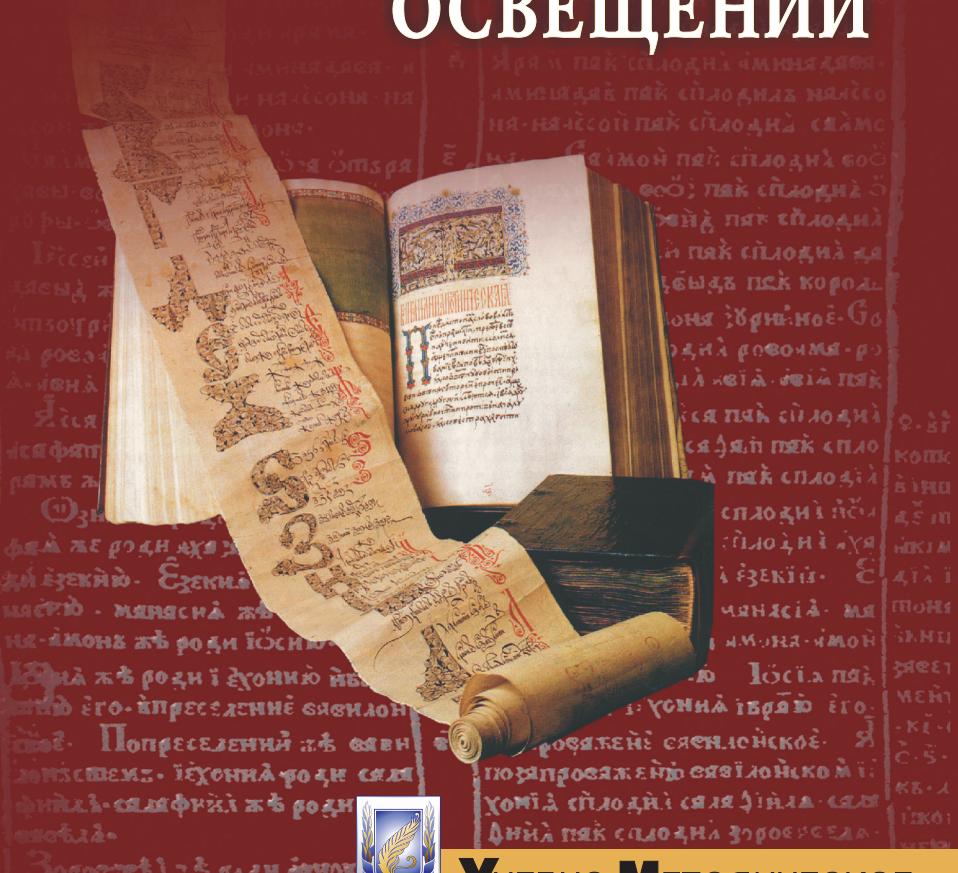

Е. И. Янович

РУССКИЙ ЯЗЫК В ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ
ПОСОБИЕ

Е. И. Янович _____

РУССКИЙ ЯЗЫК В ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Учебно-методическое пособие

*Рекомендовано Учебно-методическим объединением
высших учебных заведений Республики Беларусь
по гуманитарному образованию в качестве
учебно-методического пособия для студентов
высших учебных заведений, обучающихся по специальностям
«Русская филология», «Белорусская филология»*

МИНСК
БГУ
2009

УДК 811.161.1-112(075.3)

ББК 81.2Рус-03-922

Я64

Р е ц е н з е н т ы :

доктор филологических наук, профессор *А. А. Гицуцкий*;

доктор филологических наук, профессор *Н. Ю. Павловская*;

кандидат филологических наук, доцент *Н. В. Соловьева*

Янович, Е. И.

Я64 Русский язык в историческом освещении : учеб.-метод. пособие / Е. И. Янович. — Минск : БГУ, 2009. — 223 с.

ISBN 978-985-518-212-3.

Предлагаемое учебно-методическое пособие включает основные разделы фонетики, грамматики и лексики русского языка в их историческом освещении. Это предполагает не только изложение сведений о происхождении русского языка, об этапах его становления, истории славянской письменности и особенностях развития русской азбуки, но и раскрытие исторического процесса формирования системы русского языка. Историко-лингвистическое комментирование дается аномальным явлениям (так называемым исключениям из правил), которые представляют собой следы древних системных отношений, разрушенных в настоящее время.

Предназначено для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям «Русская филология», «Белорусская филология», а также может быть полезно учителям-словесникам средних школ, колледжей, лицеев и гимназий.

УДК 811.161.1-112(075.3)

ББК 81.2Рус-03-922

ISBN 978-985-518-212-3

© Янович Е. И., 2009

© БГУ, 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

овременный русский язык, который обеспечивает наши потребности в общении, обмене мыслями, накоплении опыта хозяйственной, общественной и духовной жизни многих поколений, представляет собой сложную систему связей и отношений языковых фактов, разных по степени обобщенности, в плане структуры, иногда противоречивых и непоследовательных.

Известная нам языковая система, которую мы называем *современный русский литературный язык*, складывалась постепенно, в течение многих веков, характеризующихся разнообразием исторических условий. В этой системе, как и в системе любого естественного языка, имеющего длительную историю развития, отражались многочисленные изменения, которые происходили в образе жизни и образе мыслей носителей русского языка.

Поэтому в основе организации языковой системы русского языка кроме очевидных лежат также невидимые, разрушенные временем связи между звуками, словами, грамматическими категориями. Непонятные нам, эти связи и отношения тем не менее продолжают играть определенную роль в устройстве современной русской речи, принимая вид многочисленных исключений из правил, соответствующих продуктивным способам организации языковых фактов. Многие современные языковые явления могут быть осознаны и поняты только при условии изучения истории их функционирования в языке прошлых эпох. Другими словами, чтобы глубоко понимать закономерности современной языковой системы, надо знать ее прошлое.

Вместе с тем обращение к истории русского языка в связи с жизнью его носителей имеет большое культурно-познавательное значение, так как знакомит с духовной жизнью русского народа и его культурой.

В данном издании отправной точкой историко-лингвистических комментариев являются факты современного русского языка, которые представляют собой аномальные или несистемные явления в области фонетики, грамматики и лексики. Особое внимание уделяется реликтовым явлениям (например, застывшим формам слов и их употреблению в составе устойчивых выражений), а также исторически обусловленной вариантиности словоформ. К каждому разделу предлагаются упражнения для закрепления материала и развития языковой наблюдательности и лингвистического мышления.

Учебно-методическое пособие предназначено для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям «Русская филология», «Белорусская филология», а также может быть использовано учителями русского языка для работы в кружках и факультативах, при подготовке к олимпиадам разных уровней, организации исследовательской работы учащихся средних школ, лицеев, гимназий. Таким образом, данное издание способствует внедрению историзма как общеметодического принципа преподавания русского языка. Предполагается, что целый ряд положений и фактов, рассматриваемых в книге, может быть включен в школьные учебники русского языка для старших классов.

ВВЕДЕНИЕ

1. ЯЗЫК КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ ЯВЛЕНИЕ

зык — это система знаков, естественно возникшая в человеческом обществе и развивающаяся вместе с ним. У него две основные функции: он является орудием человеческого мышления и общения людей. Владение языком составляет неотъемлемую черту человека; возникновение языка совпадает со временем формирования *homo sapiens* как члена общества.

Естественность возникновения и развития человеческого языка отличает его от искусственных систем сигнализации (азбука Морзе, знаки уличного движения, морские сигналы судоходства и др.). Язык способен фиксировать в человеческом сознании представления и знания об окружающем мире, выражать отвлеченные понятия, обобщающие суждения в отличие от так называемого языка животных — набора сигналов, которые передают реакции на ситуацию и регулируют поведение животных в определенных условиях (например, крики птиц об опасности или «танец» пчелы, сигнализирующий другим пчелам, куда лететь заnectаром).

Будучи важнейшим средством общения, язык объединяет людей, координирует их практическую деятельность, обеспечивает накопление и хранение исторического опыта народа или личного опыта человека, формирует сознание и самосознание личности. Как явление общественное, язык развивается и функционирует в значительной степени в зависимости от развития и жизни общества. Это проявляется в разнообразных формах.

Например, в связи с разделением общества на различные группы возникают такие социально обусловленные разновидности языка,

как крестьянские диалекты, профессиональные языки — медицинский, компьютерный, жаргоны — уголовный, молодежный, школьный и др.

На развитие языка влияют такие факторы, как перемещение больших групп населения, создание новой государственности, изменение форм законодательства, делопроизводства и др.

Общество воздействует на язык сознательно в тех случаях, когда, например, в многоязычных странах определяется тот или иной язык или диалект, который должен стать государственным, а также при усовершенствовании алфавита (или его создании для ранее неписьменных народов), проведении реформ орфографии.

Несмотря на очевидное влияние общественных изменений на развитие языка, он выступает как универсальное средство общества, сохраняя единство народа в исторической смене поколений и общественных формаций, а также в географическом пространстве.

Общее число языков на Земле приблизительно составляет от 2,5 тыс. до 5 тыс. и больше (точное определение затруднено из-за отсутствия четких границ между языком и его разновидностью — местным диалектом).

ЭТО ИНТЕРЕСНО

В русском языке существует фразеологическое выражение *ававилонское столпотворение* со значением ‘полная неразбериха, путаница; шум, суматоха’. Это выражение восходит к библейской притче о сооружении в древнем Вавилоне башни до неба (в исходном сочетании *столп творение* было представлено древнее значение слова *столп* ‘башня’). Строительство очень высокой башни было предпринято людьми, чтобы добраться до Бога, но окончилось неудачей, так как разгневанный Бог смешал языки людей и строители перестали понимать друг друга [39].

2. ЯЗЫК — РЕЧЬ — ПИСЬМО

Язык не дан нам в непосредственном наблюдении: непосредственно мы воспринимаем речь — либо звуковую, либо письменную. Речь — это конкретное говорение, которое длится во времени и облечено в звуковую или письменную форму. Под речью следует также понимать не только процесс говорения, но и его результат, т. е. речевые произведения, закрепленные в памяти или на письме (тексты).

Общую характеристику речи обычно дают через сопоставление с языком: они не только противопоставляются, но и предполагают друг друга. Ведь речевая деятельность может иметь своим результатом конкретные тексты только в том случае, если говорящий использует известные ему слова в определенных значениях и комбинирует (сочетает) их в соответствии с теми языковыми правилами, которые закреплены в словаре и грамматике. Таким образом, в непосредственном наблюдении воспринимается речь (текст), а язык представлен в словарях и грамматиках. Составляя тексты, мы используем знание системы языка (словаря и грамматики), но сама эта система формируется и развивается в процессе применения языковых способностей людей, входящих в одну языковую общность.

Ранее было сказано, что, не обладая возможностью непосредственного восприятия языка, мы воспринимаем речь в двух ее разновидностях — в звуковом или письменном виде. Однако соотношение звуковой и письменной речи несколько сложнее, чем просто отношение двух форм. Строго говоря, письмо не является формой речи, так как они четко различаются по времени возникновения и материальной основе. Письмо вторично по отношению к речи, потому что переводит ее в процессе писания в текст, предназначенный для чтения. Именно писание представляет собой наиболее характерный момент письма, поэтому в целом письмо можно определить как фиксацию речи с помощью графических знаков¹, необходимую для закрепления и хранения речевой информации.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПИСЬМА

Следует признать, что письмо могло появиться только тогда, когда возникла общественная потребность в сохранении сказанного. Ведь письмо обладает очевидным преимуществом по сравнению со звуковой речью — оно свободно от двух значительных и неустранимых недостатков, присущих речи по самой ее природе: сфера ее проявления ограничена во времени и пространстве. Говорение и слушание должны быть строго одновременны, так как звуки для слушающего исчезают мгновенно и необратимо (недаром в пословице говорится: слово не воробей, вылетит — не поймаешь). В про-

¹ Графическими называются знаки в виде линий, черточек, штрихов и их комбинаций — фигур, наносимых с помощью определенных орудий на какую-либо поверхность и воспринимаемых зренiem.

странстве действие звуковой речи ограничено определенными пределами не дальше 10—15 м.

Письмо полностью преодолевает эти временные и пространственные ограничения. Оно позволяет «услышать» (т. е. прочитать) «сказанное» (т. е. написанное) как угодно давно и далеко. В связи с этим можно предложить следующее определение: **письмо** — это графическая фиксация речи для языкового общения в более широких пределах времени и пространства, чем это доступно для звучащей речи [5, с. 10].

Потребность языкового общения в широких временных и пространственных пределах была осознана человеком не сразу. По предположениям ученых, членораздельной звуковой речью люди владеют сотни тысяч лет, а развитое письмо известно не более 5—6 тысячелетий. Потребность говорить с теми, кого не было рядом, говорить так, чтобы сказанное сохранилось, появилась в связи с усложнением жизни человеческих коллективов, образованием больших племен и союзов племен, в особенности в период появления государственных объединений. В результате усложнения общественной жизни человека произошло расширение сфер речевого общения в процессе развития производства и торговли, заключения договоров с другими народами, формирования законов, религиозных верований и других форм общественной идеологии. Потребности общения в этих сферах деятельности человека не могли быть удовлетворены только звуковой речью, которая исчезает мгновенно. Так сформировалась необходимость в письме, и оно возникло — было создано или заимствовано у других народов, а в дальнейшем усовершенствовано, прежде всего в результате изобретения и распространения книгопечатания. Так письмо становится мощным фактором развития человечества и сохраняет свое значение и в новых технических условиях — после изобретения звукозаписи и электронных средств закрепления и передачи во времени и пространстве речевой информации.

ТИПЫ ПИСЬМА

В мире существуют разные типы письма в зависимости от формы материального проявления. Во всех случаях письмо — это форма фиксации речи, и его типы определяются по соотношению между знаками письма и единицами речи. Традиционно различают три типа письма: пиктографическое, идеографическое и фонетическое.

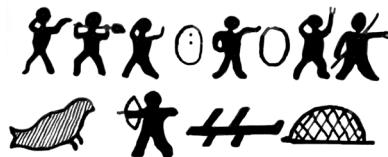

Рис. 1. Пиктографический рассказ эскимоса об удачной охоте. Человек пошел на охоту, добыл шкуру зверя, затем вторую, охотился на моржа, поехал на лодке с другим охотником, заночевал

Рис. 2. Пиктографическое письмо семи индейских племен президенту США. Просьба о разрешении переселиться в район трех озер (линии, соединяющие головы и сердца животных, указывают на единство мыслей и чувств племен)

Пиктографическое (картинное, рисунчатое) письмо (пиктография). Общий смысл высказывания передается при помощи простых схематических рисунков (такой тип письма представлен у современных индейских племен Америки) (рис. 1, 2).

Идеографическое (иероглифическое) письмо. Письменный знак (идеограмма или иероглиф) передает значение целого слова или его отдельной части. Древнейшие иероглифы возникли на основе пиктограмм — схематизированных изображений предметов. Примерами иероглифического письма могут служить древнеегипетское (рис. 3) и древнекитайское письмо (рис. 4).

Рис. 3. Древнеегипетские иероглифы.

Древнеегипетский фараон по имени Нармер повелел запечатлеть свои воинские подвиги на камне. Чтобы обозначить имя фараона, египетские художники изобразили рыбу над резцом, так как слово *нар* по-египетски означало ‘рыба’, а *мер* — ‘резец’

Рис. 4. Древнекитайское иероглифическое письмо.

Знак *хао* ‘любить’ состоит из элементарных знаков ‘женщина’ и ‘ребенок’; знак *бао* ‘охранять’ — из элементарных знаков ‘мужчина’ и ‘ребенок’

Фонетическое (звуковое) письмо. Имеет два вида: слоговой и буквенно-звуковой. Первый вид реализуется в тех случаях, когда письменный знак передает слог (а не звук). Проявление этого принципа в русском алфавите можно видеть в способности четырех письменных знаков **я, ю, е, ё** обозначать не один звук, а слог — сочетание соответствующего гласного с [j]. Второй вид — собственно звуковое, или буквенно-звуковое, письмо, когда письменному знаку соответствует один звук, — представлен в письменности европейских языков, в том числе и русского. Фонетическое письмо называют еще алфавитным, так как для него характерно наличие алфавита — строго организованной системы используемых в письме букв.

Современный русский алфавит

Начертание	Название	Начертание	Название
Аа	а	Рр	эр
Бб	бә	Сс	эс
Вв	вә	Тт	тә
Гг	гә	Үү	ү
Дд	дә	Фф	эф
Ее	е	Хх	ха
Её	ё	Цц	цә
Жж	жә	Чч	че
Зз	зә	Шш	ша
Ии	и	Щщ	ща
Йй	и краткое	ТЬ	твёрдый знак, <i>устар.</i> ер
Кк	ка	Ыы	ы
Лл	эль	Ьь	мягкий знак, <i>устар.</i> ерь
Мм	эм	Ээ	э обратное
Нн	эн	Юю	ю
Оо	о	Яя	я
Пп	пә		

Примечание. Современное русское письмо в его основном составе является буквенно-звуковым. Исключение составляют буквы **е, ё, ю, я**, которые в определенных положениях обозначают не звук, а слог, и буквы **ъ, ь**, которые не имеют собственно звукового значения.

Изобретение алфавитного письма обычно приписывают финикийцам, жившим в период с 3-го тысячелетия до н. э. по первые века н. э. на ближневосточных берегах Средиземного моря. Возможно, источником финикийского алфавита было древнеегипетское письмо.

По преданию, греки заимствовали алфавитное письмо у финикийцев и усовершенствовали его, введя ряд новых знаков, чтобы приспособить к передаче греческой речи, отличающейся от финикийской. Создание древнегреческого письма было решающим этапом в истории алфавитного письма. На его основе складывается алфавитное письмо многих народов мира — всех европейских, многих азиатских и др., в том числе и славянское (во второй половине IX в.). К нему восходит русское письмо (с конца X в.), непрерывно существующее и развивающееся до настоящего времени [5, с. 17—18].

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

В IX в. славяне после интенсивного расселения на запад, юго-запад и восток и формирования трех этнических групп (западной, южной и восточной) переживали процесс разрушения первобытно-общинного строя и становления новой общественно-исторической формации — феодализма. Это сопровождалось образованием славянских государственных объединений (Киевская Русь, Великая Моравия, Польша, Болгария, Сербия, Хорватия), которые занимали обширные территории Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы — от Балтики до Адриатики на севере и юге, от Альп до верховьев Волги и Дона на западе и востоке. Расширение контактов с новыми народами, новый жизненный уклад и новое миропонимание, пришедшее на смену древнему язычеству, потребности формирующейся государственности требовали развития новых форм духовной культуры, прежде всего книжной, письменной, которая бы дополняла исконную устную народную традицию, славянскую народную культуру. Для этого нужна была своя письменность, своя книжная образованность и свой книжный язык.

В 862 г. моравский князь Ростислав (Моравское государство включало области нынешней Словакии и Чехии) направил посольство в Константинополь (столицу древней Византии) с просьбой прислать в Моравию проповедников христианства, которые владели бы славянским языком. Политическая подоплека этой просьбы состояла в стремлении Ростислава ограничить влияние латиноязычного немецкого

духовенства, распространявшего христианство в Моравии на латинском языке и бывшего проводником влияния немецкого императора. Поэтому обращение Ростислава вполне соответствовало планам Византии распространить и укрепить свое влияние на западе, в областях Моравского государства.

В 863 г. Византия отправила в Моравию миссию, во главе которой были поставлены просвещенные братья Кирилл (светское имя Константин) и Мефодий (светское имя неизвестно), уроженцы греческого города Солуни (свр. Салоники), хорошо знавшие язык славян, живших в этом городе и его окрестностях.

Кирилл (его называли также Константин-философ) отличался блестящими филологическими способностями и владел многими языками (в том числе древнееврейским, хазарским, коптским). По сообщениям древних житий, он еще до моравской миссии составил азбуку для славянского языка и приступил к переводам богослужебных книг на этот язык. В 863 г. Кирилл и Мефодий привезли в Великую Моравию первые книги на славянском языке, предназначенные для богослужения и просвещения славян. В дальнейшем большую роль в создании переводов церковных книг и их распространении на славянских землях сыграли их ученики и последователи.

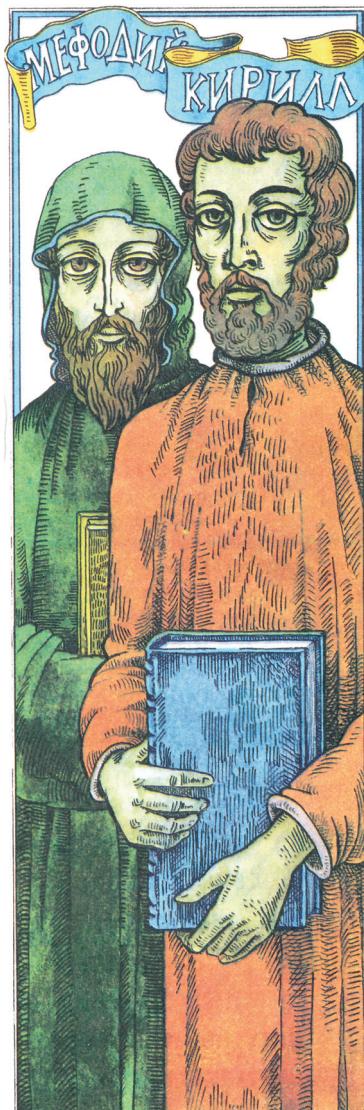
Благодаря подвижническому труду Кирилла и Мефодия славяне обрели азбуку, которой многие из них (болгары, сербы, хорваты, русские, белорусы, украинцы) пользуются и поныне. Память об «учителях словенских» хранится в благодарных сердцах славянских

Буквы глаголической азбуки

ѫ а	յօ դզ	յօ լ	յօ տ	յօ չ	Յ	յօս малый
Ծ բ	Յօ զ	Յօ մ	Յօ օւ	Յ շ	Յօ	յօս большой
Յօ վ	Յօ ի	Յօ ն	Փ ֆ	Յօ ՚	Յօ	յօս ютированный малый
Յօ գ	Յօ ի	Յօ օ	Յօ խ	Յօ ՚	Յօ	յօս ютированный большой
Յօ դ	Յօ ի	Յօ պ	Յօ օ	Յօ ՚	Յօ	ֆ
Յօ ե	Յօ ձ	Յօ ր	Յօ շտ	Յ յ	Յօ	իջիца
Յօ յօ	Յօ կ	Յօ ս	Յօ ց	Յօ յօ		

народов. День поминовения святых равноапостольных Кирилла и Мефодия — 24 мая — стал праздником славянской письменности и культуры.

Первые славянские азбуки называются глаголицей и кириллицей. Неизвестно, какая из них была первой. Ученые до сих пор не могут сказать точно, глаголическим или кириллическим письмом пользовались Кирилл и Мефодий и их ученики. Дело в том, что до нас не дошли рукописи кирилло-мефодиевских времен, которые создавались во второй половине IX в., а древнейшие известные нам памятники, написанные глаголицей и кириллицей, относятся к X—XI вв. Но на основании целого ряда палеографических¹ данных, историко-филологических и исторических фактов более достоверным представляется мнение о старшинстве глаголицы. Так, в глаголических памятниках представлена наиболее архаическая система языка, близкая к говору солунских славян. Совершенная оригинальность начертаний букв глаголицы отличает их от букв кириллицы. Это соответствует словам автора древнего славянского памятника «Похвала святым Кириллу и Мефодию» о том, что Кирилл и Мефодий, «полагаясь не на чужую основу, а сызнова буквы изобрели» [46, с. 54]. Дошедшие до нас глаголическо-кириллические палимпсесты² представляют только

¹ Палеография — наука о внешней форме письма и письменных знаков.

² Палимпсест — рукопись, написанная по выскобленному пергаменту, представляющему собой особым образом выделанную кожу, служившую в древности писчим материалом.

один тип памятников — когда кириллица писана по стертой глаголице, и нет ни одной рукописи, в которой была бы соскоблена кириллица и по ней написана глаголица. Но происхождение начертания глаголических букв остается загадкой. Несмотря на некоторые совпадения этих букв с греческим, древнееврейским, коптским (египетским), готическим, тюркским «руническим», армянским, грузинским алфавитами, доказать происхождение глаголицы из какого-либо другого алфавита не удалось (рис. 5).

Это привлекает особое внимание, так как несомненно то, что многие более древние алфавиты, чем глаголица, в том числе латинский и греческий, создавались по образцу и подобию ранее существовавших. Если язык принимал чужое письмо, происходило приспособление алфавита «предшественника» к фонетической системе принимающего языка за счет видоизменения и добавления некоторых знаков. Так возникло латинское письмо (латиница) по образцу греческого, а само греческое письмо и даже названия его букв — под влиянием финикийского (семитическая языковая группа).

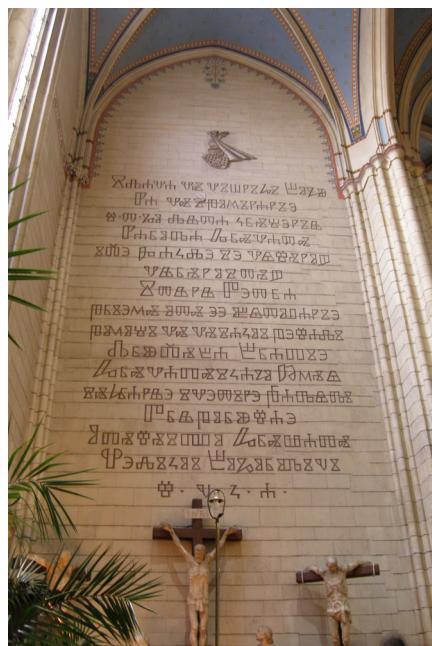

Рис. 5. Глаголическая надпись
в Кафедральном соборе в Загребе

На Руси глаголица употреблялась лишь в первые годы распространения славянской азбуки в древнейших русских культурных центрах — Киеве и Новгороде.

В тех славянских странах, где было сильно влияние Византии и распространено православное вероисповедание, глаголица была рано вытеснена кириллицей, которая появилась, видимо, в конце X в., будучи созданной по образцу греческого унциального¹ письма. Создание кириллицы датируют эпохой болгарского царя Симеона (годы жизни 893—927). Вероятно, она была составлена учениками и последователями Кирилла и Мефодия.

Буквенный состав древней кириллицы (43 буквы) в целом соответствовал древнеболгарской речи. Для передачи древнеболгарской речи греческий алфавит византийского периода, который содержал 24 буквы, был дополнен 19 знаками. Это были буквы, созданные в основном для обозначения славянских звуков, не имевших соответствия в греческом языке. Они обозначали шипящие согласные и [Ц], редуцированные и йотированные гласные, звук «ять», носовые гласные (простые и йотированные). Новые буквы кириллицы были созданы отчасти на основе букв греческого алфавита, а некоторые — на основе уже вновь созданных, в большинстве случаев изобретенных составителями или заимствованных из древнееврейского алфавита. Буквы кириллицы, как и в греческом алфавите, употреблялись также в цифровом значении, при этом в тексте выделялись графически.

У восточных и южных славян кириллица имеет многовековую традицию. На Руси кириллическое письмо было введено в X—XI вв. в связи с принятием христианства. В течение исторического развития русского языка состав букв кириллицы менялся, но в общем она сохраняла свой исконный облик до начала XVIII в., когда была преобразована и сохранилась только в церковных книгах (рис. 6).

Древнейшим письменным языком, на котором были созданы глаголические и кириллические памят-

Рис. 6. Образец кириллицы.
Псалтырь. XVI в.

¹ Унциал — особый тип почерка греческих рукописей, характеризующийся крупными ровными буквами, начертаниями без острых углов и ломанных линий.

Буквы кириллической азбуки в сопоставлении с греческой

Греческие буквы		Кириллица			
Начертание	Название	Начертание	Название	Начертание	Название
Α	альфа	ѧ	аз	Ѱ	цы
		Ѡ	буки	Ѱ	червь
Β	бета (вита)	Ѡ	веди	Ѡ	ша
Γ	гамма	Ѡ	глаголь	Ѱ	шта
Δ	дельта	Ѡ	добро	Ѱ	ер
Ε	эпсилон	Ѡ	есть	Ѱ	еры
		Ѡ	живете	Ѱ	ерь
		Ѡ	зело	Ѱ	ять
Ζ	дзета	Ѡ	земля	Ѡ	ю
Η	эта	Ѡ	иже	Ѡ	а йотированное
Ι	йота	Ѡ	и	Ѡ	е йотированное
Κ	каппа	Ѡ	како	Ѡ	юс малый
Λ	лямбда	Ѡ	люди	Ѡ	юс большой
Μ	ми	Ѡ	мыслете	Ѡ	юс малый
Ν	ни	Ѡ	наш		йотированный
Ѡ	омикрон	Ѡ	он	Ѡ	юс большой
Ѡ	пи	Ѡ	покой		йотированный
Ѱ	ро	Ѱ	рцы		
Ѡ	сигма	Ѱ	слово		
Ѡ	тау	Ѱ	твердо		
		Ѡ	ук		
Ѡ	фи	Ѱ	ферт		
Ѡ	хи	Ѱ	хер		
Ѡ	омега	Ѱ	омега		
Ѡ	кси	Ѡ	кси		
Ѱ	пси	Ѱ	пси		
Ѡ	тэта	Ѱ	фита		
Ѱ	ипсильон	Ѡ	ижица		

ники, был **старославянский** — язык славянских переводов греческих книг, выполненных Кириллом и Мефодием и их учениками во второй половине IX в. Его диалектной основой стал говор солунских славян (один из диалектов южнославянской языковой группы). Старославянский язык был возведен в ранг литературного книжного языка и воспринял значительное число грецизмов, моравиз-

мов и других языковых особенностей. Начиная с XI в., в результате распространения старославянских книг на Руси, в Болгарии, Сербии и других землях, старославянский язык стал приобретать некоторые местные черты. Так возникали локальные варианты (редакции) письменного языка, который развивался до XVIII в. включительно как межславянский, международный. Этот язык называется **церковнославянским** или **древнеславянским**. Он оказал большое воздействие на русский литературный язык.

ЭТО ИНТЕРЕСНО

В русском языке есть слова-синонимы *алфавит* и *азбука* с одним и тем же значением ‘система графических знаков установленной формы — букв, расположенных в определенной последовательности’. Но они различны по своему морфемному составу. *Алфавит* включает греческие названия первых двух букв греческого алфавита: *альфа* и *бета* (в новогреческом *вите*). *Азбука* образовано сложением названий *азб* и *буки*, которые имели две первые буквы древнеславянского алфавита — кириллицы.

3. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК И ЯЗЫКОВАЯ НОРМА

Возникновение письменности является непременным условием формирования и развития литературного языка, подвергающегося кодификации, т. е. нормированию, что возможно только при письменной передаче речи. Понятие «литературный язык» неразрывно связано с понятием нормы.

Норма — это совокупность правил выбора и употребления языковых средств (в данном обществе и в данную эпоху). Прежде всего, норма обеспечивает целостность, общепонятность и стабильность литературного языка. Она определяет одни языковые средства и выражения как правильные, принятые в литературном языке, а другие отвергает как противоречащие многолетней языковой практике образованных людей (например, в современном русском литературном языке принято говорить: *средства, нет времени, тропинка, а не средству, нет время, стежка*).

Но функции нормы заключаются не только в сохранении целостности и стабильности литературного языка. Для удовлетворения сложных и многообразных потребностей человеческого общества в каждом случае нужны свои слова и конструкции, лучше

других соответствующие условиям, в которых осуществляется речевое общение. Поэтому важной функцией литературной нормы является стилистическая дифференциация слов и конструкций как книжных, разговорных, официально-канцелярских, профессиональных, что помогает правильно выбрать слово, согласуя его стилистическую характеристику с условиями и целями речи. Например, неуместно употребление слов *наスマрку*, *норовить* в научном тексте или слов *грядущий*, *свершиться* в домашнем общении (хотя носитель литературной нормы может позволить себе отступление от принятой стилистической нормы с определенными целями — показать свое отношение к предмету речи или обнаружить перед слушателем свое эмоциональное отношение, но при обязательном условии соблюдения этических норм поведения).

Литературная норма сознательно культивируется, ее пропагандируют в книгах, по радио и телевидению, ей обучают в школе, всякое культурное общение людей происходит в строгом соответствии с нормами литературного языка. Таким образом, норма литературного языка — это не только объективно существующая традиция использования языковых средств, но и результат сознательного сохранения этой традиции.

Развитие литературного языка непосредственно связано с развитием культуры народа, прежде всего его художественной литературы. Язык художественной литературы воплощает лучшие достижения речевой культуры, основные достоинства литературного языка народа. Но понятия «литературный язык» и «язык художественной литературы» не тождественны, они соотносятся как родовое (общее) и видовое. В сферу языка художественной литературы в соответствии с художественным замыслом автора могут включаться все средства общенародного языка, в том числе и нелитературные, ненормированные языковые элементы.

Русский национальный язык имеет две формы существования — литературный язык и народно-разговорная речь, которая представлена диалектами (территориальными и социальными) и просторечием (наддиалектной ненормированной устной речью ограниченной тематики).

Современный русский литературный язык — это язык официально-деловых документов, школьного обучения, устного и письменного публичного и бытового общения, науки, публицистики, художественной литературы, всех проявлений культуры, выражающихся в словесной форме.

ЗАПОМНИТЕ!

В истории русского литературного языка многие глаголы с суффиксом *-и-* переживали перенос ударения с окончания настоящего времени на основу (например, во времена А. Пушкина литературной нормой было произношение *ваříšъ*, а современная орфоэпическая норма — *ваřиšъ*). Но по традиции у глагола звонить современной литературной нормой является только произношение *звониšъ*, *звониt*, *звониm*, *звониtе*.

4. РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

РАСПРОСТРАНЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Русский язык — язык русской нации и средство межнационального общения многих народов, живущих в СНГ и других государствах, входивших в состав бывшего СССР. В конце XX в. русским языком в той или иной мере владели свыше 250 млн человек в мире. Основная масса говорящих на русском языке проживает в России (120 млн русских из 143,7 млн человек населения РФ) и в других государствах бывшего СССР (88,8 млн человек). По данным Всесоюзной переписи 1989 г., из 285,7 млн человек русским языком как родным владели 145 млн русских, количество лиц нерусской национальности, свободно владеющих русским языком как родным или как вторым языком, составляло 87,5 млн человек [35, с. 447—449].

С 1993 г. русский язык становится государственным языком РФ на всей ее территории. Одновременно он является государственным или официальным языком ряда республик, входящих в РФ, наряду с языком коренного населения. Как государственный язык РФ русский язык активно функционирует во всех сферах общественной жизни, имеющих всероссийскую значимость, преподается во всех школах и высших учебных заведениях России (в республиках, входящих в ее состав, — наряду с родным языком). В большинстве школ и вузов России и во многих учебных заведениях СНГ преподавание ведется на русском языке.

Русский язык широко применяется в разных сферах международного (межгосударственного) общения, выступает в функции

«языка науки» — средства хранения и передачи общечеловеческих знаний (60—70 % всей мировой информации публикуется на английском и русском языках). Русский язык — необходимая принадлежность мировых систем коммуникации (радиопередач, авиа- и космической связи). Он признан «иностранным языком» в мире, т. е. предметом преподавания в школах и вузах большинства стран. Изучение его за пределами России стало массовым после Второй мировой войны и в связи с успехами советской космонавтики.

Русский язык входит в число мировых языков, являющихся не только наиболее распространенными, но и обладающими широким диапазоном общественных функций, что связано с высоким авторитетом страны языка, ее значения для развития человечества. Наряду с английским, арабским, испанским, китайским, французским языками русский признан одним из официальных и рабочих языков Организации Объединенных Наций (ООН).

РУССКИЙ И БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫКИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Будучи близкородственными, русский и белорусский языки (так же, как и украинский) выделились в результате развития обще-восточнославянского языка в XIII—XIV вв. и почти 500 лет развивались обособленно, в пределах разных государств, переживая различные внутриязыковые изменения и претерпевая разнообразные внешние воздействия. В это время наряду с развитием языка старорусской народности происходит развитие старобелорусского литературного языка. Однако в связи с утратой самостоятельности белорусской государственности в составе Речи Посполитой (Польши) с XVI в. старобелорусский литературный язык постепенно вытеснялся польским литературным языком, а народно-разговорный белорусский сохранялся в устной форме. В конце XVIII в. в результате трех разделов Польши и присоединения белорусских земель к России на этой территории стал широко распространяться русский литературный язык, который к концу XIX в. занял господствующее положение в государственном управлении и образовании. Революционные события начала XX в. способствовали развитию национального самосознания белорусов, становлению нового белорусского литературного языка. Но установившееся в годы советской власти белорусско-русское двуязычие не было

равноправным в силу предпочтения, которое отдавалось русскому языку. В связи с образованием в 1994 г. суверенного государства Беларусь государственным языком был провозглашен белорусский, а на основании проведенного в 1996 г. республиканского референдума русскому языку был придан равный статус с белорусским.

5. КАК ВОЗНИК И РАЗВИВАЛСЯ РУССКИЙ ЯЗЫК?

МЕСТО РУССКОГО ЯЗЫКА В КРУГУ ДРУГИХ ЯЗЫКОВ

Все языки по признаку родства делятся на отдельные группы и семьи. Родственными признаются лишь такие языки, звуковые расхождения между которыми закономерны и регулярны, как, например, между соответствиями русского, белорусского и украинского языков в следующих рядах слов: рус. *вечер* — бел. *вечар* — укр. *вечір*; рус. *зверь* — бел. *звер* — укр. *звір*; рус. *глотать* — бел. *глытать* — укр. *глітати*; рус. *течь* — бел. *цячы* — укр. *текти*; рус. *злой* — бел. *злы* — укр. *злий* и др. Высокая степень регулярности звукового сходства и расхождения между словами русского, белорусского и украинского языков объясняется тем, что эти языки восходят к одному общему источнику — восточнославянскому праязыку. Таким образом, русский язык наряду с белорусским и украинским образует подгруппу восточнославянских языков, которые вместе с южнославянскими (болгарским, македонским, сербохорватским, словенским) и западнославянскими (польским, чешским, словацким, лужицким) входят в группу славянских языков. (Сербохорватский язык применительно к определенному народу может называться сербским или хорватским.)

Отношения между языками восточнославянской, южнославянской и западнославянской подгрупп также характеризуются рядом закономерных звуковых соответствий, например: рус. *корова* — серб. *крава* — польск. *krowa*; рус. *мороз* — серб. *мраз* — польск. *mróz*; рус. *солома* — серб. *слама* — польск. *sloma* и др. Поэтому можно считать, что все славянские языки также восходят к общему для них древнему праязыку — праславянскому (рис. 7).

В свою очередь, славянские языки входят в большую группу (семью) индоевропейских языков, в которой наряду со славянски-

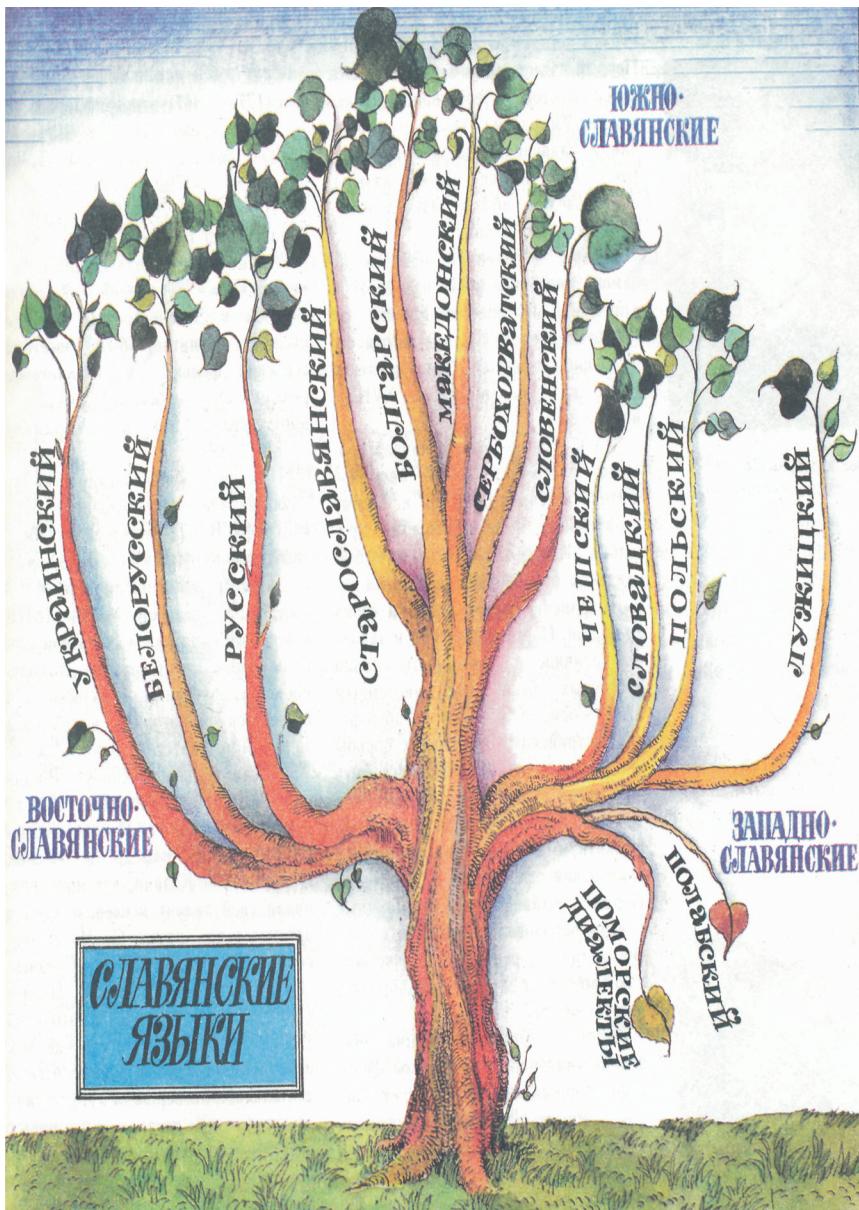

Рис. 7. Родословное древо славянских языков

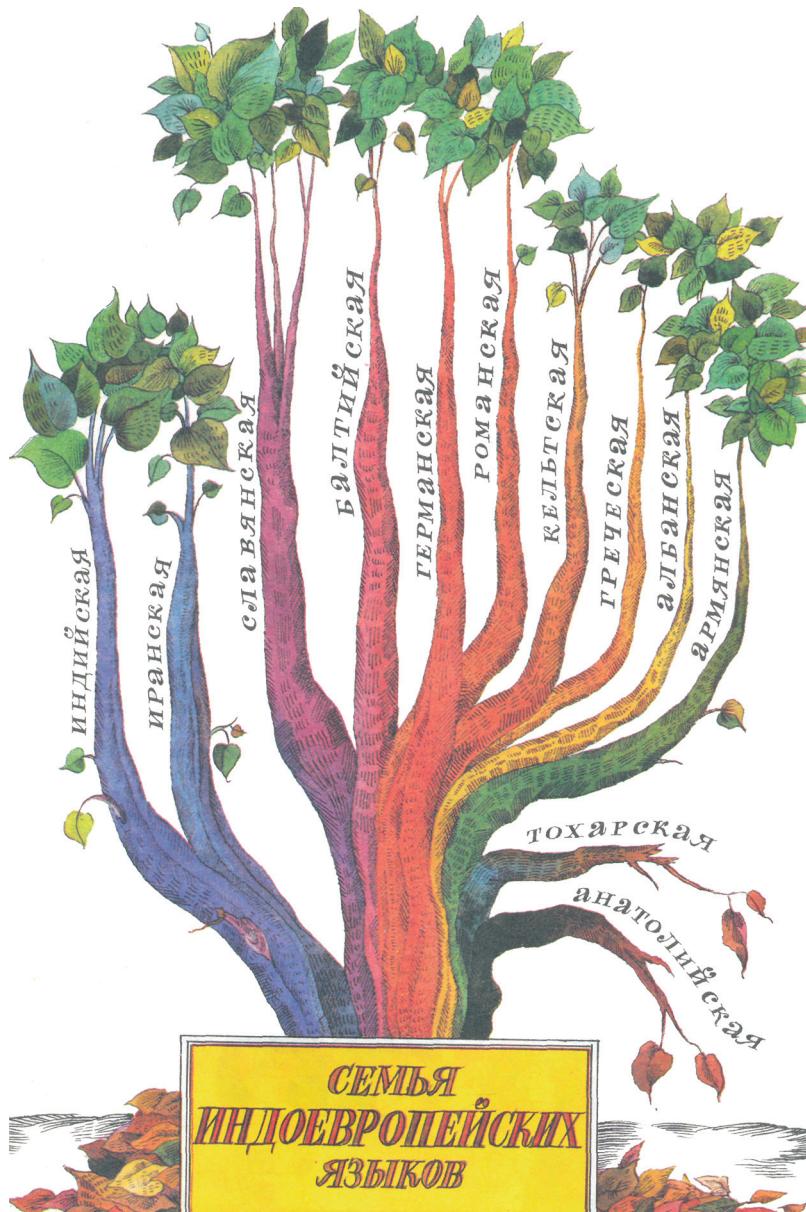

Рис. 8. Родословное древо индоевропейских языков

ми выделяются группы балтийских, наиболее близких к славянским (литовский, латышский и др.), германских (английский, немецкий и др.), романских (французский, итальянский, испанский и др.) и других языков (рис. 8).

Кроме индоевропейской семьи языков, имевших в древности общий праязык, известны и иные крупные группы: тюркская, угро-финская, семитская и др., языки которых также восходят к одному исчезнувшему праязыку.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

По происхождению русский язык восходит к древнему праславянскому языку, который был общим источником развития всех славянских языков. **Праславянским языком** условно называется совокупность племенных диалектов, которые были средством общения группы родственных славянских племен, выделившихся из многочисленной группы древних индоевропейских племен.

В 1-м тысячелетии до н. э. славяне занимали равнинные земли между средним течением Днепра и Западным Бугом и составляли праславянскую этническую общность. Их племенные диалекты были очень близки, а когда возникали новые языковые явления внутри праславянского языка, они получали широкое распространение благодаря полуточевому образу жизни и территориальной близости племен.

Расселение славян в VI—VII вв. н. э. на обширных территориях Западной, Центральной, Восточной Европы и Балканском полуострове затрудняло широкое межплеменное общение славян и содействовало обособлению отдельных племенных группировок как в территориальном, так и в языковом отношении. В связи с накоплением в диалектах новых языковых явлений и различий постепенно происходил распад праславянского этнического и языкового единства. Одним из результатов этого процесса было выделение в V в. группы близкородственных восточнославянских племенных диалектов, на основе которых сформировался **общевосточнославянский язык**, являющийся предком трех восточнославянских языков — русского, белорусского и украинского.

В истории русского языка выделяют два основных периода — древний и новый.

Древний период — большой исторический промежуток, который длился с VI в. (время формирования общевосточнославянского

языка) по XVII в. (время формирования русского национального языка). В конце XVII — начале XVIII в., на рубеже Средневековья и Нового времени, в связи со слиянием феодальных княжеств и развитием новых социально-экономических отношений, происходили существенные сдвиги в общественной жизни русского народа. Они привели к экономической и политической концентрации населения русских территорий, что означало формирование русской нации и русского национального языка. В эту эпоху начали нивелироваться территориальные диалекты, постепенно прекращалось развитие новых диалектных особенностей (хотя старые диалектные черты оставались устойчивыми). В процессе развития национального литературного языка ослаблялось влияние церковнославянского языка, который играл большую роль в становлении и функционировании русского литературного языка древнего периода.

Новый период жизни русского языка длится с XVIII в. по наши дни. Содержание языковых изменений в русском национальном языке нового периода — это развитие норм литературного языка, в процессе которого происходит слияние народно-разговорных элементов, черт делового языка, европейских заимствований, славянизмов. Возникли две взаимосвязанные разновидности литературного языка — письменная и разговорная, значительно обогатился словарный состав языка (особенно терминология), развились новые стилистические средства, произошла стилистическая переоценка многих языковых средств, усилилась общая демократизация литературного языка.

ЭТАПЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ДРЕВНЕГО ПЕРИОДА

В соответствии с историей русского народа древний период истории русского языка включает 3 исторических этапа: 1) VI—X вв., 2) X—XIII вв., 3) XIV—XVII вв.

1. В VI—X вв. можно говорить об **общевосточнославянском языке** как совокупности близкородственных восточнославянских племенных диалектов. Носители этих диалектов, восточнославянские племена, находились в этот период на стадии разрушения первобытнообщинного строя. Развитие общественных отношений, разделение труда, рост производительных сил привели к возникновению имущественного неравенства и частной собственности, что в дальнейшем вызвало формирование классовых отношений и государства.

Рис. 9. Расселение славянских племен в IX в.

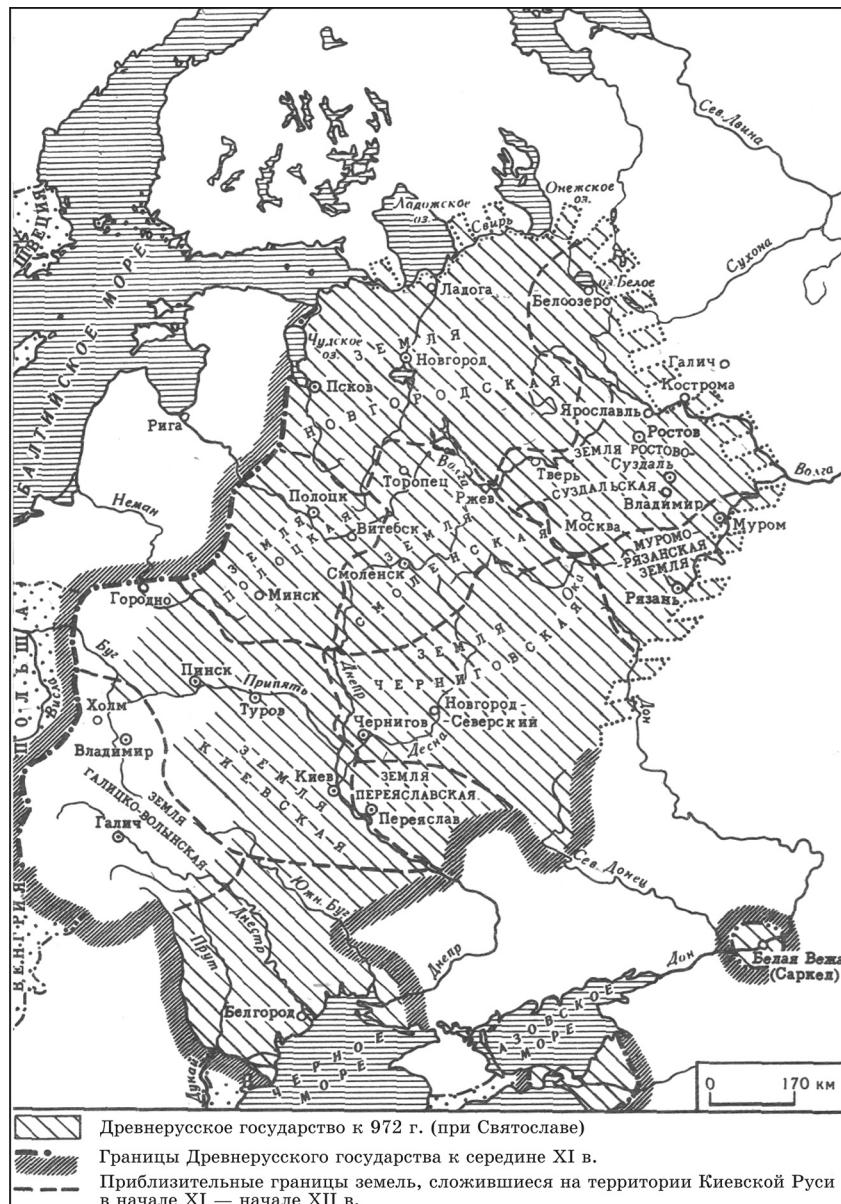

Рис. 10. Карта Киевской Руси X — начала XII в.

В IX в. восточнославянские племена (словене, кривичи, вятичи, радимичи, дреговичи, древляне, поляне и др.) обитали на территории от Балтийского до Черного моря на севере и юге, от Карпат до бассейна реки Оки и до верховья реки Волги на западе и востоке (рис. 9). Эти племена представляли собой союзы мелких безымянных племен, во главе которых стояли князья. Вожди союзов племен (их называли светлыми князьями) подчинялись великому князю киевскому. Система соподчинения, которая выросла в глубинах первобытнообщинного строя, с формированием имущественного неравенства превращалась в систему феодального подчинения. В появлении классов землевладельцев-собственников и зависимых крестьян (холопов) и заключалось развитие феодальных отношений, появление новой общественно-исторической формации — феодализма, сменившего первобытнообщинный строй.

2. X—XIII вв. определяют как древнерусский период, время образования и существования **древнерусского языка**, сложившегося на основе территориальных диалектов Киевской Руси как средство общения древнерусской народности.

В X в. в результате усложнения общественных отношений возникло древнерусское феодальное государство Киевская Русь (рис. 10). Это означало, что на основе восточнославянских племен сформировалась новая этническая общность — древнерусская народность.

Древнерусский язык складывался на основе восточнославянской языковой общности, воспринятой восточными славянами от прошлых эпох. Вместе с тем заметную роль в этом процессе сыграл киевский диалект. В нем нашли отражение особенности и других восточнославянских диалектов в связи с тем, что Киев как политический и культурный центр формирующегося древнерусского государства привлекал обитателей других восточнославянских земель. Древнерусский язык стал языком письменности, появившейся у восточных славян в X—XI вв., и развивался в тесном взаимодействии с **церковнославянским языком** (так называется старославянский язык церковных книг, которые распространялись в Киевской Руси, впитавший в себя некоторые восточнославянские языковые особенности).

3. XIV—XVII вв. — время становления и развития **собственно русского языка**. Уже в конце XII — начале XIII в. начинают проявляться тенденции к распаду Киевской Руси. Этому способствовало усиление феодальной раздробленности древнерусского государства в результате стремления местных феодалов-землевладельцев освободиться от власти киевского князя. Распад Киевского госу-

дарства в XIII в. был ускорен нашествием монголо-татарских кочевников. Одновременно с ослаблением и распадом Киевского государства происходили выделение и рост двух новых политических центров на северо-востоке и юго-западе Древней Руси.

На северо-востоке развивалось Ростово-Суздальское княжество, со временем его центром стала Московская земля (Московское княжество). В процессе расширения владений московских князей, усиления экономической и политической роли Московского княжества на северо-востоке Древней Руси в течение XIV—XVI вв. складывается русская народность как особая этническая общность восточных славян. На основе территориальных диалектов Северо-Восточной Руси формируется собственно русский язык как средство общения русской народности, который лег в основу современного русского языка.

По-иному сложилась судьба западных и юго-западных земель Киевской Руси. Западные земли (с городскими центрами Полоцк, Витебск, Могилев, Минск) в XIV в. вошли в состав Великого княжества Литовского. На их основе сформировалась белорусская народность и белорусский язык.

Одна часть юго-западных земель (Киевское, Чернигово-Северское, Галицко-Волынское княжества) в это время вошла в состав Великого княжества Литовского, другая — в состав Польши. На их основе сложилась украинская народность и украинский язык.

В XVII в. в связи с экономическим и политическим объединением земель, население которых говорило на русском языке, в условиях образования общего всероссийского рынка складывается русская нация и **русский национальный язык**. Современный русский литературный язык развился на основе московского говора, который в результате политического и экономического возвышения Москвы вобрал в себя языковые черты русских диалектов других территорий.

6. ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

ДРЕВНЕСЛАВЯНСКАЯ КИРИЛЛИЦА И РУССКИЙ АЛФАВИТ

Современное русское письмо через древнерусское восходит к кириллице. Буквенный состав древней кириллицы (43 буквы) в целом соответствовал древнеболгарской речи.

В таком составе (43 буквы) кириллица была воспринята древнерусскими книжниками. Более чем за тысячелетнюю историю собственно русского письма в ней произошли значительные изменения в составе, в звуковом значении и начертании ряда букв, в их названиях и алфавитном расположении. В количественном отношении состав русской азбуки уменьшился на 10 букв (33 буквы современного алфавита и 43 — кириллицы). Но русская азбука не только утратила некоторые буквы, но приобрела новые, так что общее количество букв древней кириллицы, вышедших из употребления в русской азбуке, — 14. Большую часть выпавших букв составляют гласные (10). Причина выпадения букв из азбуки состояла в основном в том, что эти буквы оказались лишними, утратив свое специфическое звуковое значение, вследствие чего две или три буквы начинали дублировать друг друга.

Новыми буквами в русском алфавите являются э, ѹ, ё, я. По начертанию буква э представляет собой перевернутое е (в составе кириллицы), отсюда и ее название «э обратное». Новизна этой буквы состоит в ее функциональной особенности в сравнении с буквой е: в отличие от последней буква э обозначает соответствующий звук после твердых согласных или нейотированного звука в начале слова. Буква ѹ (вначале называлась «и с краткой», т. е. с особым значком наверху буквы, отсюда современное название «и краткое») была введена в XVIII в. особым постановлением Академии наук. Буква ё впервые была употреблена писателем и историком Н. Карамзиным в конце XVIII в. Отнесение буквы я к числу новых букв русского алфавита является неоднозначным решением, так как начертание этого знака может быть соотнесено с начертаниями букв «йотированное а» и «юс малый», функционально тождественных с буквой я.

Буквенный состав современного русского алфавита складывается из трех частей: 1) буквы, восходящие через старославянскую кириллицу к греческому алфавиту: а, в, г, д, е, з, и, к, л, м, н, о, п, р, с, т, ф, х (18 букв); 2) оригинальные буквы кириллицы, не имеющие соответствия в греческом алфавите: б, ж, ч, ш, щ, ц, у, ю, ъ, ѿ, ѿ (11 букв); 3) собственно русские буквы: э, ѹ, ё, я (4 буквы).

Современные названия русских букв — «а», «бэ», «вэ» и др. — стали последовательно употребляться сравнительно недавно, не более века тому назад. Они заменили старые названия «аз», «буки», «веди» и др., пришедшие вместе с кириллицей. Новые названия, несомненно, удобнее старых, так как они короче, ближе к звуковым значениям букв, не совпадают по звучанию ни с какими дру-

гими словами, в то время как старые названия были омонимичны другим словам (буква л — «люди», буква п — «покой», буква о — «он», буква с — «слово» и др.).

Новые названия значительно облегчили процесс обучения чтению. В старину при обучении грамоте и особенно в период усвоения правил чтения сначала называли буквы, затем из них образовывались «склады» (т. е. слоги) и только потом — слова. Например, слово *носъ* по слогам надо было читать так: «наш-он-слово-ер».

Старые названия букв не исчезли бесследно, они приводятся словарями как архаизмы или историзмы; кроме того, они сохранились в составе многих фразеологических выражений [5, с. 44—53].

РЕФОРМЫ РУССКОЙ АЗБУКИ И ПРАВОПИСАНИЯ

В связи с развитием звуковой системы русского языка, в особенности литературного, и книгопечатания не раз возникала необходимость упорядочения как алфавита, так и правописания.

Первая реформа русского письма была проведена Петром I, который в 1710 г. утвердил образец новой азбуки, где давались в сопоставлении старые (церковные) и новые (гражданские) буквы (рис. 11). Гражданский шрифт отличался от церковного новым начертанием букв, которые таким образом сближались с буквами латинского алфавита. В азбуку были введены буквы э и я, исключены некоторые буквы древней кириллицы («кси», «пси», «омега»). Впервые устанавливались строчные и прописные начертания букв, в то время как в древней кириллице были только заглавные буквы. Были удалены знаки сокращений слов (титлы), вместо буквенного обозначения цифр были введены арабские цифры. Однако часть исключенных Петром I букв в дальнейшем вос-

Рис. 11. Страница «Азбуки» 1710 г. с поправками Петра I

становливалась и снова исключалась. Некоторые буквы, не имевшие особого звукового значения: «фита», «ять», «и десятеричное» — оставались в русском алфавите вплоть до реформы 1917—18 гг.

Гражданский шрифт не был новой системой письма, в нем получила дальнейшее развитие система кириллицы. Его введение для печатания светских (нецерковных) книг сыграло важную роль в развитии в XVIII в. просвещения и науки. Церковнославянский печатный шрифт, сложившийся на основе старой кириллицы, продолжает употребляться в церковной печати.

Вторая в истории русского письма реформа азбуки и правописания была проведена в 1917—18 гг. Ей предшествовала длительная подготовка (около 10 лет), в которой принимали участие как ученые-языковеды, так и школьные учителя. Результатом реформы стало исключение ряда букв, не имевших особого звукового значения («ять», «фита», «ер» в конце слова, «и десятеричное»), изменение в правилах написания целого ряда окончаний прилагательных и местоимений, изменение правил переноса слов.

В 1956 г. было проведено упорядочение русской орфографии и пунктуации, которое не затрагивало ее основ. Вопросы усовершенствования русского правописания продолжают обсуждаться и в настоящее время.

ЭТО ИНТЕРЕСНО

Названия некоторых букв древнего кириллического алфавита сохранились в составе фразеологических выражений и пословиц. Так, в языке Гоголя, Островского, Тургенева, Чехова, Успенского, Сергеева-Ценского встречаются фразеологические выражения *ни аза* (в глаза) в значении ‘совершенно ничего не понимать, не знать, не смыслить’ (слово *аз* — название первой буквы кириллицы); *дойти до ижицы* ‘кончить’ (слово *ижица* — название последней буквы); *от аза до ижицы* ‘от самого начала до самого конца’; *от ижицы аза не различить* ‘быть неграмотным, несведущим в чем-либо’. О трудностях в обучении грамоте говорит русская пословица *аз, буки — бери указку в руки, фита да ижица — к ленивому плетка близится* и русская поговорка *прописать ижицу* ‘проучить, жестоко наказать, всыпать кому-либо’. Смысъ этих выражений связан с тем, что *фита*, *ижица* — названия двух букв, которые в составе древней кириллицы имели дублеты (т. е. употреблялись для обозначения звуков [ф], [и] наряду с буквами *ферт*, *иже*), поэтому приходилось специально заучивать правила их написания в определенных словах, что представляло трудности для учеников.

К старинным названиям кириллических букв восходят по происхождению такие русские наречия, как *ижицей* (губы, рот, ноги) — на основе внешнего сходства с этой буквой, похожей по начертанию на римскую цифру V, *фертом* (стоять, смотреть, выглядеть) — ‘подбоченившись (так, что похоже на букву ф), развязно, нагло’ — от названия буквы *ферт*. В русском просторечии известно слово *ферт* со значением ‘франт, самодовольный, развязный человек’.

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

С возникновением письменности начинается письменный период жизни языка. Его называют также историческим, так как употребление письменных знаков позволяет закрепить результаты речевой деятельности говорящих в виде письменных текстов, которые обеспечивают возможность не только общения между современниками (в случае их территориальной удаленности), но и передачу информации и опыта (общественного, культурного, жизненного) от поколения к поколению.

Первые письменные памятники — это, естественно, рукописные тексты, которые переписывались со старославянских церковных книг, воспринимавшихся как образцы письменного, книжного языка. Под воздействием этих текстов древнерусские книжники создавали и собственные, оригинальные произведения, предназначенные для просвещения и образования.

Трудом древних переписчиков-книжников была создана богатая и разнообразная в жанровом отношении литература Древней Руси. Чаще всего переписывались богослужебные книги (Библия, Евангелие, Псалтырь, молитвенники, сборники церковных песнопений и др.), создавались жития святых, канонизированных на восточнославянской почве. В текстах этих произведений происходило тесное взаимодействие и взаимопроникновение письменного старославянского языка и живого народного языка восточных славян, тем более что в древнюю эпоху древнеболгарский (лежащий в основе старославянского языка) и древнерусский различались еще незначительно. В дальнейшем старославянский язык церковных книг, которые переписывались древнерусскими книжниками, стал приобретать некоторые особенности в связи с бытованием в восточнославянской языковой среде. Такой особый вариант старославянского языка, сформировавшийся в языке церковных книг Киевской Руси, стал называться **церковнославянским**.

Рис. 12. Страница рукописного Евангелия XVI в. Инициал **Е** (большая буква в начале раздела) и заставки (вверху и справа) как элементы книжного декора

(изображениями святых, князей), так называемыми инициалами, т. е. большими буквами первой строки в начале новой главы или раздела книги (рис. 12). Инициалы имели сложные начертания, стилизованные под изображение растений, зверей, чудовищ. Они были богато раскрашены, нередко покрыты золотом. Такие книги создавались в монастырях монахами или профессиональными переписчиками. Особо торжественно украшенные книги богослужебного содержания заказывались князьями или членами княжеской семьи как ценные вклады в церковь по случаю вступления на престол, бракосочетания и др.

Заметное место в древнерусской книжной культуре занимают летописи — письменные памятники, в которых излагались исторические события русской жизни XI—XVII вв. в их хронологической последовательности. Рассказ о событиях каждого года начался словами *въ лѣто...* (слово *лѣто* в древнерусском языке имело также значение ‘год’), отсюда и название летописи. Русское летописание имеет сложную историю. В основе многочисленных летописных памятников, создававшихся в разных местах древнерусского государства, лежит самый древний летописный текст «Повесть временных лет», который был составлен в конце XI — начале XII в. монахом Киево-Печерского монастыря Нестором (рис. 13). Лето-

писные памятники имеют сложный состав, они включают государственные акты, сведения из политической, военной, церковной истории, географические и этнографические описания, сообщения о стихийных бедствиях, народные предания и др. Поэтому в языке летописей представлены книжно-славянский и народно-разговорный типы письменного языка и даже некоторые диалектные черты древнерусской речи.

Вместе с тем письменность служила самым разнообразным деловым и хозяйственным потребностям: составлению и записи государственных актов и законов, торговых договоров, имущественных распоряжений, хозяйственных отношений (при взимании податей, для записей долгов, актов купли-продажи, наследования, обмена имуществом и т. д.). Такие документы называются *грамотами* (рис. 14—16). Они составляют основной массив деловой письменности, которую называют также светской — в отличие от церковной, к которой относятся богослужебные книги. В основе письменного языка, на котором составлялись грамоты, находился живой народный древнерусский язык, а воздействие на него со стороны

Рис. 13. Нестор-летописец

Рис. 14. Надпись на ободке сосуда XV в. Древняя загадка о Ноевом ковчеге, к которому летит голубь с масличной ветвью, извещая об окончании потопа.

Есть град между нобом и землею, а к ному еде посол без пути сам ним везе грамоту непсану.

Есть город между небом и землею, а к нему едет посол без пути, сам нем ('немой'), везет грамоту неписаную.

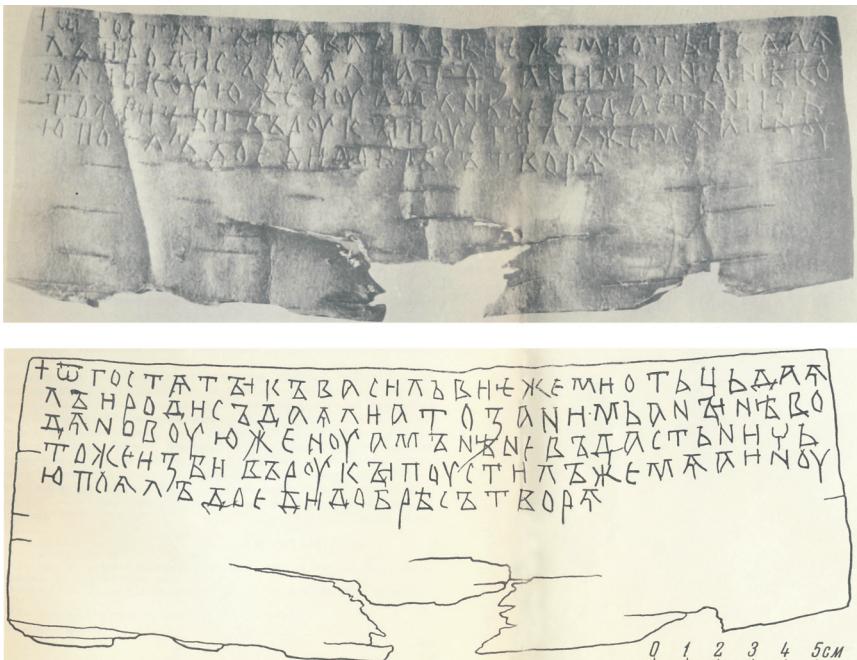

Рис. 15. Послание от Гостяты к Василию (XI в.). Письмо от женщины, которую оставил муж, к родственнику с просьбой приехать, чтобы восстановить семейный мир.

От Гостяты к Васильви. Еже ми отъць даялъ и роди съдаяли, а то за нимъ. А ныне вода новую жену, а мъне не въдасть ничъто же, и зби в руки пустил же мя, а иную поял. Доеди добро сотовря.

От Гостяты к Василию. Что мне отец дал и родственники дали, то осталось у него. А ныне привел новую жену, а мне не дал ничего, и расторгнул брак, отпустил меня, а другую взял. Приезжай, сделай добро.

старославянского было значительно меньшим в сравнении с воздействием старославянского на литературный язык церковных книг.

Значительным событием в истории древнерусского литературного языка является развитие *книгопечатания*. Первые славянские печатные книги появились у западных славян в конце XV в. Восточнославянским первопечатником стал Франциск Скорина, уроженец древнего Полоцка, получивший блестящее образование в старейших университетах Европы. Первая печатная книга, которую Ф. Скорина «повелел тиснути рускими словами а словенским языком», — *Псалтырь* — вышла в свет 6 августа 1517 г. В 1517—1520 гг.

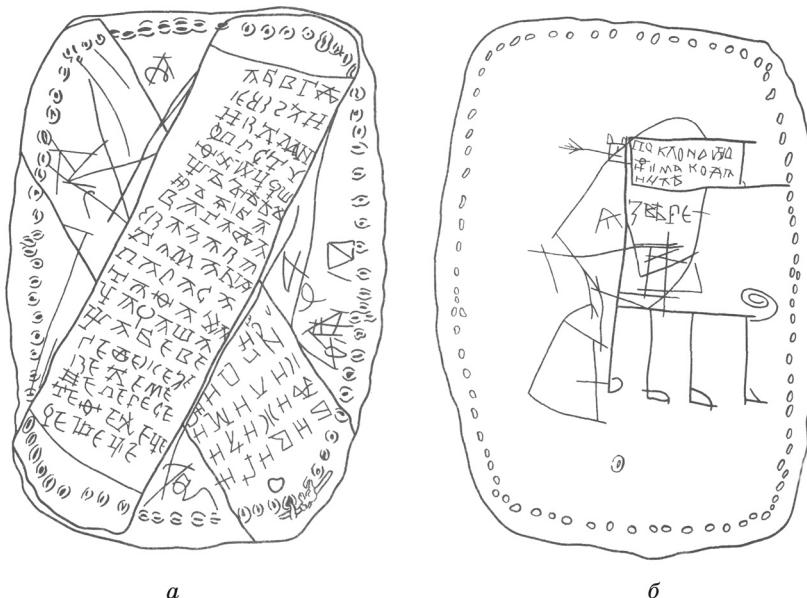

Рис. 16. Берестяные грамоты мальчика Онфима XIII в.:

а — овальное донышко берестяного сосуда (туеса), использованное для школьных записей. Донышко было оторвано от туеса, отслужившего свой срок, и дано ребенку для его занятий. Снаружи на донце набиты для прочности крест-накрест две берестяные полосы; они и заполнены записями. На верхней полосе записан алфавит и склады от «ба» до «ща» и от «бе» до «ще», продолжение их записи — на нижней полосе;

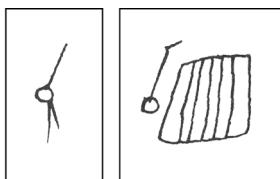
б — на оборотной стороне донышка рисунок зверя и к нему подпись **и звѣре** ‘я зверь’ (зверь сам себя рекомендует). У него квадратная морда, уши кошачьи, язык вытянут и заканчивается оперением (как у стрелы). Одним штрихом изображена шея, туловище, четыре ноги и хвост, загнутый спиралью. Вверху оборотной стороны донышка четырехугольным контуром обведена надпись (в знак того, что она не имеет отношения к зверю). Надпись гласит: **поклоно ѿ онфима ко данилѣ** ‘поклон от Онфима к Даниле’. Это типичная для берестяных писем формула приветствия

в типографии, основанной им в Праге, Ф. Скорина напечатал 23 книги Библии (переведенные и прокомментированные им). Издательская деятельность Ф. Скорины продолжалась в Вильне, столице Великого княжества Литовского, до 1525 г. Начало книгопечатания в Москве относится к 1564 г., когда И. Федоровым и П. Мстиславцем была издана первая точно датированная русская печатная книга «Апостол».

Одним из результатов широкого распространения книгопечатания была унификация графических форм письма (типографский шрифт), становление и упрочение грамматических норм и орфографических правил.

ЗАДАНИЯ

Задание 1. Рассмотрите рисунок, на котором показано, как африканское племя эве записывает свои пословицы (на рисунке слева представлена пословица о нитке, которая следует за иголкой; на рисунке справа — об иголке, которая, будучи очень мала, шивает большое по-лотнище).

Ответьте, какой тип письма использован в этих случаях? Попробуйте передать таким же способом какую-нибудь русскую пословицу.

Задание 2. Прочитайте текст. Обдумайте прочитанное и объясните, как следует понимать следующее высказывание известного лингвиста Ф. де Соссюра: «Язык одновременно и орудие, и продукт речи».

Представим себе конвейер. С конвейера все время сходят часы, только что собранные. Для этого нужны, во-первых, какие-то части, заранее заготовленные (они делаются не на этом конвейере), и, во-вторых, умелая сборка готовых частей по известным правилам. Правила могут быть где-то записаны, но важнее, что они есть в головах сборщиков. И правила для всех одинаковые: все сборщики собирают часы одного типа.

Некоторые часы (большинство) отвечают стандарту, идут точно, другие будут работать с капризами, встречается, наверно, и брак.

Этот конвейер с часами — аналогия речи. <...> Речь — это конкретные часы (высказывания) на конкретном конвейере (мыслительный и речевой аппарат человека).

А язык? Это те правила, по которым идет сборка, это тот план выбора нужных частей, которые используются как готовые, — они образованы тоже по каким-то правилам до речевого конвейера. <...>

Известный юморист А. Бухов писал в 1930-х гг. о плохом качестве замков: они ненадежны, их легко открыть шпилькой, гвоздиком, булавкой, прутиком, пальцем и пирожным эклером. Наверно,

никто до Бухова не употреблял словосочетания *открыть* (чем?) *пирожным*. Это факт его речи, речи шутника-балагура. Только речи? Но такое сочетание возможно лишь потому, что есть модель, отвлеченный образец: глагол + существительное в творительном падеже со значением орудия действия. Эта модель — достояние языка. Она «заготовлена» до речи и направляет построение речи. Значит, модели, образцы, схемы словосочетаний и предложений существуют в языке; в речи они наполняются конкретным словесным материалом.

Речь влияет на язык. В речи появляются новшества, вначале — как ошибки, потом некоторые из них (немногие) становятся частыми, проникают в языковую систему и преобразуют ее [30, с. 338—339].

Задание 3. В следующей стихотворной строфе С. Есенина найдите слово индивидуальной поэтической речи и определите словообразовательную модель русского языка, которая обусловила появление такого авторского новообразования.

Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Клененочек маленький матке
Зеленое вымя сосет.

Задание 4. Прочитайте текст. Вспомните, с какими фактами изменения литературной нормы вы сталкивались, читая произведения художественной литературы, газеты, журналы, слушая речь людей старшего поколения. Дополните своими примерами положения статьи о конкуренции вариантов литературной нормы.

Норма — регулятор правильности литературного языка и его устойчивости. Но значит ли это, что норма постоянна, неизменна, незыблема? Нет. Всякий язык развивается (хотя и очень медленно), и вместе с ним изменяется его норма. В разные эпохи языковая норма не одинакова. В пушкинские времена говорили *домы*, *корпусы*, теперь — *дома*, *корпуса*... <...> А. Н. Толстой, почти наш современник, в одном из своих рассказов описывает действия героя, который *стал следить полет коршунов над лесом*. Мы бы сказали: *стал следить за полетом коршунов*.

Такая перемена норм — явление естественное. Трудно представить себе общество, в котором менялись бы социальный уклад, обычаи, отношения между людьми, развивалась наука и культура, а язык на протяжении веков оставался бы неизменным.

Источники обновления литературной нормы многообразны. Прежде всего, это живая, звучащая речь. Она подвижна, текуча, в ней совсем не редкость то, что не одобряется официальной нормой: необычное ударение, свежее словцо, которого нет в словарях, синтаксический оборот, не предусмотренный грамматикой. При неоднократном повторении многими людьми новшества постепенно входят в литературный обиход и составляют конкуренцию фактам, освященным традицией.

Так возникают варианты: рядом с *вы пра́вы* появляется *вы пра́вы*, с формами *гóды*, *тракторы*, *цéхи* соседствуют *годá*, *тракторá*, *цехá*, традиционное *обусловливать* начинает вытесняться новым *обуславливать*. Конструкции вроде *соревнования по бегу*, *специалист по сельскому хозяйству*, несколько десятилетий назад казавшиеся невозможными (надо было говорить и писать только *соревнования в беге*, *специалист сельского хозяйства*), в наши дни уже никого не удивляют.

Источником обновления нормы могут служить местные говоры, просторечие, профессиональные жаргоны, даже другие языки.

Так, в послереволюционную эпоху литературный словарь пополнился словами *глухомань*, *затемно*, *морока*, *муторно*, *новосел*, *обеднять*, *отгул* и другими, которые пришли из диалектов и теперь сделались вполне нормативными (некоторые из них имеют яркую разговорную окраску). <...>

Существование разных — традиционного и нового — способов речи редко бывает мирным. Чаще один постепенно вытесняется другим. <...> Борьба вариативных средств может приводить и к размежеванию вариантов — по смыслу, по сочетаемости их с другими словами или по стилистической окраске. <...>

Различая близкое, литературная норма оттачивает средства языка, делает их пригодными для выражения тонких смысловых и стилистических оттенков. Нормы меняются медленно, и это понятно: ведь они — фильтр, предназначенный для того, чтобы из языкового потока в общее употребление попадало лишь все действительно яркое и выразительное. Только так можно сохранить единство литературного языка и его общепонятность [23, с. 109—110].

Задание 5. Найдите языковые явления, не соответствующие современным грамматическим или орфоэпическим нормам, но встречающиеся у писателей XVIII—XIX вв.

1. Горький полынь — эта песнь невеселая (*И. Никитин*). 2. То к темю их прижмет, то их на хвост нанижет (*И. Крылов*). 3. Глядь,

поверх текучих вод лебедь белая плывет (А. Пушкин). 4. А я здесь в поте и в пыли, я, царь земли, прирос к земли (Ф. Тютчев). 5. И первым снегом с кровли бани умыть лицо, плеча и грудь (А. Пушкин). 6. Из стада серый волк в лес овцу утащил (И. Крылов). 7. Питомец резвой Карабаха прядет ушьми (М. Лермонтов). 8. Здесь вечны блага не бывали. И никогда нам без печали не доставалися оне (В. Жуковский). 9. Меж ими все рождало споры (А. Пушкин). 10. Из поваренков за грехи в деревню сослан в пастухи (И. Крылов). 11. Взвести друг на друга курок (А. Пушкин). 12. Вокруг ее стоит грозная стража, на плечах топорики держат (А. Пушкин). 13. День прошел — царица вопит (А. Пушкин). 14. Тебе сокровищей всех мало (А. Радищев).

ФОНЕТИКА

1. ГЛАСНЫЕ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗВУКОВОЙ СИСТЕМЫ ГЛАСНЫХ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

ля характеристики звуковой системы любого языка необходимо определить главные закономерности строения слога. В отличие от современного русского языка общевосточнославянскому (древнерусскому) языку были присущи только открытые, т. е. оканчивающиеся гласным, слогообразующим звуком, слоги (эта особенность слоговой структуры древнерусского языка определяется как **закон открытого слога**, или тенденция к восходящей звучности слога). Другой закономерностью структуры древнерусского слога было сочетание в пределах одного слога мягких согласных и гласных переднего ряда или твердых согласных и гласных непереднего ряда. Так, современные местоимения *кто*, что произносились в древнерусском языке как двусложные слова *къ-то*, *чъ-то* (в кириллице знаки **ъ**, **ь** обозначали гласные непереднего и переднего ряда).

Число гласных в древнерусском языке было большим, чем в современном русском языке. Кроме 6 гласных звуков ([а], [о], [е], [и], [ы], [ү]), известных современному языку и обозначавшихся соответствующими буквами так же, как и теперь (не было только буквы э), в древнерусском языке были два гласных неполного образования (редуцированных, т. е. ослабленных), обозначавшихся буквами **ъ** («ер»), **ь** («ерь»). В эту же группу гласных входил звук [ê] (закрытый), который с фонетической точки зрения был более напряженным и долгим, чем звук [е]. В кириллической азбуке ему

соответствует буква Ъ с названием «ять» (древний звук [ê] в лингвистической терминологии называется словом *ять*, по названию соответствующей буквы). В древнейшую эпоху общевосточнославянского языка были еще два носовых (т. е. произносившихся с носовым призвуком) гласных — [o] носовой и [e] носовой, которые в кириллице обозначались соответственно буквами ѿ («юс большой») и ѿ («юс малый»).

Рассмотрим основные звуковые черты современного русского языка, исторически связанные с действием древних закономерностей строения слога, а также с характером утраченных древнерусских гласных, которые оставили свои следы в фонетической системе современного русского языка.

ПОЛНОГЛАСИЕ

Присущая русскому языку фонетическая особенность — полногласие — проявляется как сочетания *оро*, *оло*, *ере* между согласными в корнях слов и некоторых приставках, которые присутствуют в составе исконно русских слов общеславянского происхождения, например: *сторона*, *голос*, слова с приставкой *пере-*. Развитие таких сочетаний звуков относится к древнему периоду распада праславянского языка, в звуковой системе которого в связи с действием закона открытого слога подвергались изменению древние сочетания гласных с плавными между двумя согласными (типа **tormt*-, **tolmt*-, **termt*-)¹. Чтобы устраниТЬ в таких случаях закрытость слога, в древних восточнославянских диалектах развивался второй гласный после плавного. В то же время в древних южнославянских диалектах устранение закрытости слога произошло другим путем — за счет перестановки звуков и развития сочетаний типа *ра*, *ла*, *ре*, *ле*. Поэтому многим русским словам с полногласием можно найти соответствующие однокоренные слова со старославянским (т. е. южнославянским) неполногласным сочетанием, например: *сторона* — *страна*, *голос* — *гласный*, *перечить* — *вопреки*, *перегородить* — *преградить* (в последнем случае русское полногласие и старославянское неполногласие представлены и в корне, и в приставке). С действием этой же тенденции устранения за-

¹ Значок * здесь и далее употребляется для обозначения звуков, сочетаний звуков, морфем или лексем, реконструированных в качестве языковых единиц праславянского языка, которые в древнерусском языке уже не отмечены, так как пережили соответствующие изменения или были вообще утрачены.

крытости слога связано соответствие сочетаний *оло* (*ело*) в русских словах и сочетания *ле* в старославянских, например: *волочить* — *увлекать*, *молоко* — *млекопитающее*, *шелом* — *шлем*.

В современном русском языке есть еще ряд слов с начальными сочетаниями *ра*, *ла* и *ро*, *ло*, а также с приставками *раз-*, *роз-*, например: *равный* — *ровный*, *ладья* — *лодка*, *расход* — *роспись*. Эти сочетания представляют собой разные результаты развития сочетаний типа **орт*, **олт* в начале слов в древних диалектах южных и восточных славян. Исконно русскими являются слова с начальными *ро*- , *ло*- , слова с начальными *ра*- , *ла*- — заимствования из старославянского.

Таким образом, слова с неполногласными сочетаниями в корнях общеславянских слов по происхождению являются иноязычными заимствованиями. Многие из них прочно вошли в русский язык, первоначально через церковные книги. Обычно старославянские по происхождению слова имеют более отвлеченное значение, чем соответствующие им собственно русские, например: *порожний* — *праздный*, *теребить* — *требовать*, *хоромы* — *храм* и др.

Употребление старославянских слов в русском языке имеет многовековую историю. В результате их длительного сосуществования некоторые неполногласные слова вытеснили исконно русские слова с полногласием. Так, например, вместо исконно русских полногласных *веремя*, *хоробрий*, *солодкий*, *ворог*, *полон*, *веред* в русском литературном языке употребляются неполногласные слова *время*, *храбрый*, *сладкий*, *враг*, *плен*, *вред* (ср. в русских диалектах слова с полногласием *солодкий*, *ворожба*, *веред* ‘болячка’ и др.). Вместе с тем большая группа слов бытовой лексики с полногласием в современной разговорной речи старославянских параллелей не имеет, например: *корова*, *поросенок*, *воробей*, *борона*, *колода*, *сковорода*, *горох*, *голод*, *хворостина* и др. (возможно, и в прошлом такие соответствия были неизвестны).

ДРЕВНЕРУССКИЕ РЕДУЦИРОВАННЫЕ ГЛАСНЫЕ

В современном русском письме употребляются два знака **ть** и **ъ** («твёрдый знак», «мягкий знак»), которые не обозначают особых звуков.

Твёрдый знак употребляется только как разделительный знак после приставок на согласный (*подъём*). Мягкий знак используется как разделительный в остальных случаях вместо твёрдого (*деревья*, *выюга*); для обозначения мягкости согласного (*рысь*, *конь*); по традиции, как средство выражения какой-либо грамматической категории (*ночь*, *режь*, *пишешь*).

В древнерусском языке знак **ть** («ер») обозначал гласный редуцированный звук непереднего ряда, близкий к [о], а знак **ь** («ерь») — гласный редуцированный переднего ряда, близкий к [е]. Современные слова *мох*, *пень*, *холм*, *верх*, *кровь*, *слеза* передавались на письме (в соответствии с их произношением) как *мъхъ*, *пънь*, *хълмъ*, *върхъ*, *кръвъ*, *слъза*. Древнерусские редуцированные гласные в отличие от современных гласных, которые произносятся в неударных слогах, были самостоятельными звуками, могли быть ударными и служить различению звуковых оболочек разных слов, например: *мъхъ* ‘мох’ — *мелъ* ‘мёл’ (действие) — *мълъ* ‘известняк’. В разных формах одного и того же слова или в составе разных сочетаний звуков редуцированные могли находиться в сильных и слабых позициях. Так, в древнерусских словах типа *мъхъ*, *пънь* редуцированные в конечном слоге всегда имели слабую позицию, а редуцированные в первом слоге в этих словах выступали в сильной позиции (перед слогом со слабым редуцированным и в ударном положении); в словах типа *хълмъ*, *върхъ*, *кръвъ*, *слъза* редуцированные в корне имели сильную позицию не только как ударные или как произносившиеся перед слогом со слабым редуцированным, но, прежде всего, как произносившиеся в сочетании со звуками [л], [р]. В сильных позициях в определенный период истории языка (вероятно, в XII—XIII вв.) звук [ъ] изменился в [о], а звук [ь] — в [е]. В слабых же позициях редуцированные гласные полностью исчезли.

Эти результаты исторического развития редуцированных (вocalизация в сильной позиции и выпадение в слабой) имели значительные последствия для фонетической системы русского языка. Во многих словах сократилось количество слогов (*ко-нь* в древнерусском языке и *конь* в современном), значительно возросло количество однослоговых знаменательных слов и форм слов (*дом*, *кот*, *туч*, *мест*, *добр*, *смел* и т. п.). Это привело к формированию в языке нулевых (не выраженных звуками) окончаний, отвечая в целом общей тенденции развития языков — экономии речевых средств.

История редуцированных объясняет очень заметную особенность современной русской речи — «беглость» гласных, т. е. чередование гласных [о], [е] с «нулем гласного» типа *мох* — *мха*, *пень* — *пня*, *кусок* — *куска*, *ручка* — *ручек* (ср. с древнерусскими формами *мъхъ* — *мъха*, *пънь* — *пъня*, *кусъкъ* — *кусъка*, *ручъкъ* — *ручъка*). Это явление развились в связи с тем, что в разных формах одного и того же слова редуцированные звуки в основе слова выступали в разных позициях: в сильной позиции — перед утраченным конечным редуцированным (это имеет место в форме И. п. ед. ч. при-

веденных слов), и в слабой позиции — перед гласными полного образования в составе падежных флексий.

Таким образом, беглость гласных [о], [е] (чредование гласных [о], [е] с нулем звука) — это фонетический процесс в древнерусском языке, который не мог иметь место в словах, возникших в более позднее время. Тем не менее это явление обнаруживается и в таких словах, которых древнерусский язык не знал: *путевка* — *путевок*, *шоколадка* — *шоколадок*, *республиканец* — *республиканца*, *прогрессивный* — *прогрессивен* и др. Дело в том, что беглость гласных в современном языке представляет собой не фонетическое, а морфологическое явление. Возникнув в древности по фонетическим причинам, беглость гласных превратилась в морфологическое средство образования форм определенных категорий слов. Особенно широкий характер этого явления современного русского языка объясняется тем, что многие современные суффиксы существительных и прилагательных происходят от древнерусских суффиксов с редуцированными гласными в их составе *-ък-* (-ък-), *-ъц-*, *-ън-* (-ън-) или являются их производными, например: *головка* — *головок*, *паренек* — *паренька*, *орленок* — *орленка*, *рыбешка* — *рыбешек*, *владелец* — *владельца*, *красавец* — *красавца*, *спартаковец* — *спартаковца*, *заметный* — *заметен*, *убедительный* — *убедителен*, *эмоциональный* — *эмоционален* и др.

ДРЕВНЕРУССКИЙ ЗВУК [Ё] (Ё)

Особый древнерусский звук «ять», название которого восходит к названию буквы древнего кириллического алфавита Ё, обозначавшей этот звук, произносился как напряженный долгий [е] во многих древнерусских корневых морфемах и окончаниях (*ðъдъ*, *снъгъ*, *бълыи*, *лъвыи*, *нъкъто*, *въгородъ*, *на ръцъ* и др.). Историческое изменение этого звука, в результате которого в большинстве говоров русского языка и в литературном языке он совпал со звуком [е], происходило в течение длительного периода (ХII—XVIII вв.). По этой причине звук «ять», долго сохранявший свое особое звучание, не подвергся тем изменениям, которые в XIII—XIV вв. затронули произношение [е] исконного и [е] на месте бывшего [ъ] в сильной позиции. Их результатом явилось произношение на месте этих гласных в положении после мягкого согласного перед твердым под ударением звука [о] (орфографически ё), например в современном языке: *тёмный* — *темнеть*, *берёза* — *березняк*, *сёл* — *сель-*

ский, вёл — вести и др. Но звук [e] из бывшего звука «ять» переходу в [o] не подвергается, например: *дед, лес, снег, лето, белый, левый, некто* и др.

Правда, отсутствие перехода [e] в [o] под ударением перед твердым согласным в современном языке может иметь и другие причины. Прежде всего, это влияние церковнославянского языка, которому такое изменение было несвойственно. Отсюда произношение с [e] слов *крест, небо, пещера, надежда* и других, имеющих старославянское происхождение. Но показательно, что в русских словах, образованных от этих корней, переход [e] в [o] происходит: *перекрёсток, Печора* (река), *нёбо* (во рту), *надёжный* и др. Отсутствие перехода отмечено и в широком кругу книжных слов, особенно в поэтической речи XVIII—XIX вв., о чем свидетельствует характер рифм у И. Крылова: *Когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдет*; у А. Пушкина: *На холмах пушки, присмирев, прервали свой голодный рев*.

Во-вторых, произношение [e] без изменения в [o] наблюдается в значительном числе русских слов, в которых звук [e] оказался перед твердым согласным в тот период, когда фонетический процесс изменения [e] в [o] уже не действовал. А в более ранний период, когда этот процесс был живым, звук [e] в корнях таких слов произносился перед мягким согласным, например в древнерусских словах *първъи, върхъ, четвъртъ, зъркало, държати, женъскыи* и др.¹ (ср. в современном *первый, верх, четверг, зеркало, держать, женский*).

ДРЕВНЕРУССКИЕ НОСОВЫЕ ГЛАСНЫЕ

Гласные [o] носовой и [e] носовой, которые обозначались в кириллической азбуке буквами **ж** («юс большой») и **ѧ** («юс малый»), характерны только для древнейшей поры русского языка. Еще до появления первых письменных памятников древнерусского языка, очевидно в середине X в., они были утрачены: [o] носовой изменился в [u], а [e] носовой — в [a] после мягкого согласного, который в кириллице обозначался буквой **ѧ** («а ютированная»). Поэтому уже в самых ранних памятниках XI в. буквы **ж** и **ѧ** смешиваются с буквами **у** и **ѧ** как буквы, обозначающие одни и те же звуки: **ж** и **у** обозначали [u], а **ѧ** и **ѧ** — [a] после мягкого согласного. Так, *ржка* и *рука* произносились как [рука], а *пать* и *пать* — как [п'ать].

¹ Звук [r] в корнях слов в сочетании с предшествующим редуцированным переднего ряда был мягким согласным.

Хотя ранние восточнославянские памятники свидетельствуют об утрате в живой речи носовых гласных, все же в современном русском языке есть неоспоримые свидетельства их существования в раннем общевосточнославянском народном языке. Для того чтобы разобраться в них, следует остановиться на вопросе происхождения носовых гласных у древних славян. Дело в том, что носовые гласные древнего праславянского языка возникли на базе индоевропейских сочетаний гласных [о], [е] с носовыми согласными [н], [м] — [*он], [*ом], [*ен], [*ем]. Так как эти сочетания образовывали закрытые слоги, то в праславянском языке, характеризовавшемся тенденцией к открытости слога, они имели особую судьбу: в положении перед следующим согласным или на конце слова они преобразовывались в гласные с носовым призвуком (т. е. в носовые гласные), которые соответствовали структуре открытого слога. На базе сочетаний носовых согласных с гласными непереднего ряда развивался носовой гласный непереднего ряда — [о] носовой; на базе сочетаний с гласными переднего ряда — носовой гласный переднего ряда — [е] носовой. Если же сочетания гласных с носовыми согласными произносились перед гласными, то такие сочетания сохранились в праславянскую и общевосточнославянскую эпоху без изменения. Так, в древнерусской глагольной форме 1-го л. ед. ч. наст. вр. *жъ-му* представлено древнее сочетание гласного с носовым согласным [ъм], которое оказалось распределенным между двумя слогами. Но в форме инфинитива этого глагола в связи с присоединением к основе *жъм-* суффикса инфинитива *-ти* должен был возникнуть закрытый слог **жъм-ти*, и поэтому на базе сочетания [ъм] развивается носовой гласный переднего ряда — [е] носовой, который на письме передавался буквой «юс малый»: *жъти*.

Таким образом, уже в праславянскую и общеславянскую эпоху сложились чередования «сочетание типа [*он] / [о] носовой» и «сочетание типа [*ен] / [е] носовой», унаследованные затем древнерусским языком как чередования сочетаний [он], [ом], [ен], [ем], [ън], [ъм], [ън], [ъм], [ин], [им] / [у], [’а]. При этом сочетания редуцированных гласных с носовыми согласными претерпели еще одно преобразование, утратив в своем составе редуцированные. Так возникло чередование носовых согласных [н], [м], или, точнее, сочетаний типа «нуль звука с носовыми согласными», и гласных [у], [’а], представленное в следующих рядах слов и словоформ современного русского языка: *начало — начну — начинать; память — помню — (у)помнинать; мука — мять — мну — (раз)мининать; время — времени; знамя — знамени; имя — имени; мятеж — смута; пряжка — упругий; вязать — союз; тряска — трусить* и др.

Носовые гласные образовывались не только в составе корней и суффиксов, но и в приставках *сън-*, *вън-*, *кън-*, если приставки присоединялись к корням, начинающимся на согласный. Так возникла приставка *су-* (на месте **сън > съ*), представленная в ряде слов, с точки зрения современного языка уже нечленимых: *сугроб*, *сумерки*, *сustав*, *сукровица*, *супротив* и др. Но в сочетании с корнями слов на гласный такие приставки подвергаются переразложению между приставкой и корнем, а иногда полностью воспринимаются как часть корня. Так, неразложимыми в словообразовательном отношении оказались в современном языке бывшие приставочные образования от глаголов с общим корнем *има-ти* — *и-ти* с лексическим значением ‘брать, получать’ (образованные как глаголы многократного и однократного способа действия на основе уже известного чередования *им/’а*): *снять* — *снимать*, *внять* — *внимать*, *поднять* — *поднимать*, *понять* — *понимать*, *отнять* — *отнимать* и др. Звук [н] стал восприниматься как корневой и по аналогии появился между корнем и другими приставками, которые исключительно в своем составе не имели этого звука, например: *унять*, *донять*, *занять* и др.

С историей носовых гласных в общевосточнославянском языке связано также чередование [у]/[а, ’а] в суффиксах прилагательных и причастий: *лежачий* — *живучий*, *горячий* — *бегущий*; в глагольных окончаниях: *просят* — *пишут* и др.

ЗАПОМНИТЕ!

Иноязычные по происхождению слова *бюллетень*, *брелок* при изменении по падежам не имеют беглого гласного: *бюллетени*, *бюллетени*; *брелока*, *брелоки* и т. п.

2. СОГЛАСНЫЕ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗВУКОВОЙ СИСТЕМЫ СОГЛАСНЫХ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

В системе согласных современного русского языка наиболее значительные группы звуков, объединенных по признаку парности, представлены группой парных по твердости-мягкости — 30 со-

гласных и группой парных по глухости-звонкости — 22 из общего числа согласных 36. В древнерусском языке соотношение парности и непарности согласных было иным: из общего числа согласных 25 парными по твердости-мягкости были 10, по глухости-звонкости — 12. Такое различие связано с особым характером мягких согласных, унаследованных древнерусским языком от праславянского. Оно свидетельствует о значительных изменениях признаков твердости-мягкости и глухости-звонкости согласных в условиях возникновения закрытых слогов на месте открытых. Рассмотрим происхождение некоторых групп согласных древнерусского языка и их дальнейшее развитие.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ИСКОННО МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ И РАСШИРЕНИЕ ГРУППЫ СОГЛАСНЫХ, ПАРНЫХ ПО ТВЕРДОСТИ-МЯГКОСТИ

По отношению к признаку твердости-мягкости особое место в русском языке исторически занимают звуки [ж], [ш], [ч'], [ц], [ш'] (обозначается буквой щ). Они возникли еще в праславянскую эпоху в результате смягчения разных групп согласных в положении перед мягким согласным [j], перед или после глухих переднего ряда, которое развивалось в соответствии с древней закономерностью структуры праславянского слога — тенденцией к сочетанию в пределах одного слога мягких согласных и глухих переднего ряда. Происхождение этих звуков отражено в следующей таблице:

Современный звук	Праславянский звук	Изменение перед [j]	Изменение перед глухим переднего ряда	Изменение после глухого переднего ряда
[ж]	[*г]	дружу	дружить	
	[*з]	режу		
	[*д]	вожак		
[ш]	[*х]	глушь	глушить	
	[*с]	ноша		
[ц]	[*к]		вкратце	лицо, отец
[ч']	[*к]	плач	плачешь	
	[*т]	прячу		
	[*кт, гт]		течь, беречь	
[ш'] (щ)	[*ск]	трещать	трещина	
	[*ст]	пуща		

В древнерусскую эпоху все эти звуки были только мягкими. В историческом развитии русского языка звуки [ж], [ш], [ц] отвернули, но современная орфография отражает их былую мягкость: *жизнь, ширь, цифра* (принцип таких написаний называется традиционным или историческим).

Губные согласные [п], [б], [в] в положении перед [j] также смягчались и при этом преобразовывались в сочетания [пл'], [бл'], [вл'], например в современном языке: *вопль* (*вопить*), *рубль* (*рубить*), *ловля* (*ловить*). В немногих случаях смягчению и переходу в [з'], [ц'] подвергались праславянские звуки [*г], [*к], например: *друг — друзья, меркнуть — мерцать* и др.

Группу исконно мягких согласных дополняли еще согласные [р'], [л'], [н'], которые смягчились в положении перед [j], но в отличие от большой группы праславянских согласных [*г], [*к], [*х], [*с], [*з], [*т], [*д], [*п], [*б], [*в], переживших процессы смягчения, другими звуками не стали и поэтому образовали соответствующие пары по твердости-мягкости. Тем не менее количество древнерусских парных согласных по этому признаку оказалось незначительным в сравнении с общим количеством согласных. Большинство согласных, не унаследовавших признак мягкости по происхождению, оставалось твердыми даже в положении перед гласными переднего ряда, испытывая при этом только незначительное приспособительное смягчение. В исторический период русского языка произошло полное смягчение таких согласных, что и определило появление большего количества пар по твердости-мягкости в современном русском языке.

РАСШИРЕНИЕ ГРУППЫ СОГЛАСНЫХ, ПАРНЫХ ПО ГЛУХОСТИ-ЗВОНКОСТИ

В древнерусском языке как звонкие, так и глухие согласные по закону открытого слога могли произноситься преимущественно только перед гласными, т. е. в сильных позициях, и не имели слабых позиций (ср. *кръвъ*, *лавъка*, *ножъка*, *возъ*, *лодъка*, *кошъка* и др.). Это определяло особый характер отношений между глухими и звонкими согласными, когда отношения между парными по глухости-звонкости согласными ничем не отличались от отношений между непарными (*косъба* — *резъба* как *косъба* — *мольба*).

Кроме того, древнерусскому языку (как и праславянскому) был неизвестен звук [ф], который в письменной речи употреблялся только в заимствованных словах и именах, например: *философъ, фарисеи, порфира, анафема, Филиппъ, Федотъ* и др. Поэтому древнерусский звонкий звук [в] не имел пары по глухости.

В дальнейшем развитии русского языка в связи с утратой редуцированных гласных в конце слова и слога (например, в древнерусских словах *крѣвъ, лавѣка, ножъка, возъ, тришьды, лодѣка, лѣжъ* и др.) бывшие сильные позиции звонких согласных стали слабыми, в результате чего происходило их оглушение, в том числе и изменение звука [в] > [ф]. Это привело к увеличению количества слабых позиций всех звонких согласных, т. е. формированию пар глухих и звонких согласных как соотносительных по этому признаку звуков в современном русском языке. Кроме того, глухие звуки [ф] — [ф'] стали произноситься в исконно русских словах и пополнили состав пар по глухости-звонкости.

ЧЕРЕДОВАНИЯ СОГЛАСНЫХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В связи с тем, что многие согласные в сочетании с [j] изменились определенным образом, в современном языке обнаруживается четкая система чередований согласных. В ней отразилось также влияние на древнерусский язык старославянского языка (южнославянского по происхождению). Дело в том, что сочетание праславянских согласных [*д], [*т] с [*j] в старославянском языке имело иные результаты, чем в древнерусском. На их месте развились сложные звуки [ж'д] и [ш'т'] (последний в кириллической азбуке обозначался буквой щ). Например, в соответствии с древнерусским словом *рожение* в старославянском было образовано *рождение*, древнерусскому корню слова *проглочу* соответствовал в старославянском корень слова *поглощение* (с общеславянскими корнями *-род-, *-глот-). Многие старославянские соответствия такого типа были заимствованы и закрепились в русском языке.

Таким образом, в результате различных фонетических процессов, которые произошли еще в праславянскую эпоху, а также в результате влияния старославянского языка на древнерусский в современном языке появились следующие ряды чередований согласных,

которые во многом определяют особенности образования слов и форм слов:

- [к]/[ч']/[ц]: *лик* — *личико* — *лицо*;
- [г]/[ж]/[з]: *друг* — *дружба* — *друзья*;
- [х]/[ш]: *петух* — *петушиный*;
- [т]/[ч']/[щ]: *свет* — *свеча* — *освещение*;
- [д]/[ж]/[жд]: *водить* — *вожу* — *вождение*;
- [ск]/[щ]: *искать* — *ищу*;
- [ст]/[щ]: *простить* — *прошу*;
- [ск]/[ст]/[щ]: *пускать* — *пустить* — *пущу*;
- [с]/[ш]: *просить* — *прошу*;
- [з]/[ж]: *взять* — *вяжу*;
- [б]/[бл']:*любить* — *люблю*;
- [п]/[пл']:*купить* — *куплю*;
- [м]/[мл']:*земной* — *земля*;
- [в]/[вл']:*кровь* — *кровля*;
- [ф]/[фл']:*графить* — *графлю*.

УПРОЩЕНИЕ ГРУПП СОГЛАСНЫХ И РАЗРУШЕНИЕ РОДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ СЛОВ

Под воздействием закона открытого слога еще в **praslawянскую эпоху** произошло упрощение некоторых сочетаний согласных на стыке приставки и начального звука в корне слова, что повлекло за собой образование новых корневых слов, утративших формальную и смысловую связь с теми словами, от которых они первоначально были образованы. В современном русском языке широко представлены результаты упрощения группы [*бв], возникшей при сочетании приставки *об-* с начальным звуком корня [в], который в дальнейшем выпал. Так, например, от *воротъ* было образовано **обворотъ*, которое развило в слово *оборот* и утратило словообразовательную связь с корнем *-ворот-*. Таким же способом от *видѣти* был образован глагол **обвидѣти* > *обидеть* с первоначальным значением ‘не желать видеть кого-либо’. Древний корень *-вѣт-* (>*-вет-*) со значением ‘совет, договор’ выступает в составе однокорневых (хотя и нечленимых в современном языке) слов: *завет*, *завещание*, *ответ*, *привет*, *приветствие*, *совещание*. К этому же словообразовательному гнезду принадлежит слово *обет* (< **обвѣтъ*), от которого образовано *обещание*.

От глагола с конкретным значением *взять* при помощи приставки *об-* было образовано слово **обвязати*, которое изменилось в *обязать*, развившее переносное значение. В свою очередь, от этого глагола образовалось гнездо слов: *обязанность, обязательный, обязательно, обязывать(ся)*. Следует обратить внимание на то, что известное правило о написании разделительного твердого знака в словах с приставкой на согласный перед корневыми **я, е, ё, ю** в данном случае неприменимо.

В результате выпадения звука [в] после приставки *об-* в русском языке образовались следующие слова: *обернуться, обитать* (ср. фразеологизм *витьать в небесах* ‘пребывать в возвышенных чувствах’), *облако, обладать, область, облачиться, обод, обоз, оболочка, обогреть, обрачиваться, обращение*. Вместе с тем известны слова с сочетанием [бв], в котором [б] относится к приставке, а [в] — к корню: *обвязать, обвернуть, обвести, обвинить, обводнение* и др. Все эти слова возникли позже, когда сочетание [бв] стало возможным по законам фонетической системы русского языка.

ЭТО ИНТЕРЕСНО

Нечленимые с точки зрения современного языка образования *обыкновенный, обычай, обычно* с упрощением группы [бв] восходят к древнему корню *-вък-*, в неразрушенном виде представленному в словах, также нечленимых: *навык, привычка, съвыкнуться, отвыкнуть*. Все эти слова оказываются родственными со словами *учить, учеба, наука, неуч* и др., восходящими к корню *-ук- (-уч-)*. Дело в том, что корень *-вък- (-въч-)* является вариантом корня *-ук- (-уч-)*, так как согласный [в] — вставочный звук, возникший потому, что у славян гласный [ы] не мог находиться в начале слова¹.

Еще одно упрощение групп согласных произошло в **древнерусскую эпоху**, после утраты редуцированных и связанного с этим появления сочетаний трех согласных в одном слоге. Такие сочетания не свойственны русской речи, поэтому при произношении неизбежно происходит их упрощение за счет выпадения одного

¹ Чeredование [ы]/[у], которое наблюдается в этом корне, является общеславянской фонетической закономерностью и встречается в других словах: *дыхание — дух, засыхать — засушить*.

или даже двух согласных. Если такие изменения отражаются на письме, происходит разрыв родственных связей слов и появление новых корневых слов. Так, например, возникли следующие слова: *берцовая* (кость) — из *бедрьцевая*, ср. *бедро*; *гончар* — из *гѣрнъчаръ*, ср. *горн*; *кочегар* — из *кочерьгаръ*, ср. *кочерга*; *полтора* — из *полъ втора*, ср. *пол(овина) второго*; *хорь* — из *дѣхорь* ‘отличающийся сильным запахом’ с корнем *-дух-*/*-дыих-*/*-дѣх-*; *Брянск* — из *Дѣбрѧньскъ*, ср. *дѣбри*; *chan* — из *дѣчанъ*, *тѣщанъ*, ср. *доска* и др.

Но часто писцы сохраняли традиционное написание морфем и слов, соответствующее их фонетическому составу и не отражающее позиционных изменений звуков. Закрепление морфологического принципа письма (в отличие от фонетического), несмотря на изменение произношения групп согласных после утраты редуцированных, имеет место на стыке корня и суффикса, если утратившийся звук сохраняется в родственных словах. Так возникло несоответствие произношения слова его написанию, которое получило название «непроизносимые согласные».

В современном русском языке непроизносимые согласные обозначаются на письме в следующих сочетаниях:

- *стн* с непроизносимым звуком [т]: *участник* (уча[с'н']ик), ср. *участъ*;
- *здн* с непроизносимым звуком [д]: *поздно* (по[зн]о), ср. *опоздать*;
- *стл* с непроизносимым звуком [т]: *завистливый* (зави-[с'л']ивый), ср. *зависть*;
- *стц*, *здц* с непроизносимыми звуками [т, д]: *истца* (и[сц]а), *под уздцы* (под у[сц]ы), ср. *истец*, *узда*;
- *рдц* с непроизносимым звуком [д]: *сердце* (се[рц]е), ср. *сердечный*;
- *лнц* с непроизносимым звуком [л]: *солнце* (со[нц]е), ср. *солнечный*;
- *вств* с непроизносимым звуком [в] в некоторых словах: *чувство* (чу[ств]о), *здравствуй* (здра[ств]уй), *безмолвствовать* (безмо-[лств]овать), ср. *здоровый*, *молва*.

Этому же правилу написания подчиняются и новые сочетания с непроизносимыми согласными, которые появляются в русском языке не в связи с утратой редуцированных, а при образовании прилагательных и существительных от иноязычных основ, оканчивающихся на два согласных, например: *гигантский*, ср. *гигант*; *туристский*, ср. *турист*; *агентство*, ср. *агент* и др.

УТРАТА РЕДУЦИРОВАННЫХ И УПРОЩЕНИЕ ПРОИЗНОШЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ГРУПП СОГЛАСНЫХ

Утрата редуцированных гласных, которые в древнерусском языке образовывали слоги, сделала возможным появление большого числа сочетаний согласных, ранее неизвестных речи. При произношении групп согласных, в которых, оказавшись рядом, сближались звуки разного образования, происходили процессы приспособления одного звука к другому.

Прежде всего это проявилось в произношении звонких согласных на месте глухих перед звонким и глухих согласных на месте звонких перед глухим или на конце слова (**озвончение и оглушение согласных**). Именно такое произношение присуще современному русскому языку. Но на письме изменения звуков, вызванные утратой редуцированных, в большинстве случаев не отразились, например: *сбить* ([зб]ить), *ножка* (но[ш]ка), ср. в др.-р. *събити*, *ножъка* и др.

Отдельных случаях могло произойти закрепление на письме результатов озвончения или оглушения согласных. Это приводило к разрушению единства морфемы и переосмыслению родственных и словообразовательных отношений между словами. Так, например, слова с корнем *-здоров-* (*здравый*, *здравье*) в современном русском языке являются нечленимыми, в то время как в древнерусском это были производные от корня *-доров-* при помощи приставки *съ-*, родственные словам с корнем *-дерев-*, ср. др.-р. *съдоровъ* с первоначальным значением ‘из дерева’. Еще один пример: слово *пчела* восходит к др.-р. *бѣчела*, корень которого *-бѣч-* является вариантом корня слова *бык-ъ*, что позволяет восстановить первоначальное значение этого корня как ‘издавать глухой звук’.

Но в современной орфографии преобладающим оказался морфологический принцип написания согласных, который поддерживает единство фонетического состава морфемы и способствует сохранению связей слов с общим корнем. Правда, в соответствии с фонетическим принципом пишутся приставки на [з]: *бездомный* — *бескрайний*, *раздарить* — *рассадить*, *извлечь* — *исчерпать* и др. Такое написание связано с тем, что исконно приставки *без-*, *раз-*, *из-* в отличие от других приставок не имели конечного редуцированного. Оглушение звонкого [з] перед глухим звуком корня произошло задолго до утраты слабых редуцированных и передавалось на письме с древнейших времен.

ЭТО ИНТЕРЕСНО

Развитие новых, в особенности переносных, значений могло сопровождаться закреплением фонетического, т. е. особого в сравнении с обычным, написания слова. Так произошло в истории слова *столб* (на месте древнерусского *стъблъ*), которое в современном литературном языке имеет значение ‘бревно или толстый брус, вкопанный в землю стоймъ’. Но у этого слова в церковной и книжной сфере общения развились новые значения: 1) ‘небольшой столбик, на котором молился аскет-отшельник’ (отшельник назывался *стъблъникъ*); 2) ‘башня, вышка, колокольня’ (ср. у А. Пушкина: *Вознесся выше он [памятник] главою непокорной Александрийского столпа*, а также в выражении *ававилонское столпотворение*). Это сопровождалось закреплением особой письменной формы слова, отражающей оглушение конечного согласного, что означало, по существу, появление нового слова, зафиксированного в словарях русского языка как особая лексическая единица. На его основе сложилось фразеологическое выражение *столпы общества* ‘выдающиеся люди, являющиеся опорой общества’.

Другим результатом приспособления звуков в составе новых групп согласных было изменение других качеств согласных. Изменения качества согласных широко представлены в тех группах, в которых начальным был звук [ч] — чьск, чьт, чън.

Появление в составе слов группы чск на месте древнерусской чьск в большинстве случаев связано с образованием прилагательных от основ существительных на [к], [ц], [ч] при помощи древнерусского суффикса прилагательных -ьск-, например *казачьский* от *казак-*. В составе таких образований в современном языке фонетическим путем сформировалось сочетание звуков цк, которое закрепилось на письме: *казацкий, кабацкий, турецкий, гречкий, рыбацикий, бурлацкий, моряцкий*. Правда, факт фонетического преобразования суффикса -ьск- из-за утраты слабого редуцированного в его составе, очевидно, мог способствовать сохранению редуцированного и развитию на его месте суффикса -еск-, который выступает также как средство образования прилагательных от основ на [к], [ц], например: *отреческий, купеческий, отеческий, ученический, греческий* (прилагательное *греческий* от основы *грек-* закрепилось в составе устойчивого выражения *греческий орех*).

Таким образом, некоторые изменения качества звука в составе возникших групп согласных закреплялись в письменной практике, проявляясь, например, как написание цк на месте группы чьск.

Другие изменения согласных распространились только в произношении, хотя и не всегда последовательно.

Именно такую судьбу имеют изменения сочетаний *чът*, *чън* в эпоху после утраты редуцированных. В связи с особым характером звука [ч], который является сложным по своему образованию, сочетания [чт], [чн] в русском языке изменились в сочетания [шт], [шн]. По литературным нормам современного русского языка требуется произносить *что* как [што], *чтобы* как [што]бы, *кое-что* как *кое[што]* (кроме книжного *нечто*, сохраняющего [чт]), *конечно* как *коне[шн]о*, *скучно* как *ску[шн]о* и т. д. Правда, под влиянием орфографии широко распространяется произношение всех образований с *что* без изменения в [шт], и это становится вариантной нормой литературного языка. Так же непоследовательно закрепилось произношение [шн] на месте [чн] — это изменение не отражено в произношении книжных слов (*алчный*, *вечный*, *порочный*), не развивается под влиянием произношения родственных слов (*дачный* — *дача*, *ночной* — *ночь* и др.) или из необходимости избежать омонимии (*точный* и *тошный*, *научный* и *наущный* и др.). Вместе с тем это исторически закономерное изменение определило возникновение таких слов, как *двурушник*, *барышня* (на месте др.-р. *баричьня* ‘дочь барина’ от *баричь* ‘сын барина’), и таких имен собственных, как фамилии *Свешников*, *Прянишников* и др.

3. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ В ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Слова, вошедшие в русский язык из других языков, имеют в своем звуковом составе ряд особенностей, которые не могут быть свойственны русскому языку в связи с особым характером фонетических изменений в течение длительного периода развития русского языка.

Ранее уже были рассмотрены такие фонетические признаки старославянлизмов, как полногласие (*город*, *берег* в отличие от старославянлизмов *град*, *брег*), начальные *ро*, *ло* (*рост*, *лодка* в отличие от старославянлизмов *растение*, *ладья*), звуки [ж], [ч] на месте сочетаний древних *д, *т с йотом (*горожанин*, *свечение* в отличие от старославянлизмов *гражданин*, *освещение*).

Обратимся теперь к рассмотрению фонетических признаков заимствований из неродственных языков.

Иноязычные слова в начале слова могут иметь гласные **а**, **э**, «неприкрытие» йотом: *автор, адрес, адвокат, азарт, армия, алтын, анис, аргамак, аромат, арифметика, экзамен, экономика, экспресс, эстафета, эшелон, эхо* и др. Обращает на себя внимание то, что подавляющее большинство слов, помещенных в словаре на буквы А и Э, являются заимствованиями. Все исконно русские слова, начинающиеся с этих букв, легко перечислить полностью: *ах, ахать, аканье, акать, этот, экий*. Это связано с тем, что еще в древнюю эпоху восточнославянского языка перед гласными [а], [э] в начале слова развивался йот: *яблоко, я, ель, ехать* и др.

Русскому языку несвойственно стечеие гласных в связи с древней тенденцией слоговой структуры к возрастающей звучности слога. Поэтому сочетание двух гласных характеризует только иноязычные слова: *период, трио, дуэт, нокаут, фиалка, театр* и др.

Заимствованные слова в русском языке выделяются наличием в их составе некоторых сочетаний гласных и согласных, которые находятся не на стыке морфем (корня и суффикса или окончания, двух суффиксов, суффикса и окончания и т. п.). Например, в составе заимствований представлены сочетания гласного с носовыми согласными перед следующим согласным: *ментол, бензин, мембрана, ломбард, анонс* и др. В славянских языках на месте таких сочетаний в соответствии с законом открытости слога образовались носовые гласные, изменившиеся затем в русском языке в гласные [у], [а]. По закону открытого слога в славянских языках претерпели изменения сочетания гласных с сонорными согласными перед последующим согласным или в начале слов, что было причиной развития полногласия или начальных сочетаний *ро, ло* в восточнославянских языках и неполногласия, а также начальных сочетаний *ра, ла* в южнославянских языках. Поэтому сочетания гласных с сонорными перед согласным не на стыке морфем представляют фонетический признак иноязычных слов в русском языке: *гормон, корнет, корпус, сервиз, портрет, орден, орхидея* и др.

В области согласных на иноязычный характер слова указывает наличие удвоенных согласных не на стыке морфем, например: *сумма, ванна, аллегория, аппарат, аккуратный, пассив, аттракцион,abant* и др. Это связано с тем, что еще с общеславянской поры в силу закона открытого слога удвоение согласных стало невозможным.

Фонетическим признаком неисконности слов в русском языке является произношение мягких заднеязычных [г], [к], [х] перед гласными непереднего ряда [а], [у], например: *гурза, маникюр, кюре*, и

перед гласными переднего ряда [э], [и] не на стыке морфем, например: *гимн, гиря, герой, кефир* и др., так как в праславянском языке заднеязычные могли быть только твердыми, а в положении перед гласными переднего ряда переживали процесс смягчения (или палатализации) и изменялись в шипящие.

Иноязычные слова с мягкими губными и зубными согласными перед гласными [а], [у], например: *бюст, пюпитр, тюльпан, сюжет*, также выявляют фонетический признак неисконности, так как эти согласные не могли развить мягкость в таких фонетических позициях (кроме слов, в которых звук [а] восходит к носовому гласному переднего ряда).

Явным фонетическим признаком иноязычных слов является произношение звука [ф] перед гласным: *фольга, финал, федерация, алфавит, графа, афоризм* и др. Это обусловлено тем, что звук [ф] в древности был не свойственен славянским языкам и вошел в звуковую систему русского языка только после падения редуцированных как вариант фонемы /в/ в слабой позиции после согласного.

ЗАДАНИЯ

Задание 1. Установите, чем различаются следующие родственные слова.

Дорогой — драгоценный, заполонить — пленительный, оборот — обращение, порох — прах, середняк — посредственный, очередь — учреждение, здоровье — здравоохранение, молодость — младенец, дерево — древесина, холод — прохладный.

Задание 2. Разделите следующие слова на две группы: а) слова, в составе которых звуки [о], [е] восходят к древним редуцированным [ъ], [ь]; б) слова, в которых звуки [о], [е] — иного происхождения.

Дом, рот, лев, сон, конь, стол, лоб, день, весть, мель, весь, лом, песок, месть, свет, лен, ток, дело, восемь, год, палец, отец, венок, нос, свисток.

Задание 3. Установите в следующих группах однокоренных слов звуковой состав корневых морфем в древнерусском языке.

Правда — праведный; сто — сотня; честь — почтение; мох — мшистый; темный — тьма; рожь — ржаной; сумерки — сумрак; замок — замкнутый; стекло — склянка; окно — подоконник.

Задание 4. Разделите следующие слова на три группы в соответствии с происхождением звука [е] в современном русском языке: а) на месте исконного звука [е] полного образования; б) на месте редуцированного [ъ] в сильной позиции; в) на месте звука «ять» (ѣ).

Весть, пес, сено, день, орех, небо, река, месть, век, конец, шесть, берег, осел, место, плеть, хлеб, резать, обмен, лежать, мед, вести.

Задание 5. Выделите группы слов или форм слов, которые имеют в корневых морфемах звуковые чередования следующих типов: 1) 'а (ня)/им (ним)/ем (ём); 2) я (а)/ин/и; 3) я/ен; 4) а (я)/у.

Бремя, занять, наем, размять, занимать, бремени, заминка, заем, пожну, нанимать, погрязнуть, пламя, грузить, тугой, пламенный, тяга, звучать, пожинать, звякать, обнять, объем, пронимать, проем, пронять.

Задание 6. Объясните происхождение исконно мягких согласных в следующих словах русского языка.

Личный, мельчать, рубашка, ворошить, стрижка, отважный, оплошность, окрошка, ноша, поручни, разбужу, вражеский, пишу, крючок, облицовка, размажу, опрошенный, горожанин, свеча, душа, вяжу, размашистый, отвечать, отеческий, очки.

Задание 7. Установите чередования согласных в приведенных рядах слов.

Бегун — пробежка, сухой — суше, беречь — берегу, краткий — вкратце — короче, отцовский — отеческий, посадить — посажу — на-саждение, давить — давление, прилягу — прилечь, топить — топлю, колебание — поколебленный, ездить — е[жж]у, пускать — пущу, протекать — течь, место — помещение.

Задание 8. Напишите по-древнерусски приведенные слова, разделите их на слоги и объясните, как изменилось количество слогов и качество звуков после падения редуцированных.

Сон, молотьба, день, плод, овец, умна, орел, горка, лен, темный, дно, рожок, отдал, мешок, письмо, головка, голубь, скучно, купеческий, редко.

Задание 9. Разделите данные древнерусские слова на две группы: в одну включите слова, в которых изменение звуков, связанное с падением редуцированных, стало орфоэпической нормой современного русского

литературного языка, в другую — слова, в которых изменение звуков отражено и в орфографии.

Завистьникъ, съшити, польвтора, двашьды, търгъ, събрати, съдѣлати, поздъно, къдѣ, родѣство, истѣба, глубльше (форма сравнительной степени современного прилагательного *глубокий*), капль (Р. п. мн. ч. современного существительного *капля*), посѣль.

Задание 10. Назовите фонетические признаки заимствованных слов, выделив в особую группу старославянизмы.

Осаждать, суета, ракета, нбрежный, превращение, сапфир, пресса, оркестр, оазис, мразь, индекс, лорнет, никель, ондатра, эполеты, жребий, просвещение, порт, силуэт, кладезь, хождение, процесс, услада, моллюск, сервант, ларингит.

ЛЕКСИКА

1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА В СВЯЗИ С ИСТОРИЕЙ НАРОДА

овременные словари русского литературного языка насчитывают около 120 тыс. слов, а в словарях русских народных говоров, вместе взятых, — гораздо больше (трудно установить точно). Количество слов любого языка очень велико: ведь слова отражают внешний и внутренний мир человека — предметы, явления, события, свойства, признаки, чувства, состояния, — а мир беспределен.

Среди большого разнообразия слов русского языка есть очень древние слова, имеющие тысячелетнюю историю, и сравнительно новые, возраст которых исчисляется сотнями или даже десятками лет. Это определяется временем их возникновения, т. е. их происхождением.

ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ ЛЕКСИКА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Для изучения происхождения слов ученые обращаются к сопоставлению лексического состава древних родственных языков, образующих языковые группы и семьи (см. раздел «Место русского языка в кругу других языков»). Сопоставление языков разных групп, объединенных в индоевропейскую языковую семью, способствовало установлению звуковых соответствий или различий, подчиняющихся строгим закономерностям, что позволило установить целый ряд древних слов-соответствий, принадлежащих общему индоевропейскому языку-источнику. В следующей таблице приведем лишь некоторые древние слова разных групп индоевропей-

Славянский	Литовский	Древне-индийский	Германский	Греческий	Латинский
мат(ер)ъ	мотэ(р)	матар	модэр	матэр	матэр
брат	бротэлис	бхратар	бродэр	фратор	фратэр
въдова	видева	видхава	видуво	—	видуа
дъва	дви	двау	твей	дуо	дуо
иго ‘ярмо’	юнгас	юга	юк	зугон	югум
овьца	авис	ави(х)	оуви	оис	овис
древо	дерва ‘смола’	дару	теру	дору	—
нос	носис	наса	наза	—	назус
ты	ту	твам	ду	су, ту	ту

ских языков, характеризующихся сходством или закономерными различиями звукового состава [21, с. 182].

Путем сложнейших исторических сопоставлений слов разных языков (в результате своеобразных «лингвистических раскопок») удалось извлечь несколько сотен таких древних тысячелетних слов, общих для большей части индоевропейских языков и известных современной русской речи. Они и составляют общеиндоевропейскую по происхождению группу русского словаря. Эти слова обозначали представителей флоры и фауны, окружавших индоевропейцев: береза, ива, дерево, волк, выдра, бобр, рысь, утка, мышь, уж, лосось; домашний скот: кобыла, бык, овца, пес, свинья; еду и другие продукты животноводства: масло, мясо, юха ‘мясная похлебка’, волна ‘шерсть’, руно ‘овчина’; возделываемые растения, действия и орудия труда, связанные с этим занятием: ячмень, пихать ‘растирать зерно’ (отсюда в современном русском языке пшено, пшеница — первоначально ‘толченое зерно’); другие действия и предметы: печь, горн ‘печь, вылепленная из глины’ (от этого же корня образовано слово горшок), тесать (дерево), руда, камень, обувь, пояс, ехать, везти, ось, иго, писать (первоначально имело значение ‘наносить знаки и узоры краской’), в русском языке от этого же корня образованы слова с корнем *-пестр-*; категории родства: мать, брат, дочь, сестра, сын, сноха, свекровь, деверь ‘брать мужа’, золовка ‘сестра мужа’, зять, уй ‘дядя’, весь ‘большая семья’ и др. Приведенные слова (как и многие другие, здесь не упомянутые) рисуют нам древний индоевропейский быт как чисто родовой, патриархальный, сельский и мирный — нет общих слов, выражавших понятия войны, боя, вождя, общественного разделения, имущественной идеологии, личной собственности, даже нет развитого круга земледельческих понятий. Именно в таком случае можно утверждать, что история слов — это история жизни народа.

ОБЩЕСЛАВЯНСКАЯ ЛЕКСИКА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Общеиндоевропейскую эпоху от общеславянской отделяют около 2—3 тысячелетий. За это время хозяйственныи и общественный быт претерпел существенные изменения.

К эпохе общеславянского языка относятся, например, многие обозначения родственных отношений: *род, племя, отец, дед, внук, жених, дитя, отрок*; различные явления природы и отрезки времени: *утро, день, вечер, ночь, весна, лето, зима, осень, век, берег, болото, вода, гора, ветер, звезда, земля, мороз, небо, солнце, тьма* и др.; названия частей тела: *бок, волос, голова, рука, грудь, лапа, нога, ноготь, око, чело, уста, сердце, темя, зуб* и др. Общеславянские слова в русском словаре подтверждают хорошее знакомство славян с лесной фауной и обогащение их опыта в области охоты, рыболовства, разведения животных, добычи меда и воска: *вепрь, олень, веверица ‘белка’, гусь, коза, корова, конь, лиса, рыба, сова, щука, ястреб, журавль, чиж, пчела, шершень, оса, дуб, ель, яблоня, трава, хмель, ясень, ольха, желудь, орех* и др. Общеславянские соответствия свидетельствуют о повышении уровня земледелия: *зерно, рожь, жито, лен, сеять, семя, орать ‘пахать’, рало ‘орудие пахоты’, вилы, гумно, мука, серп, сито, сноп, соха, тесто, ток, солома, молоть* и др. К общеславянскому периоду восходит ряд слов, называющих поселения, постройки, предметы домашнего обихода: *село, дом, окно, бревно, ведро, долото, игла, лыко, нож, нить, плот, ремень, седло, шило* и др.

Общеславянскими по происхождению являются многие слова современного русского языка, имеющие отвлеченные значения: *беда, вера, вина, воля, гнев, грех, дух, жалость, зло, кара, месть, мысль, правда, сила, слава, слово, смерть, страх, труд, цена, честь* и др.

К общеславянскому лексическому фонду относятся такие названия признаков и действий, как *белый, быстрый, ветхий, гладкий, гордый, добрый, желтый, злой, молодой, синий, старый, слепой, хитрый, черный, бежать, бороться, брать, варить, видеть, воевать, гнать, гореть, дать, дышать, жить, есть* и др.

Названные слова во многих случаях имеют большое количество производных, многие из них в настоящее время развили новые значения. Все они относятся к общеупотребительным пластам лексики современного языка и остаются наиболее частотными в повседневном общении.

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ЛЕКСИКА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Обширную группу словаря русского языка составляет восточнославянская лексика, которая уже в период существования древнерусского языка, кроме слов, унаследованных из общеиндоевропейского и общеславянского лексических фондов, включала большой и разнообразный в тематическом отношении лексический пласт восточнославянских новообразований. Среди них — названия явлений природы, животных и растений: *лог, осока, белка, кошка, радуга*; названия предметов и продуктов питания: *ковш, кружево, лапоть, оброть, коровай*; названия общественно-политических и административных понятий: *народ, княжество, надел* (единица феодального землевладения), *крестьянин, семья, вече, волость* (административная единица), *Русь* (название государства); названия лиц, признаков и действий: *рокотать* (звукоподражательное), *хороший, вилять, ведьма, падчерица*; названия числительных: *сорок, девяносто*.

Большую группу образуют древние восточнославянские заимствования: из иранского языка — *собака, смерд*; из тюркских — *бурый, жемчуг, коврига, сапог, чара, ватага, лошадь*; из греческого — *кровать, скамья*; из греческого через старославянский — *Евангелие, ересь, иерей, икона, Христос*; из германских — *церковь, крест* (отсюда *крестьянин, перекресток, окрест* и другие производные).

ЭТО ИНТЕРЕСНО

Восточнославянские и древнерусские слова *писати, чисти*, к которым восходят современные слова *писать, читать*, первоначально имели значение ‘пестрить’ (краской) и ‘считать’ (поэтому слово *число* имеет тот же корень, что и слово *читать* — *-чъс-*). Буквенное письмо, которое создали Кирилл и Мефодий, древние русичи называли словом *писмя* (мн. ч. — *писмена*), которое имело два значения: ‘письмо’ и ‘живопись’ (об этом напоминает современное выражение *писать картину*). Это же понятие могло быть выражено и иначе: словом *буки* (Р. п. ед. ч. *букъве*, откуда *буква*), первоначально имевшим значения ‘бук’, ‘изделие из бука’, ‘буковая дощечка, на которой можно было писать’ (слово древнегерманское, ср. нем. *Bind* ‘книга’ из древневерхненемецкого *biuokha* ‘бук’), и словом *книга*, которое не сразу получило значение ‘книга’ и в древности употреблялось в значении ‘буква’ (возможно, по происхождению это славянское слово с корнем *-кън-*, ср. польск. *kieć* ‘пень, обрубок дерева’) [40, с. 118—119].

СОБСТВЕННО РУССКАЯ ЛЕКСИКА

К собственно русской лексике относятся такие слова, которые образовались или развили новые значения в следующие эпохи: языка русской народности (XV—XVII вв.) и русского национального языка (с конца XVII в.).

В языке русской народности примерами таких слов являются названия предметов, продуктов питания: *глаз*, *белье*, *мужик*, *щи*, названия действий: *улыбаться*, *шагать*. В большинстве случаев образование новых слов на базе древних славянских основ сопровождается развитием новых значений. Это наблюдается, например, при образовании слов *белье* (<-бель-)& *мужик* (<-муж-). Слово *белье*, возникшее в начале XVI в. со значением ‘отбеленный холст’, со временем стало употребляться для обозначения неокрашенных деревянных изделий и несколько позже (к началу XVII в.) развило значение ‘нижняя одежда из полотна’. Слово *мужик*, образованное в XVI в. посредством суффикса *-ик-*, имело разные значения: ‘мужчина незнатного происхождения’ и ‘крестьянин, деревенский житель’. Уже в начале XVII в. оно получило употребление в качестве экспрессивно окрашенного синонима по отношению к нейтральному *крестьянин*. Несколько позже в условиях обострения классового антагонизма и крестьянских волнений XVII в. это слово приобрело еще одно значение — ‘необразованный, грубый человек’.

Источниками появления новых названий предметов могли быть и более ранние заимствования, которые переживали фонетико-словообразовательные и смысловые изменения. Так, известное в XV в. слово *хозя*, восходящее к персидскому *ходжа* и усвоенное русским языком при посредстве тюркских языков, в XVI в. употребляется уже в форме *хозяин* при сохранении своего основного смысла ‘властитель, тот, кто распоряжается’. Заимствованное слово *глазъ* (из древнегерманского *glas* ‘стекло, янтарь’) употреблялось в древнерусской речи в уменьшительной форме *глазъкъ* (совр. *глазок*) со значением ‘шарик, бусина’. На основе метафорического употребления в экспрессивной речи (ср. совр. *шары выпучил* — о глазах) слово *глаз* к XVII в. вытеснило общеславянское слово *око* ‘глаз’.

В XVI—XVIII вв. становятся известны такие бытовые слова, как *квашня*, *огурец*, *чеснок*, *подкова*, *петух*, *рукомойник*, *утиральник*, *солнечник* ‘зонт’, *кухарня*, *рюмка*, *борщ* ‘свекла’, *брага*, *водка* (возможно, возникло сначала на польской почве); такие названия животных и рыб, как *сохатый*, *тиюлень*, *нерпа*, *белуга*, *сом* и др.

Собственно русская лексика пополнялась глаголами, которые восходили к общеславянским корням, но широкое распространение в русском языке, в разговорной речи и письменных памятниках получили лишь в XVI в. и особенно в XVII в. Примером может служить глагол *улыбаться*, которого до XVIII в. в русском языке не было, а его значение выражалось такими глаголами, как *усмѣхатися*, *улыскатися* от *лѣскѣ* ‘блеск’ (ср. *сверкать зубами*), *оскалитися* (ср. *скала* первоначально в значении ‘расселина, щель’ и выражение *скалить зубы*). Глагол *улыбаться* восходит к корню *-лѣб-* / *-лыб-*, а древнерусское существительное *лѣбѣ* (совр. *лоб*) имело значение ‘череп’ (а не ‘лоб’, отсюда *лобное место*). Следовательно, при своем возникновении слово *улыбаться* было близко по значению к современному глаголу *оскалиться* ‘скалить зубы, как череп’.

В период с середины XVI в. до середины XVII в. в употреблении появилось немало новых слов в области общественно-политической терминологии, так как именно в это время общественная и политическая жизнь Московской Руси значительно обновилась и усложнилась. К XVI в. в употребление входят слова *приказ* в значении ‘правительственная канцелярия’ и *сказка* ‘письменное показание в суде’. Новым для русского языка XVII в. является слово *государство* в значении ‘страна, подчиненная единой власти’. Более старой формой было слово *господарство* со значением ‘земля, область, княжеское владение’ от слова *господарь* ‘господин, владыка’ общеславянского происхождения. Оба слова *государь*, *государство* возникли (первое несколько ранее) не только в результате фонетического сокращения звуков, но и в связи со смысловой близостью слов *судѣ*, *судити* (так как государь — это и верховный судья). Почти одновременно со словом *государство* вошло в употребление слово *правительство*, но современное значение этого слова установилось не сразу. В русском языке XVII в. оно имело значение ‘власть, управление’, а не ‘орган власти’. В деловом языке развивалось специализированное значение слова *крепость* ‘подтверждение, закрепление’ (на основе первоначального значения ‘укрепленное место’, откуда в дальнейшем в русском языке сформировались описательные наименования *крепостная грамота*, *купчая крепость*, *крепостные люди*, *крепостное право*).

Употребительным и известным в языке начала XVII в. было слово *вор* и его производные. По происхождению это слово собственно русское, другим славянским языкам неизвестное. Основным, преоб-

ладающим значением слова *вор* в начале XVII в. было значение ‘смутьян, бунтовщик, государственный преступник’ (значение ‘тот, кто крадет’ в то время имело слово *тать*). Употребление этого слова и его производных *воровать* ‘совершать государственное преступление’, *воровской*, *воровски*, *воришка* и *воровка* ‘жена вора’ было характерной чертой деловых документов этой эпохи. Со временем значение слова *вор* и его производных становится более широким, приобретая значение ‘уголовный преступник’. Уже к XVIII в. это слово как общественно-политический термин устаревает.

В языке русской народности заметное развитие получила военная лексика, особенно в связи с применением пороха и появлением огнестрельного оружия. В древнерусскую эпоху понятие «порох» выражалось словом *зелье*, но уже в XVII в. наряду с ним употребляется слово *порох*, которое первоначально имело значение ‘пыль’. Появление огнестрельного оружия повлекло за собой изменение семантики глагола *стрѣляти*. В древнерусском языке оно обозначало ‘пускать стрелы’, но уже в древнем летописном памятнике единично отмечено выражение *стрѣляше живым огньмъ* ‘стрелял при помоши огня’. В дальнейшем это слово закрепилось в значении ‘стрелять из ружья’, а действие ‘стрелять из лука’ обозначалось как *пускать стрѣлы* (лук и стрелы еще долго сохранялись на вооружении некоторых сибирских народов). Артиллерийское вооружение получило наименование *нарядъ*, которое в древнерусском означало ‘порядок’, а в XVI в. развило значение ‘военное снаряжение’, затем — ‘артиллерию’. Но в конце XVII в., в эпоху Петра I, исконнорусское слово *нарядъ* было вытеснено заимствованным интернациональным военным термином *артиллерия*.

Результатом семантического развития является название ручного огнестрельного оружия *пушка* в значении ‘ружье’ (восходит к др.-р. *пущька* ‘осадное метательное орудие’). Слово *ружье* долго употреблялось как собирательное существительное в первоначальном значении ‘вооружение’, а для названия разных видов ручного огнестрельного оружия употреблялись слова *пищаль* ‘то, что трещит’ (ср. в древнерусском языке одним из значений глагольного корня *-писк-* было ‘трещать’) и заимствованное из старофранцузского *фузеля*. Уже во второй половине XVII в. возникло собственно русское образование *винтовка* как наименование огнестрельного оружия с винтовой нарезкой в стволе, но долгое время это слово оставалось редкоупотребительным в связи с историей технического вооружения русской армии.

ЭТО ИНТЕРЕСНО

В процессе расширения словаря XVII в. путем пополнения терминологии военных чинов, должностей, родов войск заимствованными словами в употреблении появилось слово *солдат* — от ит. *soldo* ‘монета’, первоначально имевшее значение ‘солдат-наемник’. К этому же периоду относится заимствование слова *профос* ‘надзиратель за солдатами, взятыми под стражу, пристав’ из нем. *Profoss* ‘лицо на военных кораблях, которое следит за соблюдением устава на корабле и наказывает нарушителей корабельного устава’. В результате фонетического и семантического освоения этого слова в дальнейшем в русском языке сформировалось слово *прохвост* в значении ‘мошенник’.

ЛЕКСИКА РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

Лексика русского национального языка с конца XVII в. пополняется неологизмами (словообразовательными или семантическими) и заимствованиями, обозначающими новые предметы и понятия (в том числе и сложные): *пароход* (первоначально имело значение ‘паровоз’), *паровоз*, *пододеяльник*, *подстаканник*, *босоножка* ‘босой человек’, *босоножки* ‘летние туфли’, *водоем*, *небосклон*, *садоводство*, *естествознание*, *бастовать*, *забастовка* (от *баста* ‘конец карточной игры’ в языке картежников), *родина* (в значении ‘отчество’), *крепостник* (‘сторонник крепостного права’), *балет* (от ит. *baletto* ‘танцевать’), *занимательный*, *общеполезный*, *усовершенствовать*, *человечный*, *безвольный*, *бездушный*, *достижимый*, *рассеянность*, *влюбленность*, *общественность*, *промышленность* и др.

Многие исконно русские по происхождению и образованию слова испытали заметные семантические изменения, в особенности те, которые употреблялись в сфере общественно-политических и экономических отношений. Так, к древнерусским словам *промышляти* ‘добывать пропитание, заниматься чем-либо’ и *промысел* ‘занятие, добыча чего-либо’, которые употреблялись еще в XVIII в., восходит созданное (и употребленное) известным русским писателем Н. М. Карамзиным на рубеже XVIII—XIX вв. слово *промышленность* в значении ‘дело, ремесло, промысел’: *Всякий живет своей промышленностью*. С середины XIX в. в связи с развитием производства оно стало выражать более широкое понятие, объединяющее все виды промыслов и ремесел — ‘производство материальных благ’. Во второй половине XIX в. слово *промышленность* получила

ет современное значение ‘производство по разработке недр и переработке сырья’.

Пример того, как потребность выражения общественно значимых понятий направляет семантическое развитие слов, относящихся к этой сфере употребления, можно видеть в семантической истории слова *общественность*. Образованное в XVIII в. на базе прилагательного *общественный* со значением ‘общий’, слово *общественность* употреблялось в значении ‘общность’, но вместе с тем развило более конкретное значение ‘общественная жизнь, состояние общества’. В языке XIX в. в связи с углублением и усложнением общественной жизни в России это слово получает еще более конкретное значение ‘интерес к общественной деятельности, понимание общественных интересов народа’. В современном употреблении слова *общественность* представлен результат дальнейшей конкретизации его значения — ‘передовая часть общества’ (т. е. те, кто проявляет активное участие в решении задач общества).

Значительное обновление и расширение словарного состава русского национального языка произошло в XX в. в связи с коренными преобразованиями общественно-политической и экономической жизни, наступившими после Октябрьской революции 1917 г. В употребление вошли новые слова в общественно-политической сфере, например: *советы, райсовет, наркомат* ‘народный комиссариат’, *комбд* ‘комитет бедноты’, *сельхозартель, колхоз, совхоз, трудодень, пятилетка, рабфак* ‘рабочий факультет для подготовки рабочих и крестьян к учебе в вузе’, *ликбез* ‘ликвидация безграмотности’, *партибилет, большевик, красноармеец, пионер, комсомол, стахановец, соцсоревнование, рационализатор, воскресник, окопник, блокадник, фронтовик* и др.; в производственно-технической, например: *трактор, комбайн, мартен, блюминг, автострада, автомобильный завод, троллейбус, вертолет, снегоход, электровоз, плавбаза, сенокопнитель, телевидение, космонавт, спутник, луноход, лунник* и др. Некоторые из них уже устарели в связи с тем, что предметы и явления, которые они обозначали, потеряли актуальность в наше время. В конце XX в. становится особенно заметным приток новых слов, которые служат для обозначения ранее не известных или бывших ранее не актуальными предметов и понятий: *компьютер, принтер, продюсер, ваучер, банкомат, агрофирма, бизнес, спонсирование, рок-концерт* и др. В этом постоянном обновлении словаря и состоит процесс формирования лексического состава русского языка.

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Как было замечено ранее, исторический процесс формирования словаря русского языка состоит в появлении новых слов и новых значений слов, при этом на каждом этапе исторического развития русского языка отмечается появление новых слов в результате заимствования из других языков.

Наиболее значительным в этом отношении оказался результат вхождения в древнерусский язык старославянских слов (старославянизмов).

В процессе общения древних русичей с болгарами еще до принятия христианства в устную восточнославянскую речь проникали некоторые древнеболгарские слова: *виноград*, *сладкий*, *праздник*, *облако*, *храбрый*, *средний*, *время*, *вещь*, *врач* ‘целитель’, *власть*, *страна*. Через болгарский язык устным путем из греческого в разговорную восточнославянскую речь были заимствованы слова *кровать*, *коромысло*, *полать*, *терем*, *парус*, *уксус*. После принятия христианства в процессе чтения книг и молитв и участия в церковных службах на церковнославянском (т. е. старославянском) языке возникала благоприятная возможность усвоения древними русичами старославянизмов. Эти слова не только проникали в те письменные тексты, которые создавались на основе восточнославянского языка, но постоянное напоминание и повторение делало их частью активного лексического запаса образованного древнерусского человека. Обогащение русского словаря за счет старославянизмов происходило как в древнерусскую эпоху, так и в эпоху развития русской народности в XV—XVII вв. в результате обучения грамоте по исправленным церковным книгам, старославянский язык которых освобождался от восточнославянских языковых черт, проникших за несколько столетий их переписывания.

Благодаря близости древнерусского языка к старославянскому, а также благодаря многовековой традиции использования старославянской лексики в русской речи старославянские слова так глубоко вошли в русский язык, что их неисконный характер для носителя русского языка стал незаметным, а выделение заимствований такого рода требует некоторых усилий.

Целый ряд старославянизмов выделяется среди слов иного происхождения определенными фонетическими приметами, отличающими их, прежде всего, от слов русского языка. Главные фонетические признаки старославянизмов, представленные в корневых

морфемах и выявляющиеся при сопоставлении с однокорневыми словами, следующие:

- неполногласные сочетания *ра*, *ла*, *ре*, *ле* между двумя согласными в соответствии с русскими полногласными сочетаниями *оро*, *оло*, *ере*: *страна* — *сторона*, *глава* — *голова*, *прибрежный* — *набережная*, *млечный* — *молочный* и т. п.;
- сочетания *ра*, *ла* в начале слова в соответствии с русскими сочетаниями *ро*, *ло* (при некоторых фонетических условиях): *разны* — *рознь*, *ладья* — *лодка* и др.;
- сочетание *жд* в соответствии с русским *ж* в словах с основой на [д]: *хождение* — *прохожий*, *вождь* — *вожак*, *гражданин* — *горожанин* и т. п.;
- звук [ш'] в соответствии с русским [ч'] в словах с основой на [т]: *освещение* — *свечение*, *пещера* — *печурка*, *мошь* — *мочь* и т. п.;
- начальные звуки [јэ], [ју], [а] в соответствии с русскими [о], [у], [я]: *единица* — *один*, *юродивый* — *урод*, *агнец* — *ягненок* и др.

На старославянское происхождение некоторых слов указывают такие суффиксы, как *-стви-е*, *-знь*, *-тв-а*, *-ын-я*, *-чи-й* (*бедствие*, *жизнь*, *молитва*, *гордыня*, *кормчий*), префиксы *из-*, *низ-*, *во-*, *воз-*, *со-* (*изгнать*, *низложить*, *вооружить*, *воспеть*, *сочувствие*), хотя далеко не все слова такого словообразовательного состава являются заимствованными. Дело в том, что в древнерусский язык проникали, наряду с другими, суффиксальные и префиксальные слова из старославянского языка, по образцу которых начинали оформляться слова, возникавшие уже на русской почве. Кроме того, из старославянского языка могли заимствоваться общеславянские по времени появления слова, получившие в старославянском языке особые значения и с этими значениями вошедшие в древнерусский язык. К таким семантическим старославянизмам относятся в русском языке слова *бог*, *грех*, *блуд*, *господь* в их современных значениях (ср. старые значения этих слов, присущие словам, производным от приведенных выше славянизмов: *богатый*, *огрех*, *заблудиться*, *господин*).

Судьба старославянских заимствований в русской речи сложилась неодинаково. Многие старославянизмы (в первую очередь те, которые, возможно, были усвоены устной речью) могли употребляться в соседстве с исконно русскими словами. Они утратили книжную окраску и вошли в состав общеупотребительной лексики: *время*, *враг*, *сладкий*, *храбрый*, *брань*, *вред*, *праздник*, *общий*, *среда*, *нужда*, *пламя*, *влага*, *здравствуй* и др. В большинстве своем эти слова вытеснили соответствующие исконно русские слова.

Другие старославянизмы сохраняют принадлежность книжной, письменной речи (хотя и не воспринимаются как чужие): *благо, творец, бремя, жажда, истина, вождь* (особенно в сопоставлении с исконно русскими образованиями: *добро, тяжесть, правда*). Как правило, они входят в русский язык со значениями, изменившимися в сторону абстрактности. Это последовательно проявляется в тех случаях, если старославянизмы сохраняются в современном русском языке наряду со словами исконно русского происхождения, например: *краткий — короткий, хранить — хоронить, здравый — здоровый, нрав — норов, вращать — ворочать, совратить — своротить, мощь — мочь* (в составе выражения *нет мочи*). Развитие абстрактного значения у старославянизмов, вошедших в русский язык, было связано с тем, что закреплению подвергалось слово в наиболее частом, типичном употреблении. Например, слово *краткий* в церковнославянских текстах чаще сочеталось с такими словами, как *връмъ, житие, вѣкъ, царьствие, слово, молитва*, чем со словами типа *волосы, одежда*, т. е. с названиями конкретных предметов. Употребление этого слова с названиями конкретных предметов было нетипичным для языка церковных книг, поэтому слово *краткий* вошло в русский язык с изменившимся, абстрактным значением.

Многим старославянизмам свойственно развитие переносных значений, например: *обязать, отвергнуть, отвлечь, исказить, оградить, просветить* — в сравнении с прямыми значениями их русских соответствий: *обвязать, отбросить, оттащить, испортить, огородить, осветить*. Употребление старославянизмов в церковных текстах в условиях ограниченной лексической сочетаемости предопределяло в ряде случаев развитие отрицательного переносного значения, например: *власть в грех, скорбь, уныние* (но не **в радость*), *подвергнуть презрению, осмеянию* (но не **любованию*), *причинить зло, досаду, боль* (но не **удовольствие*) и др., очевидно, в связи с тем, что эти глаголы употреблялись в положительных ситуациях гораздо реже, чем в отрицательных [38].

Вместе с тем выделяется еще одна группа старославянизмов, которые, в отличие от охарактеризованных выше, не входят в активный словарный запас современного русского языка и сохраняются в нем как устаревшие слова с определенной стилистической окраской (торжественности, риторичности, архаичности), например: *глас, нощь, дщерь, древо, хлад, алкать, отверзать, лобзание, глагол 'слово'*; названия некоторых частей тела: *уста 'губы', очи 'глаза', перст 'палец', перси 'грудь', чело 'лоб', десница 'правая рука'*,

длань ‘ладонь’, вежды ‘веки’, ланиты ‘щеки’, выя ‘шея’, рамо ‘плечо’ и др. Они могут использоваться в языке художественной литературы для создания исторического колорита эпохи или иронически-пародийно.

В связи с тем, что многие старославянские по происхождению слова сблизились по употреблению и значению с исконно русскими, закрепились в литературном языке, вытеснив или семантически ограничив восточнославянские соответствия, стилистическую функцию в современном русском литературном языке выполняют лишь те старославянизмы, которые относятся к устаревшей лексике и являются архаизмами.

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ДРУГИХ ЯЗЫКОВ

Невозможно представить себе народ, который не имел бы никаких отношений со своими соседями или другими народами. Поэтому в каждом языке наряду с исконными имеется большое количество слов, заимствованных из других языков в разное время и при различных обстоятельствах.

Русский язык в этом отношении не является исключением. Конечно, основным способом обогащения лексики русского языка на всем протяжении его развития было образование новых слов на базе слов, уже существующих в нем. Вместе с тем развитие лексики в разные периоды истории русского языка происходило и происходит за счет усвоения иноязычных слов.

Немало заимствований появилось еще в общеславянскую эпоху. Как элементы общеславянского языкового наследия в древнерусский язык проникли заимствования из германских языков: *бук, изба, карп, князь, король, купить, лук ‘растение’, хмель, холм, холст*; из скандинавских: *кнут, крюк, ларь, пуд, сельдь, ябода*; из финских: *пихта, рига, салака* и др. К давним заимствованиям из греческого относятся слова: *анис, свекла, кит, идол, известь, канун, каторга, тетрадь, лохань, кукла, магнит, палата, стих, терем, фонарь, хор* и др., проникшие, возможно, устным путем. Многие греческие слова вошли в русский язык через старославянский: *Евангелие, икона, лавра, амвон, ад, ересь, монастырь, монах, по-номарь* и др. В русском языке с древней поры закрепилось большое количество слов тюркского происхождения, пришедших, очевидно, преимущественно устным путем, что свидетельствует об активных связях восточных славян с носителями тюркских языков: *ал-*

тын, армяк, аршин, башмак, каблук, балык, барабан, барсук, вьюк, деньги, изюм, казак, казна, кирпич, кумач, лапша, наjdак, сазан, сундук и др.

ЭТО ИНТЕРЕСНО

В тюркских языках есть слово *arslan* [арслан] ‘лев’. В форме *aryslan* [арыслан] или близкой к ней это слово проникло в древнерусский язык в виде имени собственного Руслан. В ряде тюркских языков слово со значением ‘лев’ выступало в более простой форме *aslan* [аслан]. Поскольку о таких экзотических животных, как львы и слоны, наши предки знали лишь понаслышке, в процессе заимствования произошла путаница: тюркское *aslan* ‘лев’ в славянских языках превратилось в слово *слон* [29, с. 160].

К старым заимствованиям из европейских языков допетровского времени относятся германские *бархат*, *вал*, романские *бумага*, *мушкет*, *мушкетер*, *солдат* и др. Особенностью европеизмов этого периода было то, что в большинстве своем они проникали в русский язык через польский: *башня*, *бунт*, *бутылка*, *вахта*, *гвалт*, *грош*, *гитара*, *грунт*, *карета*, *рынок*, *оказия* и др. Непосредственно заимствованными из польского языка являются слова *булка*, *забияка*, *заязтый*, *заядлый*, *мазурка*, *рычаг* и др.

Начиная с петровской эпохи, русская лексика широко пополнялась за счет немецких, французских, в дальнейшем и английских слов при непосредственном контакте носителей языка. В русском закрепились следующие немецкие слова (наименования предметов домашнего обихода, термины ремесел и искусства, военные профессионализмы): *бутерброд*, *кухня*, *штопор*, *шляпа*, *циферблат*, *цех*, *шнур*, *вахтер*, *верстак*, *клейстер*, *штрих*, *штурм*, *штаб*, *гауптвахта* и др.

Разнообразной по значению группой являются заимствования из французского языка, приток которых стал особенно сильным в конце XVIII в. Это слова бытового характера, общественно-политические и военные термины, термины искусства, науки, торговли: *помада*, *портфель*, *компот*, *люстра*, *майонез*, *мебель*, *контроль*, *журнал*, *парламент*, *редактор*, *режиссер*, *реплика*, *десант*, *ансамбль*, *парашют*, *такси*, *машина* и др.

Английские слова появляются в русском языке в основном в XIX—XX вв. и представляют собой преимущественно термины техники, спорта, политики или бытовые названия: *вокзал*, *трам-*

вой, эскалатор, финиш, матч, старт, бойкот, бюджет, джемпер, пиджак, холл, джаз, комфорт, сквер и др. Заметное число заимствований именно петровского времени относится к голландскому языку (известно, что Петр I не только сам некоторое время жил в Голландии, изучая судостроительное дело, но и отправил туда на обучение большую группу молодых людей). Тесные связи с этой страной привели к закреплению в русском языке слов апельсин, боцман, вымпел, гавань, дрель, зонтик, каюта, киль, конвой, матрос, мачта, рейд, рупор, трап, тюк, флюгер, форпост, штиль, шторм.

Бывают и такие редкие случаи, когда слово, проникнув из одного языка в другой, затем совсем неузнанным возвращается обратно. Возможно, такое путешествие «с обратным билетом» совершило русское слово *xrip*. Полагают, что сначала оно было заимствовано во французский язык, где в форме *grippe* [грипп] стало обозначать одно из самых распространенных инфекционных заболеваний. И только после этого — уже в иностранном обличье — это слово вернулось обратно в русский язык. Так в результате «поездки» во Францию русский *xrip* превратился в *грипп* [29, с. 148].

ЗАДУМАЙТЕСЬ!

Значительную часть заимствованной лексики составляют так называемые **интернационализмы**, т. е. слова, представленные в различных, причем не близкородственных, языках, например: *гуманизм, демонстрация, импортировать, классификация, популярный, принцип, профессия, реальный, схема, территория, фонд, эксперт, электричество* и др. Многие из таких слов восходят к древним языкам — древнегреческому или латинскому, будучи непосредственно заимствованными из них или созданными позднее на основе греческих или латинских словообразовательных элементов. В русский язык грецизмы и латинизмы чаще всего проникали непосредственно из греческого или латинского, а, например, из французского, немецкого, польского или других европейских языков. Но и в европейских языках слова такого происхождения очень часто являются новообразованиями на основе греческих или латинских корней. Так, слово *электричество*, в русском языке представляющее собой интернационализм (ср. англ. *electricity*, нем. *Electricität*, фр. *électricité*), восходит к новолатинскому прилагательному *electricus* ‘электрический’ (отсюда *electricitas* ‘электри-

чество’), образованному английским физиком Гильбертом в 1600 г. на базе лат. *electrum* ‘янтарь’, которое восходит по происхождению к греч. *electron* с тем же значением¹.

Наряду с прямым заимствованием, когда слово входит в словарь другого языка вместе со своей буквенно-звуковой оболочкой, известен и другой способ заимствования, когда в результате по-морфемного перевода слова заимствуется его словообразовательный состав. Древнейший пример такого вида заимствования — древнерусское слово *а з б у к а* в сопоставлении с прямым заимствованием из греческого языка слова *алфавит*, так как древнерусское слово представляет собой перевод частей греческого слова: греч. *alfa* — др.-р. *а з є*, греч. *vita* — др.-р. *буки* (названия двух первых букв греческого и древнеславянского алфавитов). Такой вид заимствования называется **калькированием** (от слова *калька* ‘копия’).

Многие заимствованные слова — названия вещей — представляют собой имена собственные (фамилии) их изобретателей. Вместе с новыми предметами, которые становились известными в России в XIX—XX вв., в русский язык вошли слова *браунинг*, *кольт*, *маузер*, *наган* — фамилии изобретателей разных систем револьвера. *Шрапнель* — фамилия английского генерала, введшего новый вид бомбы, заряженной картечью. *Дизель* — немецкий инженер, сконструировавший нефтяной двигатель. *Ундервуд*, *Ремингтон* — конструкторы пишущих машинок. *Баббит* — инженер, составивший новый металлический сплав. *Макинтош* — шотландский технолог, нашедший способ делать ткани непроницаемыми для воды, прорезинивая их. *Форд* — американский капиталист, организовавший массовое производство дешевых автомобилей. Лорд *Сандвич*, страстный игрок в карты, не желая отрываться от игры для ужина, придумал новый, удобный вид бутерброда: ломтик мяса или сыра между двумя ломтиками хлеба, чтобы не пачкать рук. *Брюки галифе* получили название от фамилии французского генерала, любителя верховой езды. *Бегония* названа в честь французского цветовода Бегона. Название по месту изготовления получило мороженое *пломбир* — от французского города Пломбье, где впервые стали изготавливать сливочное мороженое с добавлением орехов и ягод.

¹ Янтарь не случайно дал название электричеству: электрическая энергия впервые была получена в виде крошечного заряда, возникающего при трении янтаря о суконку [41, с. 119].

ЭТО ИНТЕРЕСНО

Любопытный случай представляет и наша *шарманка*. Старинная немецкая песенка, начинавшаяся словами *шарманте Катарина* ‘прелестная Катерина’, входила в состав пьес, исполнявшихся этим музыкальным инструментом, и даже обычно стояла первым номером. Первое слово песенки и стало названием инструмента. В польском языке в том же значении ‘шарманка’ усвоилось второе слово песенки, очевидно, потому, что первое слово было непонятно, второе же было знакомым именем — и шарманка получила название *катеринки* [21, с. 55].

2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

ЗАБЫТЫЕ СЛОВА И ЗНАЧЕНИЯ СЛОВ. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ

Состав лексики характеризуется высокой подвижностью в связи со способностью лексики быстро и непосредственно отражать изменения, происходящие в жизни общества: ведь назначение слов — называть то, что происходит в мире, а окружающая человека действительность изменяется постоянно. Непрерывно возникают слова, вызванные к жизни изменениями в общественном строе, развитием производства, культуры, науки. Одновременно происходит и обратный процесс — из словаря исчезают устаревшие слова. Кроме появления новых слов и исчезновения устаревших происходят семантические изменения: возникновение у слов новых значений и утрата старых.

Так, принятие христианства на Руси вызвало заметные изменения в словарном составе древнерусского языка, например, стали быстро забываться названия языческих богов, а некоторые были переосмыслены: имя главного языческого божества *Перун* стало нарицательным и развило в разных восточнославянских диалектах значения ‘гром’, ‘молния’, ‘вихрь’, ‘болезнь, припадок’. В связи с изменениями общественно-экономического характера вышли из употребления древнерусские названия денег: *куна, векша, ногата, резана, мордка*; известные в истории русского языка названия мер веса: *капь, берковец*; названия мер длины: *поприще, сажень, локоть*; названия степеней родства: *сестренница* ‘сестра жены’, *уй* ‘брать матери’; названия некоторых временных периодов: *семи-*

ца ‘неделя’. В разное время вышли из употребления многие бытовые слова разного происхождения и тематических групп: *армяк*, *насадъ* ‘речное судно’, *зепь* ‘карман’, *смурдъ* ‘крестьянин’, *яруга* ‘овраг’, *япончица* ‘плащ’, *харалуг* ‘булат’, *секира* ‘топор’, *рамо* ‘плечо’ и др. Заемствования из греко-латинского календаря вытеснили употреблявшиеся в древнерусском языке славянские по происхождению названия месяцев: *просинець* ‘январь’, *съчень* ‘февраль’, *сухий* ‘март’, *брезозоръ* ‘апрель’, *травень* ‘май’, *изокъ* ‘июнь’, *червень* ‘июль’, *заревъ* ‘август’, *рюинъ* ‘сентябрь’, *листопадъ* ‘октябрь’, *грудень* ‘ноябрь’, *студень* ‘декабрь’.

Во многих случаях утраченные слова могли сохраняться в своих производных. Слова *волшебный*, *волшебство* напоминают об утраченном древнерусском слове *вѣлхвѣ* со значением ‘колдун’. В современном русском языке представлена большая группа слов с корнем *-доб-*: *подобный*, *надобно*, *сдобра*, *удобный*, *добрость*, *добрый*, *дебелый* (из др.-р. *добъльий*, *добельий*), которые связаны с утраченным в русском языке древним словом *добра* ‘благоприятное время’. В живом языке исчезло общеславянское слово *мыто* ‘вид торговой пошлины’, долго существовавшее в русском языке (до XVII в.), следы которого сохранились в виде производных от слова *мытарь* ‘сборщик мыта’: *мытарить(ся)* ‘мучить(ся)’, *мытарствовать*, *мытарство*.

Известны случаи, когда утраченные в живом языке слова сохраняются в топонимике как географические названия. Так, от слова *мыто* образовано название подмосковного города *Мытищи*; название реки *Десна* восходит к древнерусскому прилагательному *десныи* ‘правый’ (отсюда же и архаизм в русском языке *десница* ‘правая рука’). Древнерусское слово *вежа* ‘башня’ повсеместно вышло из употребления, но сохранилось в топонимических названиях *Белая вежа*, *Беловежская пуща* на территории Беларуси.

Изменения в лексике затрагивают также значения слов, их содержание. Смысловая сторона слов представляет собой очень подвижную сферу, которая, чутко реагируя на внешние и внутренние «раздражители», бесконечно и непрерывно изменяется. Семантические изменения состоят, главным образом, в том, что, с одной стороны, может углубляться понятие, которое выражается словом, благодаря чему в языке появляются *омонимы*, т. е. совпадающие по своей звуковой форме, но разные по значению слова. Так, древнее слово *месяц* со значением ‘луна’ стало употребляться еще в значении ‘12-я часть года’, что и привело к формированию двух разных слов на базе одного.

С другой стороны, нередко первоначальное, более раннее значение не сохраняется, забывается, и слово получает другое значение. Правда, первоначальное значение слова установить не всегда легко. В некоторых случаях на него может указать корень слова. Так, у слова *обруч* несомненно устанавливается корень *-руч-* (ср. *рука*, *ручной*, *поручни*, *наручники*). Следовательно, первоначальное значение этого слова было ‘то, что надевается на руку’, ‘браслет’, ‘кольцо’ (в древнерусском тексте сказано: *На перстехъ ношаху... обручъ златъ* ‘на пальцах носили кольцо золотое’). Значения ‘бочечный обод’ и ‘кольцо как гимнастический снаряд’ у слова *обруч* являются позднейшими. Еще одним примером подобного типа является установление первоначального значения слова *город* (ст.-сл. *град*). Сопоставление этого слова с однокорневыми *городить*, *огород*, *загородка*, *перегородка*, *преграда*, *заграждение* позволяет установить, что первоначальным значением слова *город* было ‘стена, загородка’. Но это старое значение у слова *город* в русском языке не сохранилось.

Особый случай семантического развития представлен у слова *пошлый*, исторически однокорневого с др.-р. *пошлина* от корня *-шед-* <-шъд- <-шъдл- (от этого же корня образованы формы прош. вр. глагола *идти*: *шел*, *шла*, *шли*). В древнерусском языке слово *пошлина* имело значение ‘налог’, а также ‘исковный обычай, то, что исстари пошло’. Древнерусское слово *пошльни* < *пошъдлыи* в связи с семантическим сдвигом значило только ‘исковый, обычный’. На базе такого употребления слова развились не ранее XVIII в. новое значение ‘тривиальный’, а от прилагательного *пошлый* с новым значением были образованы в дальнейшем слова *пошлость*, *пошляк*, *пошлинина*. История этого прилагательного свидетельствует о том, что слово, первоначально не имевшее отрицательно-эмоционального оттенка значения, может приобрести его с течением времени.

В более трудных случаях установить первоначальное значение слова помогают данные не только письменных памятников, но и показания современных говоров. Именно эти источники позволяют установить, что древнерусское слово *животъ*, однокорневое со словами *жить*, *жизнь*, *жито*, *жир*, *жила* и др., имело значения ‘жизнь’, ‘имущество’, ‘животное’. Значение ‘часть тела’, соответствующее употреблению этого слова в современном языке, обозначалось древнерусским словом *брюхо*, с чем и связаны медицинские термины *брюшная полость*, *брюшной тиф*, в то время как выражение *животный страх* имеет значение ‘страх за жизнь’, а выражение *животные инстинкты* означает ‘инстинкты, присущие животному’.

Забытые слова и значения часто сохраняются в составе фразеологических выражений и оборотов. По этой причине значение таких оборотов в целом, как правило, не является производным от значения отдельных слов, входящих в их состав (известно, что фразеологизмы воспроизводятся как готовые, а не производятся подобно свободным словосочетаниям). Так, на первый взгляд, без учета привычных смысловых связей построено фразеологическое выражение *на воде вилами написано* со значением ‘сомнительно, неясно’. В его составе сохранилось вышедшее уже из употребления слово *вил* в значении ‘круг’ (ср. разг. *вилок* ‘кочан капусты’). Это и является причиной алогизма выражения, так как слово *вилы* нами сейчас воспринимается только со значением ‘сельскохозяйственное орудие’.

С утратой древнего слова *сокол* в значении ‘металлический таран, употреблявшийся в качестве стенобитного орудия’ связано появление в русском языке фразеологизма *гол как сокол* (слово *сокол* здесь произносится с ударением на конечном слоге). Этот таран представлял собой совершенно гладкую, т. е. «голую», чугунную болванку, подвешенную на цепях. Значение этого фразеологизма ‘очень бедный’ возникло после появления у слова *голый* ‘нагой, неодетый’ нового значения ‘бедный’, отсюда *голытьба, голтепа* ‘беднота’. (О том, что значение ‘бедный’ непервоначальное, свидетельствует пословица *с миру по нитке — голому рубашка*, где *голый* употребляется в прямом значении ‘неодетый’, а слово *мир*, кстати, имеет древнее, устаревшее значение ‘народ, крестьянская община’.)

Нередко общеизвестные в современном языке слова в древности имели значения, которые затем были утрачены. Так, глагол *быть* (*быти*), кроме известных сейчас значений, ранее имел значение ‘расти, произрастать’. Это значение сохранилось во фразеологическом обороте *было да быльем поросло* со значением ‘давно забыто’. В его составе употребляется слово *былье* — собирательное существительное (типа *тряпье, старье, гнилье*) от слова *быль* ‘трава, бурьян’ (ср. производное *былинка*). Слово *быль* (от глагола *быти* в древнем значении) известно также в составе вариантного нашему фразеологизму выражения *былью поросло* с тем же значением ‘давно забыто’.

Еще одним примером сохранения древнего значения слова, в современном языке забытого, и связанной с этим фразеологизацией выражений и оборотов, служит употребление выражения *у него за душой ничего нет* в значении ‘он беден, у него нет денег’ или со вторичным значением ‘он пустой человек, бедный духовно’. Фра-

зоологическое значение развилось у этого обычного высказывания в связи с тем, что слово *душа* в его составе имело совсем не тот смысл, который ему присущ в таких фразеологизмах, как *предан душой и телом* ‘полнотью’, *от всей души* ‘искренне’, *жить душа в душу* ‘дружно’. Слово *душа* в исходном словосочетании *за душой нет ни копейки* (затем *ни копейки* было заменено более общим *ничего*) употреблялось с утраченным теперь значением ‘ямочка, расположенная впереди между ключицами’. *Душой* эта ямочка называлась потому, что, по народным представлениям, здесь помещается душа, а возникновение оборота было связано с существовавшим ранее обычаем хранить деньги на груди, *за душой*.

Такое же древнее значение имеет слово *душа* во фразеологизме *у него душа нараспашку*, который характеризует искреннего, откровенного и чистосердечного человека. Первоначально это выражение, будучи не фразеологизированным, а свободным сочетанием слов, обозначало человека с расстегнутым воротом рубашки, который не боится показать, что у него за пазухой (вспомним в связи с этим фразеологический оборот *держать или носить камень за пазухой*).

Таким образом, многие черты древнего состояния русского языка проявляются в современном языке и особенностях его употребления, знаменуя тем самым нерасторжимую связь времен [41, с. 173—185].

УСТАРЕВШИЕ СЛОВА

Слова современного русского языка с точки зрения употребляемости представляют две группы: активную и пассивную лексику. К активной лексике относятся слова повседневного употребления, не имеющие ни оттенка устарелости, ни оттенка новизны. В эту группу входят слова как общенародного употребления, так и тематически ограниченные (термины, профессионализмы, книжные слова).

К пассивной лексике относится все то, что не является привычным и повседневно употребительным, т. е. все, что редко употребляется, так как еще не стало или уже перестало быть необходимым, привычным и обязательным в той или иной сфере общения. Пассивную лексику составляют слова, которые уходят из языка (устаревшие слова), и слова, которые только недавно появились и еще окончательно не утвердились в общелитературном употреблении.

Утрата слова или того или иного его значения — длительный процесс, в результате которого слово или его значение из активной лексики перемещается в пассивный запас языка и лишь потом постепенно забывается и исчезает. Впрочем, этот процесс не всегда проходит прямолинейно: некоторые устаревшие слова иногда возвращаются в активный фонд лексики в соответствии с возникшей необходимостью (при этом, как правило, переживая заметные семантические изменения). Так, например, в активное употребление в наше время вернулись бывшие сравнительно недавно устаревшими слова *солдат*, *министр*, *дума*, *гимназия* и др.

Устаревшие слова представляют собой сложное языковое явление, неоднородную лексическую группу с точки зрения степени устаревания, причин их архаизации и возможностей их использования.

Среди них есть слова, совершенно неизвестные рядовым носителям современного русского литературного языка. К ним относятся такие, которые в настоящее время неизвестны даже в составе производных слов: *рюинг* ‘сентябрь’, *балии* ‘врач’, *нетий* ‘племянник по сестре’, *рало* ‘орудие пахоты’, *рака* ‘гробница’ и др. В группу устаревших входят также слова, которые в современном языке известны только в составе производных: *говядо* ‘скот’ (ср. *говядина*, *говяжий*), *усние* ‘кожа’ (ср. *заусенец*), *вреть* ‘кипеть’, ‘бить ключом’ (ср. *варить*, *овраг*), *худог* ‘искусный’ (ср. *художник*), *подаять* ‘подавать’ (ср. *подаяние*); или в составе фразеологических оборотов: *зга* ‘тропа’ (ср. *ни зги не видно, от стезя* ‘тропа, дорожка’), *кол* ‘небольшой участок земли’ (ср. *ни кола ни двора*) и др. Такие слова можно лишь условно отнести в состав пассивной лексики, так как в современном языке они реально не существуют, но некоторые из них могут употребляться при описании исторических событий в художественных произведениях или научных трудах по истории.

В составе пассивной лексики находятся слова, которые не являются необходимыми в повседневном общении, но известны в большинстве случаев носителям русского литературного языка. Таковы слова *боярин*, *сажень*, *конка*, *курсистка*, *городовой*, *глас*, *длань*, *шарманка*, *бурса*, *уком* ‘уездный комитет’, *совнарком* ‘совет народных комиссаров’, *рабфак* ‘факультет для подготовки рабочих к поступлению в вуз’, *дабы* ‘чтобы’, *сей* ‘этот’, *зри* ‘смотри’, *пиит* ‘поэт’ и другие слова, вышедшие в разное время из активного употребления.

Переход слов в пассивный лексический запас и в дальнейшем их возможное исчезновение происходят по разным причинам. Прежде всего, слова устаревают в тех случаях, когда исчезают назы-

ваемые ими предметы, вещи, явления в результате изменений в быту, культуре, экономике, общественно-политическом устройстве и отношениях. Такие устаревшие слова представляют собой особую лексическую группу — **историзмы**, в которую входят названия общественно-политических и экономических явлений: *барщина, крепостной, самодержавие, нэп, продразверстка, коллективизация* и др.; названия лиц по их должности или роду занятий: *бортник, бурлак, сотник, стрелец, урядник, попечитель* и др.; названия учреждений и заведений: *приказ, кабак, монополька, богадельня* и др.; названия видов оружия: *мортира, пищаль, алебарда, кольчуга, палаш* и др.; названия старых мер длины, веса, площади, денежных единиц: *верста, фунт, десятина, алтын, полушка* и др.; названия бытовых предметов и средств передвижения: *лучина, салоп, сбитень, пролетка* и др. Историзмы употребляются при необходимости назвать какое-нибудь исчезнувшее явление или вещь, так как они не имеют синонимов в современном литературном языке.

Другой причиной устаревания слов является вытеснение их другими словами с теми же значениями, так как они оказываются более предпочтительными для выражения соответствующих понятий. Устаревшие названия современных вещей и понятий образуют особую лексическую группу — **архаизмы**, которые отличаются от историзмов тем, что имеют синонимы в литературном языке, например архаизмам *виктория, ветрило, перси, десница* синонимичны в современном языке *победа, парус, грудь, правая рука*. Архаизмы могут вытесняться словами с другим корнем (как в приведенных примерах), а также однокорневыми словами с другими образующими морфемами: *дружество — дружба, фантазм — фантазия, лечба — лечение, нервический — нервный* и др., или словами с несколько иным звучанием: *зерцало — зеркало, проспект — проспект, гишпанский — испанский, филозофия — философия* и др. Особый случай — появление в языке семантических архаизмов, когда в активной лексике сохраняется слово с устаревшим значением (или одним из значений): *позор* в значении ‘зрелище’, *живот* ‘жизнь’, *язык* ‘народ’, *оператор* ‘хирург’, *ведомость* ‘известие’ и др.

Архаизмы могут употребляться в языке современной художественной литературы только с определенными стилистическими целями: для передачи исторического колорита эпохи и воссоздания реальной исторической обстановки и речи героев, создания торжественного патетического стиля, выражения иронии, сатиры, сарказма.

НЕОЛОГИЗМЫ И ОККАЗИОНАЛИЗМЫ

Важное значение для развития лексики имеет появление новых слов. Новые слова (**неологизмы**) появляются в языке в определенный период его развития как средство обозначения новых явлений действительности, новых предметов или понятий: ведь основное назначение лексики состоит в отражении действительности, т. е. того многообразия мира и отношений, в которых живет человек. При надлежность слов к неологизмам является свойством относительным и историчным (чаще всего как неологизмы воспринимаются слова, возникшие на памяти применяющего их поколения).

Значительные события общественной жизни, научно-технические открытия способствуют порождению целых серий неологизмов. Такую роль в русском языке второй половины XX в. сыграло освоение космоса. Русский язык пополнился словами *космонавт*, *космодром*, *ракетодром*, *прилуниться*, *луноход* (по образцу *приземлиться*, *пароход*), *космофизика* и др. Общественно-политические изменения и экономические реформы конца XX в., крупная техногенная авария на Чернобыльской АЭС и бурное развитие передовых технологий повлекли за собой появление в русском языке многочисленных неологизмов разных тематических групп, исконных и заимствованных, в том числе общественно-политических: *перестройка*, *разрядка*, *пиарщик*, *боевик* и др.; экономических: *рыночник*, *валютчик*, *дефолт*, *инвестиция*, *спонсор*, *реализатор* и др.; в области эстрады: *клип*, *шоу*, *имидж*, *харизма*, *продюсер*, *сериал*, *медиальный*, *ди-джей* и др.; в области техники (особенно компьютерной): *сервер*, *диск*, *программист*, *хакер*, *загрузить*, *саркофаг*, *ликвидатор* и др.; в группе бытовой лексики: *бутик*, *чипсы*, *джинсы*, *мобильник*, *скутер*, *гипермаркет*, *бомж* и др.

При своем возникновении неологизмы не сразу вливаются в общенародный словарь и остаются в пассивном лексическом запасе до тех пор, пока воспринимаются как слова, имеющие оттенок необычности, пока говорящие замечают их предметную и понятийную новизну или стилистическое своеобразие. Как только новое слово (и обозначаемое им явление) становится обычным и повседневным, оно теряет характер неологизма и входит в состав актуальной лексики языка. Давно утратили статус неологизмов бывшие таковыми в конце XVIII в. слова *кругозор*, *будущность*, *промышленность*, а также слова *акмеизм*, *бездарь*, появившиеся в первом десятилетии XX в. Не воспринимаются как неологизмы, хотя появились сравнительно недавно, такие слова, как *болельщик*, *вратарь*.

Многие из перечисленных слов, пришедших в конце прошлого века, не являются неологизмами в русском языке начала ХХI в.

Язык постоянно пополняется неологизмами, которые возникают двумя путями: с помощью словообразования (*атомоход, перфолент, состыковка, гласность, мигалка, семиборье, водолазка* и др.) или заимствования (*дизайн, маркетинг, коррупция, гастарбайтер, офис, префект* и др.). Особый вид неологизмов — семантических — формируется в том случае, когда у слов, входящих в группу актуальной лексики, развиваются новые значения, например: *платформы* ‘туфли на толстой подошве’, *дипломат* ‘род портфеля’, *спутник* ‘космический аппарат’, *перестройка* ‘реформирование существующего общественно-политического устройства’ и др. Семантические неологизмы сопоставимы с семантическими архаизмами (ср. *позор* ‘зрелище’).

Неологизмы как новые слова, со временем пополняющие общенародный язык, отличаются от новых слов, имеющих индивидуально-авторский характер, которые называют окказионализмами.

Окказионализмы — это новые слова, созданные под влиянием контекста или ситуации речевого общения на базе продуктивных или непродуктивных моделей словообразования из имеющегося в структуре языка материала, но вопреки сложившейся литературной норме, с нарушением правил словообразования. Чаще всего такие слова создают поэты и писатели, художники слова, которые ищут новые, свежие средства языковой выразительности. Таково, например, слово *канцелярит*, которым К. Чуковский в книге «Жизней как жизнь» назвал болезнь языка, засоренного канцелярскими оборотами и выражениями официально-делового характера. Для создания этого слова был использован обычный суффикс *-ит-*, но в сочетании не с названием части человеческого организма (ср. *бронхит* от *бронхи*, *плеврит* от *плевра*), а с существительным совсем другой семантики — *канцелярия*. В этом и заключается в данном случае нарушение правил словообразования. В других случаях окказионализмы возникают в результате привлечения непродуктивного суффикса к образованию нового слова. Так возник окказионализм *критикесса* ‘женщина-критик’: встречающийся в словах *принцесса*, *баронесса* заимствованный суффикс *-есс-(а)* в русском языке является непродуктивным. Окказионализмы образуются и при помощи продуктивных суффиксов. Например, по образцу книжных слов типа *космодром*, *ракетодром*, *танкодром* с продуктивным суффиксом *-дром-* были образованы окказионализмы *поэтодром* ‘место поэтических соревнований’, *собакодром*, *змеедром* ‘место ис-

пытаний собак, змей', *рюходром* 'место игры в рюхи' и др., имеющие шутливый характер и таким образом нарушающие стилистику словообразовательной модели.

В отличие от неологизмов, которые с течением времени утрачивают признак необычности слова, окказионализмы, как бы давно они ни были созданы, сохраняют способность восприниматься каждый раз как новые и поэтому служат ярким средством создания образности и выразительности художественной речи.

ЭТО ИНТЕРЕСНО

Журнал «Food Companion International» объявил итоги конкурса на новое нейтральное название для мяса кенгуру. Конкурс был учрежден, чтобы те, кто заказывает стейк из кенгуру, не думали про убитое животное. Производители мяса кенгуру утверждают, что это происходит из-за так называемого «синдрома Скиппи», кенгурунка из сериала, который имел большой успех в восьмидесятых годах. Свой вариант названия прислали в редакцию журнала около 3000 людей из 41 страны. Среди отвергнутых слов были *сумчатина*, *кенгуфтина*, *прыгающее мясо* и др. Победителем стал американский гражданин, предложивший слово *австралитина* (в переводе с английского). Редактор журнала считает, что новое, благородное название может стать настоящим прорывом для индустрии кенгурунного мяса.

Советская Белоруссия. 27 дек. 2005 г.

3. ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА

Слова современного русского языка различаются не только своим происхождением, отношением к активной или пассивной части лексики, но и сферой употребления. С этой точки зрения выделяется группа общенародной лексики — слова, известные и употребляемые всеми говорящими на русском языке. В другую группу входят слова, употребление которых ограничено территориально, так как они известны в речи лишь одной какой-либо части русского народа, объединенного территориально. Такие слова, которые не входят в общенародную лексическую систему, а являются принадлежностью одного или нескольких диалектов русского национального языка, относятся к диалектной лексике (их принято называть **диалектизмами**).

Лексические диалектизмы представляют собой неизвестные литературному языку слова, называющие явления или предметы,

для обозначения которых в литературном языке есть слова-синонимы с другим корнем: *буерак* — *овраг*; *рушник* — *полотенце*; *вечерять* — *ужинать*; *зазимки* — *заморозки*; *стерня* — *жнивьё*; *гутарить*, *баять* — *говорить*; *баский* — *красивый*; *студёно* — *холодно* и др. Особую группу среди них образуют **этнографизмы** — лексические диалектизмы, которые не имеют синонимов в литературном языке, так как обозначают предметы и явления, не входящие в общенародный обиход. Их возникновение и существование связано со спецификой быта и трудовой деятельности носителей диалекта. Этнографизмами, например, являются слова *очеп* ‘жердь у колодца’, *понёва* ‘клетчатая верхняя юбка, из-под которой выходит рубаха-исподница’, *кизяк* ‘вид топлива из навоза с соломой’, *шишкарь* ‘сборщик кедровых шишек’, *кулага* ‘заварное жидкое тесто из рожной муки с солодом’, *корец* ‘ковш из дерева с ручкой’, *мякельница* ‘пристройка к овину для хранения мякины’ и др.

Среди диалектизмов есть и такие диалектные слова, которые отличаются от литературных определенными особенностями звукового облика: *страм*, *кулиган* ‘хулиган’; *колды* ‘когда’; *конька* ‘кожка’; *ланпа* ‘лампа’ и др.; особенностями словообразовательного состава: *певень* ‘петух’; *плетюган* ‘плеть’; *ковец* ‘кузнец’; *красава* ‘красавица’; *заяблый* ‘озябший’; *нудить* ‘принуждать’ и др.; особым значением, несвойственным таким словам в литературном языке: *виски* ‘волосы’; *мост* ‘пол’; *хозяин* ‘леший’, ‘медведь’; *больно* ‘очень’; *снаряд* ‘одежда’; *закутать* ‘закрыть’; *живот* ‘лошадь’; *наглый* ‘внезапный’ и др.

Многие лексические диалектизмы отражают далекое прошлое русского языка и являются по происхождению общеславянскими словами, утраченными в настоящее время литературным языком. Это наименования явлений природы, процессов и орудий производства и др.: *вёдро* ‘ясная погода’, *багно* ‘болото’, *орать* ‘пахать’, *ез* ‘запруда в реке для ловли рыбы’, *кут* ‘часть избы у печи’, *завор* ‘проезд в изгороди, закладываемый жердями’, *сочить* ‘искать’ и др. Говоры сохраняют некоторые общеславянские слова с полногласными сочетаниями: *вёред* ‘нарыв, болячка’; *оболокаться* ‘одеваться’; *берёмя* ‘ноша, охапка’; *мόрок* ‘туман’, ‘низкое, темное место’; *воло́га* ‘жир, масло, сметана’. По своей семантике это в большинстве случаев слова с более узким, конкретным значением, чем литературные неполногласные слова, старославянские по происхождению (ср. лит. *вред*, *облекать*, *бремя*, *мрак*, *влага*). В говорах представлены древние общенародные слова, в современном языке вышедшие из употребления: *долонь* ‘гладкое место для тока’

(ср. лит. *ладонь*), *зобать* ‘есть, принимать пищу’ (ср. лит. *забота*), *пахать* ‘махать’ (ср. лит. *опахало, врукопашную*), *скаря* ‘скряга’ (ср. лит. *скаредный*) и др.

Сохранение древних исконно русских слов и их значений объясняется устойчивостью многих языковых явлений в диалектах и делает диалектную лексику ценным источником сведений об истории слов и значений, утраченных современным русским языком. В печорских говорах живет древнерусское слово *видокъ* ‘свидетель’, современному языку уже не присущее; вологодский диалект сохраняет древнее значение древнерусского глагола *изнурити* ‘истратить, издержать’. В «Слове о полку Игореве» есть выражение: *За нимъ кликну Карна и Жля поскочи по Рускои земли смагу людямъ мычучи*, которое определяется исследователями как «темное» в связи с непонятными словами *карна, смага*. Сопоставление этого текста с современными брянскими диалектами позволяет истолковать *карна* как ‘олицетворение скорби’, а слово *смага* перевести как ‘горечь от безысходного горя, тоска’, поэтому приведенное выражение можно понять следующим образом: *О нем [о войске Игоря] возопила Скорбь, и Печаль помчалась по Русской земле, разбрасывая тоску среди людей*.

Лексический материал говоров, сохраняющий забытые в современном литературном языке слова и значения слов, помогает установить происхождение многих слов. Так, в ряду названий древних духов, добрых и недобрых, в которых верили наши предки, наряду с понятными по происхождению названиями *домовой* ‘дух дома’, *водяной* ‘дух воды’ русскому языку известно название *леший*. Происхождение этого слова получает достоверное объяснение в связи с тем, что в псковском диалекте можно встретить *лешие яблоки, лешую землю*, что подтверждает значение ‘лесной’ у слова *леший* и объясняет его употребление в значении ‘дух леса’.

Диалектная лексика является одним из источников формирования и пополнения лексического состава литературного языка в процессе его исторического развития. Складывавшийся на протяжении XVI—XVII вв. на основе северных диалектов московский деловой язык впоследствии сформировался как русский литературный язык и впитал в себя диалектные слова и севернорусского, и южнорусского происхождения. Из севернорусских говоров в литературный язык перешли такие слова, как *обормот, мельтешить, кондовый, барахло, сказитель*. К южнорусскому диалектному источнику восходят слова *капель, лозняк, плетень, шершавый, гарцевать, уйма, чащоба* и др.

Пополнение словаря литературного языка в XIX — начале XX в. диалектными словами может быть расценено как обогащение литературного русского языка. На протяжении XIX в. в литературное употребление вошли такие слова, как *бесшабашный, бубнить, гадюка, детвора, жулик, задира, зазнайка, клянчить, мальчуган, нудный, пойма, самодур, щуплый, тайга* и др. Приток диалектных слов в литературную речь продолжался и в XX в. и первоначально был настолько интенсивным, что возникла необходимость отбора наиболее значимой и актуальной лексики. На основе широкого распространения в просторечии в литературный язык проникли слова *беднота, вызволить, выкрутасы, головотяп*, от диалектного глагола *расхлябать* были образованы и вошли в литературный язык слова *расхлябанный и расхлябанность* со значениями ‘недисциплинированный’ и ‘недисциплинированность’ и др. Все большую роль в освоении литературным языком диалектных слов играют не только художественные произведения, но и газетная речь (язык очерков). Постепенно лишились примет диалектности, входя в общелитературное употребление, такие слова, как *новосел, глухомань, доярка* (вместо прежнего *доильщица*), *затемно, жатка, косовица, отгул, изморозь, учеба* и др.

В наше время в связи с перестройкой уклада жизни и производственной деятельности сельского населения происходит обновление лексики говоров за счет литературного языка (появление в диалектном словаре слов *комбайн, холодильник, телевизор, компьютер* и др.).

ЗАДАНИЯ

Задание 1. Разделите слова на две группы: 1) слова, образующие пару по признаку полногласия-неполногласия в корне; 2) слова, не имеющие такой пары. Определите особенности семантики слов второй группы (как полногласных, так и неполногласных).

Береста, беречь, Брест, возврат, ворота, ворох, город, горох, деревянный, долото, дорогой, драгоценность, древесина, кладезь, колодец, коробка, корова, королевич, короста, краля, крамола, млеть, молозиво, молот, мрамор, мрачный, небрежный, обморок, оборона, оборот, ожерелье, очередь, передник, платье, (поле) браны, полотенце, порошок, прах, преграда, предок, привратник, середина, смородина, смрад, сорока, сорочка, средний, стеречь, сторожить, толокно, черевики, черемуха, черешня, чрево.

Задание 2. Найдите в следующих рядах четвертое «лишнее» слово, которое не содержит полногласного сочетания.

Король, хоровод, смородина, мороз;
золотой, хоромы, положить, борозда;
морока, короткий, порох, пригорок;
споровка, корова, порог, порода;
корочка, подорожник, ворожить, подбородок;
порожний, сторож, порознь, оборот.

Задание 3. Выделите группы однокорневых слов и объясните в каждом случае происхождение слова — русское или старославянское.

Морочить, череда, прах, сторож, середина, облако, вредный, порожняк, награда, изворотливый, ворожба, полотенце, вражда, возврат, изгородь, воротник, привередничать, посредственный, волокита, осторожный, стража, порошок, учреждение, обморок, заплата, отвращение, праздный, наволочка, учредить, сумрак, очередь, среда, вражда, платок, мрачный, порох, облачаться.

Задание 4. Определите, в каких словах сочетания *ра*, *ла*, *ре*, *ле* являются признаками старославянских по происхождению слов.

Прибрежный, пренебрежение, грех, крен, увлечь, прекратить, красный, омрачать, трава, слеза, возглас, слепой, глаза, заглавие, слабый, гладкий, владеть, влагать, кран, вкратце, плен, плести, славный, главный.

Задание 5. Прочитайте следующий текст. Определите происхождение (исこんно русское или старославянское) выделенных слов. Укажите стилистическую разницу в употреблении слов различного происхождения.

Уста целовали и лобзали, они молили и смеялись, были открытыми или сомкнутыми, но лихорадка выступала только на *губах*. *Перси* красавиц вздыхались и трепетали, а своему ребенку крестьянка давала *грудь*. Хмурилось *чело* государыни, объявлявшей войну неверным туркам, а молодому рекруту попросту забивали *лоб* [29, с. 151].

Задание 6. Чтобы облегчить усвоение иноязычных слов, широким потоком хлынувших в русский язык в петровскую эпоху, переводчики того времени часто сопровождали их пояснениями, которые представляли собой либо русские образования, созданные по модели иноязычных

слов, либо описательные обороты, либо уже существовавшие до этого в древнерусской письменности слова (нередко кальки с греческого).

В следующих двух группах предлагаются новые заимствования этого времени и их эквиваленты. Найдите для каждого слова первой группы соответствующую ему лексическую единицу во второй группе.

1. Прелюдия, дифференция, эквивалент, афеисм, багаж, рекрут, мумия, апостат, фисики, идея, публичный, юриспруденция, поры, контракт.

2. Законоискусство, умовообразжение, отступник, новобранные солдаты, предиграния, дирки во всякой плоти сущия, договор, безбожие, вещи домовные, розница, равномерное награждение, естественность, восторг, древних лет человек, явный.

Задание 7. Объясните значения следующих заимствованных слов, исходя из того, что они представляют собой результат сращения двух иноязычных слов.

Аврал — англ. *over* ‘наверх’ и *all* ‘все’; ковбой — англ.-амер. *cow* ‘корова’ и *boy* ‘парень’; синекура — лат. *sine cura* ‘без заботы’; анфас — фр. *en face* ‘в лицо’; постскриптум (принятое сокращение *P.S.*) — лат. *post scriptum* ‘после написанного’; априори — лат. *a priori* ‘изначально’.

Задание 8. Среди следующих слов выделите две группы: а) историзмы; б) архаизмы, известные русскому языку на определенных этапах его развития, и те слова, которые вытеснили их в современном литературном языке.

Челобитье, геройство, вояж, алтын, путешествие, кольчуга, иройство, лютый, сей, поэт, мучительный, этот, пиит, рыбарь, виктория, боярин, победа, рыбак, стольник, самодовольствие, пашпорт, доселе, самодовольство, паспорт, балтийский, до сих пор, насилиство, балтический, натура, ведать, действительность, сражение, природа, насилие, знать, баталия, городовой, внимать, слышать, дровни, сокольничий, существенность, зипун.

Задание 9. Выделите в тексте романа Н. Лескова «Соборяне» устаревшие в современном русском языке слова. Можно ли все такие слова считать устаревшими в литературном языке Н. Лескова, писателя XIX в.?

Дьякон Ахилла был вдов и бездетен и не радел ни о стяжаниях, ни о домостроительстве. У него на самом краю Заречья была мазаная малороссийская хата. Убранство в доме Ахиллы тоже было чисто

казацкое: в лучшей половине этого помещения стоял деревянный диван. <...> Этот диванчик заменил Ахилле кровать, и поэтому он был застелен казацкою кошмой, а в изголовье лежал чеканенный азиатский седельный орчак, к которому была прислонена маленькая блинообразная подушка в просаленной китайчатой наволочке.

Задание 10. В следующих предложениях из повестей А. Пушкина выделите архаизмы и приведите соответствия им в современном языке.

1. Петр снисходительствовал его просьбам, благодарил за ревность к учению... не жалел для него своей казны, присовокупляя к червонцам отеческие советы и предостерегательные наставления. 2. Деревянные мосты повсюду являли недавнюю победу человеческой воли над супротивлением стихий. 3. Я позабыл здешние обыкновения, пожалуйста, будь моим ментором, заезжай за мной и представь меня... 4. Я глядел во все стороны, надеясь увидеть хоть признак жила или дороги, но ничего не мог различить, кроме мутного кружения метели. 5. Вечерком иногда являлся отец Герасим с женой Акулиной Памфиловной, первою вестовщицею во всем околотке. 6. Новое обстоятельство усилило беспокойство коменданта. Схвачен был башкирец с возмутительными листами. 7. Хорошо, если отсидимся и дождемся сикурса, ну а коли злодеи возьмут крепость? 8. Чувствования мои были слишком смутны. 9. В эту минуту из-за скирда вдруг появился Иван Игнатьич и человек пять инвалидов. Он потребовал нас к коменданту... солдаты нас окружили. 10. Меня лечил полковой цирюльник, ибо в крепости другого лекаря не было.

Задание 11. В следующих поэтических текстах XX в. выделите слова, которые воспринимаются как неологизмы, укажите причины такого восприятия, определите их стилистические функции (образность, метафоричность, экспрессивность, номинативность, лаконичность выражения мысли).

1. Хихикает, морщится темный комочек, в окошке убогом колдун-колдуночек (*С. Городецкий*). 2. Уже хоронится от слежки прыскучий заяц... Синь и стыть, и нечем голые колешки березке в изморось прикрыть (*Н. Клюев*). 3. Вызолачивайтесь в солнце, цветы и травы! Весенитесь, жизни всех стихий! Я хочу одной отравы — пить и пить стихи (*Б. Маяковский*). 4. Но ведь дуб молодой, не разжелудясь, так же гнется, как в поле трава (*С. Есенин*). 5. Все мы бездомники, много ли нужно нам? (*С. Есенин*). 6. Настежь все, ко-

нююшня и коровник, голуби в снегу клюют овес, и всего живитель и виновник — пахнет свежим воздухом навоз (Б. Пастернак). 7. Сколько отмучено мук с тобой, сколько иссмеяно смеха вдвоем! (И. Сельвинский). 8. А чукча глядел — и на лбу его собиралась угрюмая морщь (И. Сельвинский). 9. Мы отстоим тебя, Тамань... за то, что где бы ты ни дралась, развеяв чубовьё, всегда мечтало о тебе казачество твое (И. Сельвинский). 10. Тогда отвечает, как деверь мне: «Ты сокол сверхъясный в нарядной стране» (А. Прокофьев). 11. Задрожала, нет — затрепетала невеселой, сонной лебедой, придолинной вербой-красноталом, зорями в полнеба и водой (А. Прокофьев).

Задание 12.

I. В составе газетных текстов, отражающих процессы появления окказионализмов, среди выделенных слов найдите те случаи, которые подтверждают следующие причины создания нового слова: 1) коммуникативная потребность обозначения нового понятия; 2) эмоциональное отношение к предмету речи; 3) игра слов.

II. Проанализируйте словообразовательные средства создания окказионализмов:

1) образование новых слов по известным в русском языке словообразовательным моделям: а) от исконно русских слов, б) от иноязычных слов, в) от аббревиатур, г) на основе словосочетаний;

2) образование новых слов путем сплеления частей разных слов;

3) появление нового слова как каламбура, в результате обыгрывания случайного совпадения (частичного или полного) разных слов.

III. Какие из этих слов, по вашему мнению, имеют реальный шанс войти в лексическую систему русского языка?

1. К предстоящей работе презентера (именно так называют людей, вскрывающих призовые конверты и оглашающих имена победителей) Валерия отнеслась очень ответственно. 2. Голодовка частных предпринимателей началась на одном из рынков Витебска 2 февраля... Инициативу своих коллег из Витебска поддержали «чэпэшники» в других городах Беларуси. 3. У Елены редкая профессия — выращиватель медицинских пиявок. 4. С другими городскими указателями сложнее. И хотя многие из них написаны вроде на английском, но язык этот настолько специфичен (существует даже специальный термин — «Chinglish», чинглиш), что большинство таких указателей непонятны. 5. На прослушивании я просто валяла дурака... Словом, когда после моего дуракаваления эти люди сказали, что берут меня в штат, хотелось просто упасть на пол, хототать... 6. В последнее время в обиход стремительно входит слово и понятие «хрислам» — означающее гибрид ислама и христианства. 7. В отделе статистики мне сообщили, что на сегодня в Глубокском

районе зарегистрировано 928 «ипэшников»... Из них парикмахерским делом занимаются 15 человек, фотоуслуги предоставляют 5 ИП... 8. Кстати, всеми свойствами Интернета обладает локальная сеть *Инtranet*. Создать ее совсем несложно, она может объединять несколько учебных заведений. 9. ...электричество на улицах в темные зимние вечера даже не включают. Это вам не Питер и не Москва. Куда идти по темным нечищенным улицам? Одно *развлекалово* — ТВ. 10. Объявление: Фольклорному ансамблю требуются *ложкари, цокари, топари, и-и-ихари, у-у-ухари* и *эгэгайщики* (анекдот). 11. *Рунет* (русскоязычная часть Интернета). 12. Но победила сила слова — городские власти уже подписали концессию с конкой. Вот и катался город на «*костоломке*» — иначе ее горожане и не называли. Слишком часто она сходила с рельсов. 13. Нынче в «*Ждановичах*» выращивают около 2 тысяч «собственных» шмелиных семей в год... Сказать, что «*шмелеводческое*» дело впервые придумали мы, значит скучавить. 14. *Болливуд* (Бомбей + Голливуд) — сеть киностудий в Бомбее. 15. В стоимость пакета входит 300 Мб трафика... Превышение трафика в этом случае будет тарифицироваться *помегабайтно*. 16. Писатель-«кустарь», вытачивающий каждую фразу, уступает место «*книггерам*», «литературным неграм», производящим по роману в месяц с заранее оговоренными героями, сюжетом...

Задание 13. Разделите выделенные слова на следующие группы: диалектизмы, историзмы, архаизмы, неологизмы.

1. Постоялый двор, или по-тамошнему, *умет* находился в стороне, в степи и очень походил на *разбойническую* пристань (А. Пушкин). 2. Когда Тимофей Разя вошел в *войсковую*, там уже не было чем дышать — столько набилось казаков (С. Злобин). 3. Чем знаменита Ладога? ...Еще травою донником да редкими ветрами — *меженцем* и *шелонником* (А. Прокофьев). 4. Вот старый дуб... Он весь чудит, рокочет о победе, как некогда на струнах *гусляры* (Д. Кедрин). 5. Когда в кавказском *кавполку* я вижу казака... в *черкеске*... и в каске набекрень, который хату до сих пор еще зовет «*куренъ*», меня не надо просвещать, его окликну я: здорово, южный человек, таманская земля! (И. Сельвинский). 6. Шорин требовал от стряпух, чтобы *хлебово* было с утра густое и сытное (С. Злобин). 7. Сажал его отец на коня своего *служивского*... А мать из дверей *стряпки* улыбалась Николке, бледнея... глядела на ножонки, *окарачившие* острую *хребтину* коня, и на отца, державшего повод (М. Шолохов). 8. Был диковинный храм *богомазами* весь *измалеван* (Д. Кедрин). 9. Я знал не только понаслышке... что без железной *кочедышки* и

лапти толком не сплести (А. Твардовский). 10. Разинские морские *струги* возвращались с добычей с моря, но целый город насытить они не могли (С. Злобин). 11. Ночью *подлый* народ пропивался в *кружалах*, а утрами истошно вопил, становясь на *правеж* (Д. Кедрин). 12. Бородатые *станичники* на суглинке, по песчаным буграм, возле *левад* засевают клинышками жито. Сроду не родится оно, издавна десятина не дает больше тридцати мер (М. Шолохов).

Задание 14. Прочитайте стихотворение Ю. Ливеровского. Установите, к каким группам (историзмам, архаизмам, диалектизмам, профессионализмам) относятся выделенные слова, принимая во внимание указанные в справке значения этих слов в современном русском языке.

НОВГОРОДСКАЯ БЕРЁСТА

С востока — *Всток* взлохматит Ильмень
Весенней мутною волной,
Шелонник набежит дождем обильным,
И *Полдник* ляжет летней тишиной.
И *Сиевер* с севера своим дыханьем трудным
Сгоняет листья в блещущий полет,
Снегов сметает голубые груды
И Волхов забивает в цепкий лед.
Так время шло от века и до века,
Где Новгород поднялся у реки,
Где *пахари* пахали на *подсеках*,
Где сети сбрасывали в Ильмень рыбаки.
От дальних гор заоблачного роста,
От ближних деревень, задумчивых озер —
Кто первый в Новгород свою послал берёсту,
Кто первый взрезал буквенный узор?
Не тушью черною на бархатный *пергамент*,
Где золото *заставками* звенит —
Кору березы положив на камень,
Под елями, летящими в зенит?
Не *князь*, не *воевода*, не *посадник*,
Не многомудрый *черноризец*-поп —
Простой *дручинник*, новгородский всадник,
Рыбак, охотник, пахарь и *холоп*!
И сотни лет в объятьях влажных *глея*
Земля хранила бережно для нас
Онфима, Кунты, Дмитра, Фалалея
В берёсте запечатанный рассказ.

Наука и жизнь. 1967. № 1

Справка:

Всток, Шелонник, Полдник, Сивер — известные на Новгородчине местные названия ветров.

Пахарь — земледелец.

Подсека — вырубленное, расчищенное место для пашни среди леса.

Пергамент — особым образом выделанная кожа, которая в древности служила писчим материалом.

Заставка — орнамент, рисунок в начале страницы, главы старинных книг.

Князь — предводитель войска, правитель области в древнерусском феодальном государстве.

Воевода — начальник войска в Древней Руси.

Посадник — наместник князя для управления городом или выбранный вечем правитель города в Древней Руси.

Черноризец — монах.

Дружинник — член княжеской дружины, основного отряда княжеского войска.

Холоп — подневольный работник, слуга.

Глей — глинистая почва.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

1. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРОИЗВОДНОСТЬ И ЧЛЕНИМОСТЬ СЛОВА

производство новых слов — важнейший источник расширения и обогащения лексики. Самым распространенным и активным способом словообразования является создание новых (производных) слов на базе старых (производящих) посредством присоединения аффиксов (словообразовательных морфем): суффикса, префикса или суффикса и префикса одновременно, которые входят в основу слова.

Слова, не обладающие лексическим значением и не имеющие форм словоизменения (к ним относятся служебные слова, междометия, модальные слова), в структурном отношении всегда представляют собой чистую основу: *по, за, без, поэтому, только, дескать, ах, кажется* и др.

Слова знаменательных частей речи, в большинстве своем имеющие формы словоизменения, в структурном отношении характеризуются членностью на основу, которая выражает лексическое значение слова, и окончание, указывающее на его грамматические свойства.

Все выделяющиеся в слове части имеют ту или иную семантику: непроизводная основа (или корень) выражает основное лексическое значение слова, а остальные морфемы (аффиксы или служебные морфемы) — дополнительные лексические и грамматические значения. Так, у слова *водянистый* основное лексическое значение выражено корневой морфемой *-вод-*, наряду с корнем в состав основы входят суффиксы *-ян-* и *-ист-*, вносящие дополнительные лексические значения, и окончание *-ый*, которое содержит грамматическую характеристику этого слова как прилагательного м. р. И. п. ед. ч.

Значение, присущее как корневым, так и аффиксальным морфемам, может быть **свободным** или **связанным**. Свободный характер морфем в составе слова обеспечивает его членимость.

Свободным значением корневой морфемы можно назвать такое, которое выявляется у нее, если она способна выступать не только в составе производного слова, но и как основа непроизводного слова. Так, свободными являются непроизводные основы *-вод-*, *-сел-*, *-нес-*, *-тр-*, *-вчера-* и др., потому что они входят как в состав производных слов *водянистый*, *поселок*, *разнесение*, *утроить*, *вчерашний*, так и в состав непроизводных слов *вода*, *село*, *несу*, *три*, *вчера* и др.

Связанное значение корневой морфемы наблюдается тогда, когда она известна только в сочетании с теми или иными аффиксами. Так, связанными являются основы *-ул-* (ср. *улица*, *уличка*, *переулок*), *-верг-/верж-* (ср. *свергнуть*, *отвергать*, *опровергнение*), *-бел-* (ср. *белка*, *беличий*), *-роб-* (ср. *оробеть*, *робкий*, *робость*) и др. Связанные корни выявляются в словах *добавить*, *прибавить*, *прибавка*, *прибавление*; *вонзить*, *пронзить*; *снять*, *снимать*, *поднять*, *поднимать*, *принять*, *принимать*, *обнять*, *обнимать* и др.

Свободное и связанное значения могут иметь не только корневые, но и служебные морфемы. В качестве служебных морфем со свободным значением выступают суффиксы *-ниj*- (*-ениj*-), *-а*, приставки *вы-* и *пра-*, окончания *-ами* и *-ей* и др., которые четко выделяются в составе производного слова и имеют определенные словообразовательное и грамматическое значения: *изменение*, *чтение*, *косьба*, *просьба*, *выпiscать*, *выбросить*, *правнук*, *праязык*, *книгами*, *словами*, *ночей*, *друзей* и др. Слова с такими аффиксами составляют закономерные ряды, которые представляют определенную словообразовательную модель.

Связанное значение аффиксов устанавливается в тех случаях, когда они не образуют словообразовательной модели и существуют лишь в составе отдельного конкретного слова, а их значение устанавливается только путем сопоставления содержащих их слов с родственными словами и сравнения со словообразовательной моделью. Так, существительное *любовь* в соотношении с глаголом *любить* имеет суффикс *-овь* со связанным значением, так как это значение присуще данному суффиксу только в этом слове и определяется на основе соотношения слов *любить* — *любовь*, таких же как у слов, образующих словообразовательную модель *читать* — *чтение*, *косить* — *косьба* и др.

ЗАДУМАЙТЕСЬ!

«Рассмотрим членимость слов *обуть*, *разуть* и *обувь*. Попробуем разделить на составные части глаголы *обуть* и *разуть*. Каков их состав? В этих словах ясно выделяются приставки *об-* (‘направление действия вокруг предмета’: *обмотать*, *облепить*, *обвязать*) и *раз-* (‘действие, противоположное другому действию’: *обмотать* — *размотать*, *обвязать* — *развязать*) и аффикс инфинитива *-ть*. Как остаток выделяется корень *-у-*. Сам по себе он ничего не значит. Отдельно он не употребляется, встречается только в связанном виде — в окружении приставки и суффикса. Тот же корень с этимологической точки зрения, несомненно, сохранился в существительном *обувь*. Однако с точки зрения современного языка он в этом слове не выделяется, потому что окружение этого бывшего корня — приставка и суффикс — в имени существительном не вычленяется, как в глаголах. <...> Глаголы *обуть* и *разуть* противоположны по значению, и эта противоположность, противопоставленность их значения связывается с различием значения приставок *раз-* и *об-* (остальные части слова совпадают у этих глаголов). Поэтому-то приставки так легко и выделяются из состава этих глаголов. Показатель инфинитива также вычленяется очень четко, так как это распространенная и деятельная морфема, встречающаяся в тысячах слов. Совсем не такую роль играют суффикс и приставка в существительном *обувь*. Значение приставки в этом слове неясно, хотя вообще в языке приставка *об-* живая; в языке нет существительного с тем же корнем, но с другой приставкой. Что касается суффикса *-вь*, то он мертвый и значение его говорящим совсем непонятно. Поэтому слово *обувь* в современном языке простое, нечленимое» [12, с. 51—52].

Все слова в соответствии с характером морфологической структуры основы слова делятся на две большие группы: **слова с непроизводными основами и слова с основами производными**. Так, например, слова *брат*, *земл(я)*, *окн(о)*, *волос*, *ход*, *хорош(ий)*, *ст(о)*, *здесь* и др. являются словами с непроизводными основами, а слова *братск(ий)*, *землян(ой)*, *подоконник*, *волосат(ый)*, *выход*, *походи-ш(ь)*, *сомн(я)*, *зедин(ш)* и др. — с производными. В первой группе слов основа с морфологической точки зрения не обладает способностью членения на более мелкие единицы и выступает как целое; слова второй группы имеют основу, выступающую как единство, которое с морфологической точки зрения состоит из отдельных значимых частей — морфем: *брат-ск(ий)*, *земл-ян(ой)*, *под-окон-ник*, *волос-ат(ый)*, *вы-ход*, *по-хорош-е(ть)*, *сомн-я*, *зедин-ий*.

Но самое важное обстоятельство, отличающее производную основу от непроизводной, это зависимость производной от соответствующей непроизводной. Производная основа может быть установлена

только в том случае, если в языковой системе известна соответствующая ей в семантико-грамматическом отношении непроизводная основа. Так, в современном языке как производные, обладающие способностью члениться на значимые части, нами воспринимаются основы *норк(a)*, *луковиц(a)*, *успех*, *яблочк(o)*, *отбели(ть)*, *заботлив(ый)*, *прой(ti)*, *болтовн(я)*, *бегом* и др. в силу того, что в лексической системе известны соответствующие им непроизводные *норп(a)*, *лук*, *успе(ть)*, *яблок(o)*, *бел(ый)*, *забот(a)*, *ид(ti)*, *болта(ть)*, *бег* и др. Непроизводные основы могут существовать самостоятельно, как приведенные выше, но также могут определяться как связанные и существовать не самостоятельно, а только в сочетании с какими-либо аффиксами или другими основами, например: *скрип-ач* — *скрип-к(a)*, *веж-лив(ый)* — *не-веж(a)*, *под-бав-и(ть)* — *при-бав-и(ть)* — *до-бав-к(a)*, *зр-яч(ий)* — *зр-ени(e)*, *пт-иц(a)* — *пт-енец* и др.

Таким образом, производная основа отличается от непроизводной в словообразовательном отношении не каким-то внутренне присущим ей признаком, а наличием в лексической системе соответственной производной основы. Если в процессе исторического развития языка аналогичная непроизводная основа или исчезает из лексики, или по каким-либо причинам перестает соотноситься с производной на ее базе основой, то последняя теряет свой производный, составной характер и переходит в разряд непроизводных основ. Так, производные в древнерусскую эпоху основы *важн(ый)*, *ужас*, *бледн(ый)*, *ведьм(a)*, *топор* потеряли свою морфологическую членимость в связи с исчезновением из употребления соответствующих непроизводных основ *ваг(a)* ‘вес, тяжесть, сила’, *жасити* ‘устрашать’, *блѣд(ыи)*, *вѣдь* ‘знание’, *топати* ‘рубить, тяпать’. Производные ранее основы *крупн(ый)*, *наряд*, *добыть* в современном языке являются нечленимыми и непроизводными в силу того, что их непрозводные основы *круп(a)*, *ряд*, *быть* перестали быть соотносительными с ними семантически.

2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ МОРФЕМНОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА

Выше было установлено, что морфемная структура слова определяется взаимоотношением данного слова с другими, родственными словами. В ходе исторического развития языка сложившиеся первоначально взаимоотношения между родственными словами

могут меняться, что вызывает структурные изменения состава слова. Основными факторами изменения морфемной структуры слова являются нарушение прямого соотношения между производной и производящей основами, которое заключается в изменении лексического значения исторически производного или производящего слова, и утрата в языке тех слов, на базе которых были созданы в прошлом другие слова.

В зависимости от характера структурных изменений в слове и причин, вызвавших эти изменения, различают несколько видов изменений морфемной структуры слова: опрощение, переразложение, усложнение.

Опрощение основы слова — это такое изменение в его морфологическом строении, при котором производная основа утрачивает способность делиться на морфемы, так как воспринимается как непроизводная, одноморфемная, равная корню.

Процесс опрощения по разным причинам пережили слова *жир*, *зодчий*, *курить*, *бабочка*, *зрачок*, *крепкий*, *огрех*, *доконать*, *обеспечить*, *вельможа*, *затхлый* и др.

Особенно часто опрощение происходит в результате выпадения из словарного состава исторически производящих слов. Так, исторически производными были слова, в современном языке выступающие как нечленимые, непроизводные: *зодчий* — ср. др.-р. *зъдъ* ‘глина’, ‘каменная стена’; *басня* — ср. др.-р. *баяти* ‘говорить, рассказывать’; *булыжник* — ср. др.-р. *булыга* ‘глыба, валун’; *неряха* — ср. диал. *ряха* ‘щеголиха’ от глагола *рядить*; *переполох* — ср. др.-р. *полохъ* ‘испуг, тревога’; *ют* — ср. др.-р. *ютъ* ‘крыша’; *ретивый* — ср. др.-р. *реть* ‘рвение, усердие’; *застрять* — ср. др.-р. *стряти* ‘медлить’; *намекать* — ср. диал. *мекать* ‘думать, соображать’; *одолеть* — ср. др.-р. *долѣти* ‘получать долю’; *уечить* — ср. др.-р. *вѣжъ* ‘сила’, первоначальное значение глагола ‘лишить силы’; *учить* — ср. др.-р. *укъ* ‘учение’; *отворить* — ср. др.-р. *ворити* ‘запирать’; *набекрень* — ср. др.-р. *бекренъ* ‘бок’; *отребье* — ср. др.-р. *требити* ‘чистить’; *обеспечить* — ср. др.-р. *пѣка* ‘забота’; *пойматъ* — ср. др.-р. *имати* ‘брать, захватывать’; *тучный* — ср. др.-р. *тукъ* ‘жир, сало’ и др.

По этой же причине произошло опрощение большого количества существительных, образованных в прошлом с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов на базе слов, исторически утратившихся: *зрачок* — ср. др.-р. *зъракъ* ‘глаз, взгляд, вид’; *белка* — ср. др.-р. *бѣла*; *бочка* — ср. др.-р. *бѣча*; *кольцо* — ср. др.-р. *коло* ‘круг, колесо’, первоначальное значение ‘небольшой круг, ко-

лесико'; *кубок* — ср. др.-р. *кубъ* 'большой чан'; *платок* — ср. др.-р. *платъ* 'кусок материи'; *ящик* — ср. др.-р. *яскъ* 'корзина' и др.

Развитие оправдания наблюдается не только на стыке корня и суффикса, но и на стыке корня и префикса. Так, в составе следующих слов приставки уже не выделяются: *навоз*, *позвонок*, *исчезать*, *обожать*, *несусветный*, *пастурный* и т. п.

Среди суффиксальных по происхождению прилагательных, переживших процесс оправдания, выделяется большая группа слов, образованных в прошлом от основ со значением признака при помощи суффиксов «прилагательности», подчеркивавших принадлежность таких слов к категории прилагательных: *великий*, *высокий*, *гладкий*, *горький*, *короткий*, *крепкий*, *мелкий*, *обильный*, *редкий*, *удобный*, *узкий*, *широкий*, *яркий* — ср. др.-р. *вель* 'большой', *высъ*, *гладъ*, *горий*, *коротыи*, *крепыи*, *мелъ*, *обилъ*, *редъ*, *удобыи*, *узъи*, *ширъ*, *яръ*.

ЭТО ИНТЕРЕСНО

В составе фразеологического выражения *нашла коса на камень* сохранилось древнее значение глагола *найти* 'подойдя вплотную, насткнуться, наскочить', которое было присуще ему как образованному от др.-р. *ити* 'идти' с помощью приставки *на-* в конкретном пространственном значении. Со временем глагол *найти* пережил процесс оправдания основы и в современном языке воспринимается нами как производный.

Одной из важнейших причин, вызвавших оправдание исторически производных слов, является изменение их лексического значения. Об этом свидетельствуют значения современных слов в сравнении с первоначальными значениями таких слов и их производящих основ в древнерусском языке, например: *врач* 'лицо с высшим медицинским образованием, занимающееся лечением больных' — ср. др.-р. *върати* 'говорить', первоначальное значение 'заговаривающий, знахарь, лечащий колдовством, тайными заклинаниями'; *жир* 'маслянистое вещество' — ср. др.-р. *жити* 'жить, кормиться', первоначальное значение 'корм, пища'; *мужик* 'крестьянин' — ср. др.-р. *мужъ* 'мужчина', первоначальное значение 'маленький мужчина, мальчик'; *обруч* 'обод на бочку', 'женское головное украшение' — ср. др.-р. *рука, ручъ*, первоначальное значение 'то, что надето на руку, браслет, кольцо'; *крыльцо* 'пристройка перед домом для входа в дом и выхода из него' — ср. др.-р. *крыло*, первоначальное зна-

чение ‘маленькое крыло’; *спичка* ‘деревянная палочка с воспламеняющейся головкой’ — ср. др.-р. *спица*, первоначальное значение ‘небольшая спица’; *красный* ‘один из цветов радуги, от розового до коричневого’ — ср. *краса*, первоначальное значение ‘красивый’; *ошеломить* ‘крайне поразить, изумить, озадачить’ — ср. др.-р. *шемломъ* ‘шлем’, первоначальное значение ‘сбить шлем’ и др.

В ряде случаев исторически производные слова подверглись упрощению в связи с изменением лексических значений производящих слов, например: *гребень* — ср. др.-р. *грести* ‘грести (веслами), сгребать, чесать’; *дворец* — ср. др.-р. *дворъ* ‘усадьба, хозяйство, феодальное войско’; *порошок* — ср. др.-р. *порохъ* ‘пыль’; *столица* — ср. др.-р. *столъ* ‘престол’; *богатый* — ср. др.-р. *богъ* ‘верховное существо, правящее миром, кумир’ и др. Решающим фактором восприятия исторически производных слов как непроизводных оказался разрыв семантических и словообразовательных связей между производящей и производной основами.

В результате опрощения в качестве непроизводных слов в современном языке употребляются исторически производные слова, образованные путем сложения двух основ или форм разных слов, например: *бедокур* (от *беда* и *курить* ‘пьянистовать, кутить’), *вельможа* (от *вель* ‘большой’ и *може* ‘сила, могущество’), *осокорь* (от *оса* ‘осина’ и *корь* ‘кора’), *скатерть* (от *дѣска* ‘доска’ и *тьрть* ‘вытиранье’), *неимоверный* (от *не иму вѣры* ‘не верю’) и др.

В некоторых случаях опрощению исторически производных слов способствовали изменения в их звуковом составе. Так, слово *весло* исторически включало три морфемы: корень, суффикс и окончание (**вез-сл-о*), но на стыке корня и суффикса произошла асимиляция согласных с их последующим стяжением в один звук. Слово *затхлый* восходит к др.-р. *задѣхлыи* от глагола *задѣхнуться*, в котором произошло падение редуцированного и оглушение звонкого согласного. Слово *вынуть* восходит к глаголу *выняти* ‘выбрать, взять’, но под влиянием глаголов с суффиксом *-ну-* (*динуть*) пережило замену звукосочетания *ня* сочетанием *ну*. Глагол *обитать*, образованный при помощи приставки *об-* от глагола *витати* ‘жить’, испытал упрощение группы согласных *бв*, подобно тому, как это происходило в составе слова *облако* (из **об-влако*).

Последствием опрощения основ является заметное пополнение русского языка новыми словами с непроизводной основой, что расширяет запас корневых слов и тем самым — лексическую базу русского словообразования. Вместе с тем процесс опрощения способствует тому, что некоторые словообразовательные элементы могут

стать непродуктивными или вообще исчезнуть. Это произошло с суффиксом *-р-*, который в современном языке выделяется только этиологически в словах *старый, острый, бодрый, добрый, хитрый, пир, жир* и утрачен в слове *брат* (**братръ*).

Переразложение — это изменение границ между морфемами производного слова при сохранении его членности. В результате этого процесса слово, продолжая оставаться морфологически составным, производным, выделяет в своем составе новые морфологические части. Так, слово *горячность*, пережившее процесс переразложения, в свое время было образовано от прилагательного *горячный* посредством суффикса *-ост-* (*горячн-ость*), но в современном языке ввиду утраты литературным языком производящего слова *горячный* воспринимается как образованное от основы *горяч-ий* при помощи суффикса *-ност-* (*горяч-ность*).

Чаще всего переразложение основ производных слов происходит в силу выпадения соответствующих производящих слов из словарного запаса языка. Очень часто это явление имеет место на стыке производящей основы и словообразующего суффикса, например: *власте-лин* — ср. *властел-инъ* от *властель* ‘господин, повелитель’; *власт-итель* — ср. *власти-тель* от *властити* ‘господствовать’; *гон-итель* — ср. *гони-тель* от *гонити*; *жив-ность* — ср. *живн-ость* от *живный*; *жн-ейка* — ср. *жней-ка* от *жнея* ‘жатвенная машина’; *кост-очка* — ср. *косточ-ка* от *костъка*; *куст-арник* — ср. *кустарник* от *кустарь* ‘кустарник’; *леж-бище* — ср. *лежб-ище* от *лежба* ‘лежка’; *топ-ливо* — ср. *топл-иво* от *топль* ‘теплота’; *уди-лище* — ср. *удил-ище* от *удило*; *врач-ебный* — ср. *врачеб-ный* от *врачьба* ‘лечение, лекарство’; *низ-менный* — ср. *низмен-ный* от *низменъ* ‘низина’; *ничт-ожный* — ср. *ничтож-ный* от *ничтоже* ‘ничто’; *один-аковый* — ср. *одинак-овый* от *одинакыи* ‘единодушный’; *худ-ощавый* — ср. *худош-авый* от *худость* ‘худоба’ и др.

В некоторых случаях явление переразложения наблюдается на стыке производящей основы с префиксом, например: *обес-сильть* — ср. *о-бессильть* от *бессильть* ‘слабеть, изнемогать, лишаться сил’; *распре-делить* — ср. *рас-пределить* от *пределить*, образованного от существительного *предел* [27, с. 86].

Причиной переразложения производных слов может быть также влияние морфемной структуры более продуктивных типов. Существительное *грешник*, образованное в свое время от прилагательного *грѣшнъ* посредством суффикса *-ик-*, стало восприниматься как производное от глагола *грешить* или от существительного *грех* с суффиксом *-ник* под влиянием отлагольных или отсубстантив-

ных образований типа *насмешник*, *шутник*, *путник*. Слово *опенок*, образованное от слова *пень* (членимое ранее как *о-пен-ок*), утратило соотносительность с этой производящей основой, так как под влиянием слов типа *теленок*, *поросенок*, *котенок* и подобных им суффикс *-ок-* слился с корневой морфемой, а приставка *о-* утратила выделимость. Восприятие этого слова с морфемным составом *оп-енок* подтверждается тем, что слово *опенок* получило во множественном числе форму *опята* с основой, характерной для слов типа *теленок* (*телята*, *поросыта*, *котята* и т. д.).

Явление переразложения имеет для русского языка не менее значительные последствия, чем опрощение. При переразложении обычно наблюдается процесс поглощения одним словообразовательным элементом части другого, относящегося к основе. Многие из вновь образовавшихся таким образом элементов со временем выделяются как новые словообразовательные средства и приобретают продуктивность.

Такой способ пополнения русского языка новыми аффиксами имеет очень древние истоки. Подавляющее большинство суффиксов, в настоящее время продуктивных и регулярных, являются новыми образованиями, возникшими на месте непродуктивных, ныне мертвых. Больше всего возникло новых суффиксов имен на базе общеславянских суффиксов **-ко-*, **-во-*, **-по-* (ср. *черпак* — *черпать*, *сев* — *сеять*, *тлен* — *тлеть* и т. п.). Так, на базе суффикса **-ко-* в результате переразложения основ и фонетических процессов на протяжении длительного исторического периода сформировались такие суффиксы имен, как *-ик-*, *-ак-*, *-ок-*, *-енок-*, *-ка-*, *-инк-а*, *-янк-а*, *-овк-а*, *-няк-*, *-ык-а*, *-чик-*, *-щик-*, *-овщик-*, *-ицовщик-*, *-льщик-*, *-ник-*, *-овник-*, *-льник-*, *-ач-*, *-ец-*, *-енец-*, *-лец-* и др. На основе древнего суффикса прилагательных **-ьск-* сформировались такие суффиксы, как *-овск-*, *-ческ-*, *-енческ-*, *-инск-*, *-ическ-*. Как следствие переразложения основ в русском языке появились такие словообразовательные морфемы, как суффикс отглагольных имен действия *-ениj-*, *-ниj-*, суффикс отыменных глаголов *-нича-*, суффиксы с уменьшительно-ласкательным значением *-инк-*, *-очки-*, *-ушк-* и др.

Переразложение в наибольшей степени характерно для системы суффиксальных формантов, в меньшей степени — для префикссов. Так, в результате смещения морфемных границ на стыке префикса и производящей основы и слияния в одно целое двух морфем *о-без-*, *не-до-* появились две составные приставки: *обез-* — в глаголах, образованных префиксально-суффиксальным способом (*обескро-вить*, *обезболить*, *обессилеть*, *обезвредить*); *недо-* — в глаголах,

образованных префиксальным способом, со значением недоведения действия до необходимого предела (*недодумать*, *недосолить*, *недоплатить*, *недовыполнить*).

Усложнение основы также является историческим изменением морфемного состава слова и заключается в появлении границы между морфемами в тех словах, где ее не было. В результате этого исторически непроизводное слово становится членимым.

Этот процесс переживают заимствованные слова (главным образом существительные), которые в лексической системе русского языка оказываются сближенными по внешним словообразовательным приметам с другими словами продуктивных словообразовательных типов. Так, например, в русский язык было заимствовано из голландского сложное слово *zondek* ‘защита от солнца’. Будучи ассилировано в русском языке как *зонтик*, это слово стало восприниматься в одном ряду с такими производными русскими словами, как *столик*, *домик*, *носик* и др., и поэтому подверглось членению, а именно выделению в его составе суффикса уменьшительности *-ик-*. Это привело к появлению в русском языке нового слова *зонт* с непроизводной основой, выступающего в качестве производящего в отношении к слову *зонтик*. Те же отношения сложились между заимствованным из английского словом *trousers* ‘брюки’, освоенного в русском как *трусики*, и новым для русского языка словом *трусы*, которое возникло в результате аналогичного воздействия со стороны уменьшительных существительных типа *столики*, *листики*, *носики* и т. п. Слово *фляшка*, заимствованное из немецкого *Flasche* ‘бутылка’ через польское *flaszka* с тем же значением, было воспринято как ласкательно-уменьшительное под воздействием ласкательно-уменьшительных образований с суффиксом *-к(а)* типа *ножка*, *бражка* и др., в результате чего в русском языке появилось непроизводное слово *фляга*.

Явление усложнения имело место и в других случаях. Заимствованное из греческого языка слово *teremnon* ‘дом, жилище’ в древнерусский язык вошло как *теремънъ*, в составе которого сочетание звуков *ън* было неэтиологически выделено в качестве суффикса прилагательного (под воздействием кратких форм прилагательных древнерусского языка *бъдънъ*, *страшънъ*, *сильнъ* и т. п.), что и повлекло появление нового непроизводного слова *теремъ*. Результатом усложнения основы глагола *дрейфовать*, который восходит к заимствованию из голландского *drijven* ‘отходить от курса, отклоняться от правильного пути’, является новое в русском языке

слово *дрейф* (ср. глаголы продуктивного типа образования *ночевать*, *советовать* в соответствии с непроизводными *ночь*, *совет* и т. п.).

Усложнение основы имеет большое значение для развития словообразовательной системы русского языка, так как благодаря ему становится возможным проникновение в русский язык иноязычных словообразовательных формантов. Это происходит при заимствовании производных слов, если рядом с ними появляются родственные слова того же происхождения, содержащие непроизводную основу. Так, в слове *диверсант* суффикс *-ант-* может быть выделен при сопоставлении с родственным ему словом *диверсия* (хотя в слове *аспирант* суффикс не выделяется, так как в русском языке неизвестны непроизводные слова с соответствующей основой); в слове *блокада* можно выделить суффикс *-ад-* при сопоставлении с *блокировать*, *поэтесса* — суффикс *-есс-* при сопоставлении со словом *поэт*. Входящие в русский язык таким путем иноязычные словообразовательные морфемы часто остаются редкими, уникальными средствами словообразования, например суффикс *-альон-* в слове *почтальон* (ср. *почтa*, заимствованное из польского), *-адj-а* в слове *попадья* (ср. заимствование из греческого *pon*).

3. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛОВА

Многие слова за время существования в языке изменили свою морфологическую структуру. Это значит, что многие непроизводные ныне слова ранее были производными, членными; некоторые производные с современной точки зрения слова ранее имели другой морфемный состав. Факт существования в современном языке словообразовательных связей между словами такого рода и другими сам по себе еще не помогает уяснить, каким образом, от каких слов и при помощи каких словообразовательных формантов такие слова образовались.

Ответы на поставленные вопросы для слов с активно производящими основами и продуктивными словообразовательными формантами могут быть найдены с помощью словообразовательного анализа слова, который определяет его морфологическое строение и место среди других слов современного языка. Например, в таких словах, как *извозчик*, *гармонист*, *олосатый*, *домище*, *паровоз*, *липовый*, *подлесок*, *речка*, *надписать*, *думая* и т. п., установление

их морфемного состава одновременно отвечает на вопрос о том, как они образованы: *из-воз-чик*, *гармон-ист*, *волос-ат(ый)*, *дом-иш(е)*, *пар-о-воз*, *лип-ов(ый)*, *под-лес-ок*, *реч-к(а)*, *над-пис-а(ть)*, *дум-а-я*.

Но такие слова, как *тучный*, *мешок*, *ненастье*, *жук*, *час* и др., с точки зрения современных словообразовательных связей предстают перед нами как слова с непроизводной основой, в то время как с исторической точки зрения (при этимологическом анализе) эти слова оказываются членными. С этимологической точки зрения слово *тучный* является однокорневым с древнерусским словом *тукъ* ‘жир, сало’; *мешок* — уменьшительным в отношении к древнерусскому *мъхъ*; *ненастье* — приставочным образованием к диалектному слову *настъе* ‘вёдро, хорошая погода’; *жук* — производным с древним суффиксом **-ко-* от звукоподражательного комплекса *жу*; *час* — возникшим на основе глагольного корня *-ча-* (ср. др.-р. *чаяти* ‘ждать’, *паче чаяния* ‘сверх ожидания’), осложненного суффиксом **-со-*. Этимологический разбор показывает, что эти слова сохранили способность указать мотив возникновения их как названий предметов и признаков объективного мира.

Таким образом, если словообразовательный анализ имеет своей целью объяснить структуру слова и его связи с другими словами в настоящем, то этимологический разбор призван установить ранее существовавшее морфологическое строение слова и его прошлые словообразовательные связи, т. е. он является средством выяснения прошлого в жизни слова.

Этимологический анализ необходим для выяснения происхождения и образования не только исконных слов современного русского литературного языка, но и иноязычных заимствований. Так, этимологическое рассмотрение позволяет установить факт заимствования слов *октябрь*, *дуэль* из латинского языка, *флигель* и *флюгер* — из немецкого. Сведения об их возникновении и значениях в языке-источнике позволяют выяснить их внутреннюю форму (т. е. тот образ, который был положен в основу соответствующих названий): месяц *октябрь* (от латинского *octo* ‘восемь’) по римскому календарю был восьмым месяцем в году; *дуэль* (из среднелатинского *duellum* ‘поединок’) восходит к латинскому словосочетанию *duo bellum*, что значит ‘война двух’; слова *флигель* и *флюгер* представляют собой разные результаты освоения в русском языке немецкого слова *Flügel* ‘крыло’ (от глагола *fliegen* ‘летать’).

Выявление внутренней формы слов, исконных и заимствованных, составляет одну из главных задач этимологического анализа: ведь слово первоначально возникает как мотивированное название

предметов и явлений окружающей нас действительности. Но признак, положенный в основу названия, нередко стирается в связи с изменениями звуков, морфем в составе слова или значения составляющих его частей. Поэтому нередко мы воспринимаем непроизводные или некоторые производные как немотивированные, например: *прапорщик*, *курить*, *обкорнать*, *гречка*. Этимологический анализ помогает восстановить то, что оказалось забыто говорящими: древнерусские слова *прапор* ‘ знамя’, *куръ* ‘ дым, чад’ (ср. *курная изба* ‘ изба, которая топилась «по-чёрному», т. е. печкой без дымохода’), *кѣрны* ‘ короткий’; появление на Руси гречневой крупы из Греции и т. д.

Для этимологизации производных или непроизводных слов с морфологически ясной и явно составной в историческом прошлом основой необходимо учитывать значения корневых морфем и аффиксов. Так, для этимологического разбора слов *обруч*, *пажить*, *поперек*, *пасынок* важно обратить внимание на существование словообразовательных связей между основами *руч-* и *рук(а)*, *-жить* и *жи(ть)*, *-перек* и *переч-и(ть)*, а также на значение приставок *об-*, *по-*, *па-*.

Не следует забывать, что на протяжении исторического периода развития языка во многих словах с достаточно ясной морфологической структурой происходили разнообразные процессы, которые влияли на возможность сохранения ими словообразовательной производности (или членимости). Поэтому для этимологического разбора нечленимого в современном языке слова очень важно обратиться к его исторической жизни, которая может быть отражена в письменных памятниках, в составе фразеологических выражений, сохраняющих до нашего времени устаревшие слова или устаревшие значения слов, а также в диалектной лексике. При этом необходимо учитывать историчность звучания и написания слова, его структуры и значения, связанных с процессами опрощения, переразложения, усложнения, а также возможность фонетического слияния морфем в слове.

Например, для этимологизации ныне непроизводного слова *здрав(ый)* важным обстоятельством оказывается то, что в древних памятниках русского языка оно передавалось как *сѣдоровъ*, а в старославянских памятниках — как *сѣдровъ* (с неполногласием). Это указывает на возможность выделения в его составе приставки *сѣ-* (с последующим озвончением глухого согласного [с] перед следующим звонким [д]) и корневой морфемы *-дорв-* (общеславянской **-dorv-/ -derv-*) со значением ‘дерево, дуб’. Следовательно, определив с учетом изменений звуков и состава морфем древнюю струк-

туру слова и значение производящей основы, мы установили, что признаком, ставшим основой названия *здравый*, было значение ‘из дерева, дуба’.

Рассмотрим еще один пример — этимологизацию фразеологического выражения *не видно ни зги*, в составе которого представлено утраченное современным русским языком слово **зга*. Это слово восходит к общеславянскому корню **-stъg-*, производными от которого являются слова современного русского языка *стежка*, *диал. стега* ‘тропа, дорожка’, *др.-р. стъзя* ‘тропа, путь, стезя’, *др.-р. уменьш. стъжъка* ‘дорожка, тропа’, *др.-р. стъгна* ‘площадь, улица’. Этимологическое родство слова **зга* с указанными древними и диалектными словами подтверждается как фонетически и орфографически (путем передачи на письме фонетического озвончения глухого согласного в результате утраты редуцированного), так и семантически, что объясняет развитие фразеологического значения ‘ничего не видно’.

В ряде случаев этимологический анализ слов, который объясняет историю их образования, оказывается полезным и для выяснения орфографических особенностей. Это касается, прежде всего, написания приставочных глаголов, так как в их составе нередко наблюдается процесс наложения морфем на стыке основы и префикса наряду с процессом переразложения основы. Так, например, закономерным представляется вопрос, почему глагол *отворить* пишется с одним *т*, ведь в сочетание с приставкой *от-* вступает корень *-твор-*, что подтверждают такие глагольные образования, как *растворить*, *при-творить*, *за-творить*. Для ответа на этот вопрос следует принять во внимание, что в древнерусском языке глагол *отворити* был образован от глагола *ворити* со значением ‘запирать’ (с той же основой в древнерусском языке были известны слова *ворг*, *вора* ‘ограда, забор’, в современном русском — слово *ворота*). Поэтому глагол *отворити* исторически членился как *от-вор-и-ти*, а антонимический ему глагол *за-ворити* имел значение ‘закрыть, запереть’. Вместе с тем древнерусской лексике были известны приставочные образования с корнем *-твор-* со значением ‘делать, производить, творить’: *притворити* ‘приделать’, *растворити* ‘смешать’ и др. В результате сближения этих разных в этимологическом отношении основ слово *отворити* пережило процесс переразложения и стало восприниматься как производное с основой *-твор-*, на базе которой появились производные *притворить*, *растворить* со значениями ‘прикрыть, раскрыть’. Под влиянием новых словообразовательных отношений древнее, этимологически правильное образование

заворить получило форму затворить. Однако глагол отворить сохранил этимологически обоснованное написание с одним *m*, в котором, с точки зрения современных словообразовательных связей, отразился процесс частичного наложения корневой морфемы на префикс [41, с. 16].

Наложение морфем (иногда его называют стяжением согласных) нашло непоследовательное графическое отражение в истории русской письменности. В связи с отсутствием строгих орфографических правил в исторических памятниках получило широкое отражение на письме слияние звуков приставки *раз-* (*рас-*) в сочетании с корневыми морфемами с начальным звуком [с] (в таких написаниях, как *раселити* ‘расселить’, *раслабити* ‘расслабить’, *расуждение* ‘рассуждение’ и др.). Такое традиционное написание сохранилось и в настоящее время в слове *расчет*, хотя однокоренное слово *рассчитать* отражает этимологически исконный состав морфем.

Этимологически необоснованное нарушение морфемного членения слова в его орфографическом облике из-за наложения морфем особенно характерно для глагольных образований с префиксами *вз-* (*вс-*) и *раз-* (*рас-*) при сочетании с некоторыми глагольными основами на *с* и *з*: *взвывать* (из *вз-* и *-звывать*, ср. *отзвывать*, *призвывать*), *вскочить* (из *вс-* и *-скочить*, ср. *отскочить*, *выскочить*), *встать* ‘подняться’ (из *вс-* и *-стать*), *вступить* (из *вс-* и *-ступить*), *разинуть* (из *раз-* и *-зи-*, ср. *зиять*), *разевать* (из *раз-* и *-зевать*), а также в написании глаголов с приставкой *при-* в сочетании с основой *-ид-*: *приду* (из *при-* и *иду*).

Этимологический анализ любых слов, как непроизводных, так и производных, неотделим от словообразовательного анализа; он невозможен вне словообразовательного ряда, к которому принадлежит этимологизируемое слово.

ЗАДАНИЯ

Задание 1. Установите производность или непроизводность следующих слов древнерусского языка с учетом их словообразовательных связей в древнюю эпоху и определите характер соответствующих им слов современного русского языка.

Отъць ‘отец’ — отъни ‘отцовский’; тати ‘вор’ — таити ‘укрывать’; овьца ‘овца’ — овьнь ‘баран’; зычный ‘громкий’ — зыкъ ‘звук’; дъщанъ ‘чан’ — дъска ‘доска’; тъзъка ‘тезка’ — тъзъ ‘тот же самый’; казнь ‘наказание’ — каяти ‘порицать’.

Задание 2. Сопоставьте однокорневые слова современного русского и древнерусского языков, укажите случаи опрощения и переразложения основ в морфемном составе слов современного языка.

Беличий, бесноваться, галка, готовность, кольцо, ласка, лукавый, малютка, мельница, платок, пристойный, робеть, ровесник, рубаха.

Белица ‘белка’, бесныи ‘бешеный’, галь ‘черный’, готовныи ‘готовый’, коло ‘круг’, ласыи ‘нежный’, лука ‘хитрость’, малюта ‘малыш’, мельня ‘мельница’, плать ‘кусок материи’, пристой ‘прилиchie’, робя ‘ребенок’, ровесныи ‘одинаковый по годам’, рубъ ‘платье’

Задание 3. Объясните, обосновано ли этимологически написание в слове *рассориться* двух с.

Задание 4. В русском языке есть слово *каракатица* ‘морской моллюск со щупальцами в виде коротких ножек’. Сопоставление с болгарским словом *кракатица* говорит о том, что русское *каракатица* происходит от *корокатица*, так как болгарскому (и старославянскому) неполногласию *ра* в русском соответствует полногласное сочетание *оро*.

Используя приемы словообразовательного анализа и предлагаемую в упражнении справку, докажите, что этимологически слово *каракатица* означает ‘многоножка’.

Справка:

а) морфемный состав слова *корокатица* в древнерусском языке: *корок-ат-иц-а*;

б) суффикс *-иц-* имеет значение уменьшительности: ср. *вод-иц-а*, *луж-иц-а* (продолжите этот ряд); суффикс *-ат-* имеет значение ‘обладающий тем, что названо производящей основой’: *волос-ат-ый*, *бород-ат-ый* (продолжите этот ряд);

в) в болгарском языке есть слово *крак* ‘нога’ (найдите в русском языке непроизводное слово, которое содержит основу *-корок-* с тем же значением).

Задание 5. Опираясь на известные русскому языку соответствия глагольных и именных основ, унаследованные из древнерусского языка: *везу – воз*, *несу – ноша*, *лежу – ложе*, *секу – осока*, *теку – поток*, докажите, что обозначение безударного звука в первом слоге в слове *топор* буквой *о* может быть исторически обосновано.

Установите морфемный состав нечленимого в современном языке слова *недотепа* в древнерусский период и объясните его происхождение.

Справка: следует уточнить, что в древнерусском языке слово *топоръ* означало не только орудие для рубки, но и особый вид боевого оружия. Это

слово восходило к древнерусскому глаголу *тети*, которое имело форму 1-го л. ед. ч. *тету*, со значением ‘бить, колотить, сечь’, ныне уже исчезнувшему в литературном русском языке, хотя в диалектном языке отмечено слово *тётапать* ‘тапать, рубить’.

Задание 6. Изменилась ли членимость слова *лестница* в истории русского языка?

Какие фонетические изменения, произошедшие в составе этого слова, нашли отражение в его написании?

Объясните, какому принципу русской орфографии мы следуем, сохранив в слове *лестница* обозначение непроизносимого звука [т]?

Справка:

а) древнерусское слово *лѣстница* восходило к глаголу *лѣзти*, от которого было образовано слово *лѣзтв-а* (ср. *бритьва*, *жатва*, *молитва* и др.);

б) это слово образовало новое с суффиксом уменьшительности *-иц(a)*: *лѣзв-иц(a)*, *луж-иц(a)*... *лѣств-иц(a)*;

в) это новое производное слово вошло в словообразовательный ряд с суффиксом *-ниц(a)*: *звон-ниц(a)*, *сахар-ниц(a)*... *лѣст-ниц(a)*.

МОРФОЛОГИЯ

Современная морфологическая система русского языка представляет собой результат длительного исторического развития. Изменениям подверглись все части речи, хотя и не в одинаковой степени. Сопоставление современных форм словоизменения с древнерусскими именными и глагольными парадигмами помогает уяснить, что в современной языковой системе существуют заметные следы древних, уже утраченных в наше время связей и отношений между морфемами, формами, категориями и присущими им значениями. Эти явления представляют собой отступления и исключения из правил современного формообразования. Их системная обусловленность и историческая закономерность становятся понятными только в свете историко-лингвистического изучения и описания.

Одно из главных направлений исторического развития морфологической системы русского языка заключается в том, что слова, имевшие в древнем языке разнообразные формальные средства выражения одного и того же грамматического значения, пережили процессы обобщения грамматических показателей таких общеграмматических значений, как значения падежа, числа, лица, времени, степени признака. Эти процессы состояли в утрате ряда форм, а их значения передавались тем грамматическим показателям, которые сохранялись (или развивались) в морфологической системе. Исторические изменения такого характера можно определить как **унификацию** (т. е. приведение к единству) и упрощение существовавшей в древнем языке системы формообразования. Вместе с тем изменение морфологической системы включало также процессы **дифференциации** (т. е. разделения, выделения) грамматических показателей, необходимых для передачи новых,

возникающих в связи с абстрагирующей работой человеческого мышления грамматических отношений.

Процессы унификации форм словоизменения активно протекали в истории всех знаменательных частей речи, но являются определяющими, прежде всего, для истории имен существительных.

1. ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

В древнерусском языке имена существительные так же, как и в современном русском, имели грамматические категории рода, числа и падежа (за исключением категории одушевленности, которая является достоянием исторического развития морфологической системы существительных). Древнерусские существительные были распределены между мужским, женским и средним родом, изменялись по числам и падежам. Но в родовой принадлежности существительных, и в характере грамматического значения числа, и в способах выражения падежных значений древнерусские существительные имели ряд особенностей, которые в целом определили иную, в сравнении с современной, систему формообразования этой части речи.

РОД СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Родовая принадлежность существительных, т. е. отнесенность к одному из трех родов (мужскому, женскому или среднему), оказалась наиболее устойчивым грамматическим признаком слова. В современном русском языке род неодушевленных существительных определяется в зависимости от характера окончания формы именительного падежа единственного числа (морфологический фактор) и от характера сочетаемости с прилагательными и местоимениями (синтаксический фактор). Но категория рода является не только грамматической, но и смысловой. Поэтому при определении рода одушевленных существительных главную роль играет лексическое значение. Например, по соотношению с реальным полом как древнерусские существительные *воевода, судия, уноша*, так и современные слова *дядя, сынишка, подмастерье* относятся к словам мужского рода. У существительных неодушевленных связь между значением и грамматическим родом не осознается.

В целом распределение существительных по роду в течение длительного исторического периода не претерпело значительных изменений. Лишь отдельные слова изменили родовую принадлежность, например: *лебедь, гусь, перстень* в древнерусском языке были словами женского рода, а *печать, горталь, степень* — мужского. Колебания родовой принадлежности отдельных слов отразились в истории литературного языка, например у А. Пушкина: *Корабль вбежал в Неву — и вот среди зыбей, качаясь плавает, как лебедь молодая* — и в диалектном языке: *Елень* (диалектное слово, соответствующее литературному *оленю*) *быстра, не коню сестра* (пословица).

ЧИСЛО СУЩЕСТИТЕЛЬНЫХ

Кроме единственного и множественного числа древнерусский, как и некоторые другие древние языки, обладал особой формой двойственного числа, которая использовалась в тех случаях, когда речь шла о парных предметах (*рука, берег, рукав* и т. п.) или существительные употреблялись в сочетании с числительными *два, две, оба, обе*. Обозначение посредством грамматической формы двойственного числа такой совокупности, которую образуют два предмета или явления, свидетельствует об особой ступени в развитии человеческого мышления. В сравнении с возможностью выделения конкретной множественности ‘один’ — ‘два’ — ‘много’, присущей древнерусскому языку, противопоставление в современном русском языке понятия единичности общему понятию множественности ‘один’ — ‘много’ является признаком абстрагирующей работы человеческого мышления.

Формы двойственного числа были утрачены в XIII—XIV вв., но их следы могут быть обнаружены в некоторых лексических и морфологических явлениях современного русского языка.

Так, в современном языке есть целый ряд сложных слов с первой частью *дву-*, имеющей числовое значение: *двудольный, двужильный, двубортный, двурушинк, двуглавый, двугорбый, двуличный, двуногий, двусмысленность, двустишие*. Морфема *дву-* является бывшей формой Р.—П. п. древнерусского числительного *два* (м. р.), *две* (ср. и ж. р.), которые имели формы только двойственного числа. Более старая форма этих падежей *двою* сохранилась в прилагательном *двоюродный*, а по аналогии с этим словом было образовано

слово *троюродный*, хотя числительное *три* не имело форм двойственного числа.

Лексическим следом древнерусского двойственного числа является наречие *воочию*, которое восходит к форме П. п. дв. ч. существительного *око* ‘глаз’ (так как глаза человека представляют «парный» предмет).

Остатком двойственного числа является окончание *-а* в форме И. п. мн. ч. некоторых существительных м. р., обозначающих парные предметы: *рога, берега, рукава, глаза, бока* (исковные формы И. п. мн. ч. этих слов в древнерусском языке имели другие окончания — *рози, берези, рукави, боци*), и окончание *-и* у существительных ср. р. с таким же значением парности: *плечи, колени* (исковные формы И. п. мн. ч. — *плеча, колена*). Сохранение окончания *-а* двойственного числа у существительных м. р. в форме И. п. мн. ч. способствовало широкому распространению по аналогии окончания *-а* в форме множественности у многих других существительных мужского рода, не имеющих значения парности, например: *города, учителя, счета, директора, братья, сыновья, листья, поезды* и др.

Трудность для исторического объяснения представляют современные формы мн. ч. существительных *ухо, око*: формы И. п. дв. ч. должны были быть *усѣ, оцѣ* (после выравнивания согласного в основе — *ухе, оке*), а формы И. п. мн. ч. — *уха, ока*. Высказано предположение, что современные формы *уши, очи* восходят к незафиксированным в памятниках словам ж. р. с тем же лексическим значениям **ушъ, *очъ*, которые в парадигме древнерусского дв. ч. имели форму И. п. *уши, очи*.

С древним двойственным числом связаны по происхождению современные словосочетания существительных с числительными *два, две*: *два города, два села, две рыбы*. С точки зрения современной системы словоизменения, в таких сочетаниях выступает форма Р. п. ед. ч. существительных. Исторически это утверждение верно лишь отчасти, в отношении сочетания с существительными ср. и ж. р. Действительно, современные сочетания *два села, две рыбы* вытеснили древнерусские конструкции с формами И. п. дв. ч. *дѣвѣ сѣлѣ, дѣвѣ рыбѣ* (в древнерусском языке числительные *дѣва, дѣвѣ* согласовывались с существительными, называющими считаемые предметы, в роде и падеже). Образцом для формирования таких словосочетаний с формой Р. п. ед. ч. существительных ср. и ж. р. послужили старые словосочетания числительного *дѣва* с существительными м. р., которые в форме И. п. дв. ч. имели окончание *-а*,

совпадавшее с окончанием большинства существительных м. р. в форме Р. п. ед. ч. Уяснению того, что происхождение современной конструкции типа *два города* связано с формой дв. ч. существительных м. р., помогает наблюдение над изменением места ударения в формах некоторых существительных с окончанием *-a*. В современном русском языке можно наблюдать интересное явление: ударение на окончание у некоторых существительных м. р. приходится только тогда, когда они выступают в сочетании с числительным *два*, а во всех остальных случаях ударение падает на корень: *два часá, два шагá, два рядá*, но *до последнего ча́са, с первого шáга, с крайнего ря́да*. Дело в том, что в прошлом такие существительные м. р. имели две формы с одинаковым окончанием — форму Р. п. ед. ч. и форму И. п. дв. ч., которые различались местом ударения. Но в связи с утратой двойственного числа древняя форма И. п. дв. ч. (с ударением на окончании) стала восприниматься как форма Р. п. ед. ч., что и повлекло за собой (в силу морфологической аналогии) употребление при числительных *два, две* формы Р. п. ед. ч. существительных ср. и ж. р.

СИСТЕМА СКЛОНЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

В современном русском языке в соответствии со способами словоизменения большинство существительных в формах ед. ч. распределены между тремя типами склонения, которые выделяются на основе родовой принадлежности существительных и характера окончания И. п. ед. ч.; в формах мн. ч. представлен только один тип словоизменения. Гораздо более сложное устройство имела система именного словоизменения в древнерусском языке. Она сформировалась еще в праславянскую эпоху, когда главным фактором, определяющим тот или иной способ изменения слов по падежам, была их принадлежность к древним словообразовательным типам, т. е. характер их морфемного состава.

Древнерусские существительные от более раннего периода развития языка унаследовали древние суффиксы, которые служили распространителями основы и в дальнейшем в силу процессов опрощения и переразложения основ, происходивших по законам фонетического развития, стали окончаниями или элементами окончания.

1. Наиболее обширная группа существительных ж. р. была в древности образована при помощи суффикса **-ā-* (или его варианта **-jā-*).

В древнерусском языке эта группа существительных представлена словами *гор-а*, *рук-а*, *земл-я* (<*zem-ja), *сѣча* (<*sěk-ja) и т. п., в составе которых звуки [а], [ja] являются уже окончаниями. В их числе были также немногие образования м. р., например *воевода*, *судия*. Слова такого древнего способа образования в древнерусскую эпоху составляли особый тип склонения, который имеет условное название **склонение с основой на -а (-ja)**. В его состав входили слова с твердым или мягким согласным в конце основы. (В дальнейшем изложении будет использоваться сокращенное название *склонение на -а твердого/мягкого вариантов*.)

2. Большинство существительных м. и ср. р. имели древний суффиксальный показатель *-ō- (или его вариант *-jō-). В результате различных исторических изменений в составе слова эта группа существительных в древнерусском языке была представлена словами *плод-ъ* (<*plod-o-s), *кон-ъ* (<*kon-jo-s), *сел-о* (<*sel-o-s), *пол-е* (<*pol-jo-s) и т. п., в составе которых звуки [ъ], [ъ], [о], [е] представляют окончания. Такие существительные входили в тип склонения с условным названием **склонение с основой на -о (-jo)**. В составе этого склонения также различались слова с твердым или мягким согласным основы. Мягкость согласного основы возникала как результат смягчающего воздействия -j- на предшествующий согласный, так же как и у слов ж. р. на мягкий согласный в составе древнего типа склонения на -ja-. (В дальнейшем — *склонение на -о твердого/мягкого вариантов*.)

Кроме этих двух, наиболее многочисленных типов склонения в древнерусском языке были представлены другие словообразовательные типы.

3. Существительные м. р. с древним суффиксальным показателем *-й-, например: *сынъ*, *медъ*, *домъ*, *върхъ*, образовывали **склонение с основой на -ъ**. Сюда входили слова только с твердым согласным основы. (В дальнейшем — *склонение на -ъ*.)

4. Существительные м. и ж. р. с древним суффиксальным показателем *-и-, например: *гость*, *путь*, *ночь*, *мыши* — представляли склонение с основой на -ь, которое включало слова только с мягким согласным основы. Мягкость согласного у слов м. р. не является результатом воздействия -j-, поэтому среди них нет слов с шипящими или [ц] в конце основы. (В дальнейшем — *склонение на -ь*.)

5. Особый тип склонения в древнерусском языке представляли слова м., ср. и ж. р., имевшие в праславянскую эпоху суффиксы, которые оканчивались на согласный звук: суффикс м. р. *-en-, например в древнерусском слове *коры* ‘корень’, которое в косвенных

падежах имело основу *корен-*; суффиксы ср. р. **-men-*, **-os-/es-*, **-et-*, например в древнерусском слове *имя, небо, теля* с основами косвенных падежей *имен-, небес-, телят-*; суффиксы ж. р. **-ter-*, **-zv-*, например в древнерусском слове *мати, църкы* ‘церковь’, *буки* ‘буква’ с основами косвенных падежей *матер-, църкъв-, букъв-*. Этот тип склонения имеет условное название **склонение с основой на согласный**. (В дальнейшем — *склонение на согласный*.)

Как видно из приведенных примеров, основа на согласный сохранилась в древнерусском языке только в формах косвенных падежей этого типа склонения. В других названных выше словообразовательных типах произошло переразложение основы в пользу окончаний, которое к тому же сопровождалось фонетическими процессами изменения в праславянском языке звуков [ð], [ў], [i] в звуки [ъ], [ъ].

ТИПЫ СКЛОНЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ИСТОРИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Изменения звукового и морфемного состава существительных способствовали «затемнению» древних словообразовательных различий, которые в праславянскую эпоху определяли разные типы склонения этих слов. Поэтому в древнерусском языке происходил широкий процесс унификации в системе склонения существительных на основе сходства грамматического рода и окончаний. Результатами этого процесса было уменьшение числа типов склонения в формах ед. ч. и становление единого типа склонения существительных во мн. ч.

Типы склонения существительных в современном русском языке связаны с охарактеризованной выше системой древнерусского склонения следующим образом.

1-е склонение существительных современного русского языка в основном восходит к древнерусскому склонению на *-a* твердого/мягкого вариантов, которое в исторический период пополнилось некоторыми словами ж. р. из древнего склонения на согласный с бывшим суффиксом **-zv-* (буква и др.).

Более сложный в историческом плане состав имеет современное **2-е склонение** существительных. Его основу составляют слова древнерусских склонений на *-o* твердого/мягкого вариантов и на *-z*, к которым присоединились слова м. р. из древнего склонения

на -ь (гость, гвоздь), слова ср. р. из древнего склонения на согласный с бывшими суффиксами -ес-, -ят- (небо, тело, телята).

Особый тип в современном языке представляет **3-е склонение**. С исторической точки зрения оно составляет группу существительных ж. р. из древнего склонения на -ь, к которой присоединились несколько слов ж. р. из древнего склонения на согласный с бывшими суффиксами -əв-, -тер- (церковь, мать, дочь и др.).

Кроме того, в современном склонении существительных выделяется группа разносклоняемых существительных, которые имеют падежные окончания разных склонений. В историческом отношении в эту группу входят слова ср. р. из древнего склонения на согласный с бывшим суффиксом -мен- (имя, время, племя и др.) и слово *путь* из древнего склонения на -ь.

Таким образом, в истории русского языка произошло уменьшение числа склонений (с 5 до 3), главным образом за счет обобщения падежных окончаний, выражавших одни и те же грамматические значения.

Звуковые и морфемные изменения в составе слова (в том числе и по причине активно протекавшего выравнивания основ имениительного и косвенных падежей) способствовали сближению форм, прежде всего, И. п. ед. ч. многих существительных, исконно представлявших различные древние словообразовательные типы и входивших в разные древние типы склонения. Их сближение происходило на основе общности родового признака, грамматическое значение которого выражали новые флексии И. п. Это послужило отправной точкой для перегруппировки слов между типами склонения и их концентрации вокруг наиболее многочисленных типов склонения существительных м. и ср. р. с древней основой на *-о- (*-jo-) и существительных ж. р. с древней основой на *-а- (*-ja-) или *-и-. Например, взаимодействие форм И.—В. п. ед. ч. существительных с основой на *-en-, *-əv-: *коры*, *буки*, *моркы* (И. п.) — *корень*, *буквъ*, *морквъ* (В. п.) было причиной появления новой общей формы И.—В. п. ед. ч. существительных этого типа образования *корень*, *буква*, *морковь*, что и обусловило включение их в продуктивные типы современного склонения — 1, 2, 3-го — в соответствии с признаком грамматического рода, который становится определяющим фактором перестройки древнерусского именного склонения. Так произошло разрушение типов склонения с основой на -ə и на согласный как особых словоизменительных типов древнерусского языка.

Процесс формирования новой системы именного склонения состоял, с одной стороны, в обобщении определенных падежных окон-

чаний и их расширении в кругу существительных с разными древними основами, которым такие окончания ранее были не свойственны, с другой — в закреплении вариантиности окончаний у некоторых существительных, оказавшихся внутри одного и того же словоизменительного типа.

В истории форм ед. ч. существительных м. и ж. р. (в современном языке входящих в 1-й и 2-й типы склонения) заметной чертой является **обобщение падежных окончаний твердого и мягкого вариантов** (в др.-р. *столъ* — *конъ*, *вода* — *земля*), которое привело к совпадению окончаний твердого и мягкого вариантов у существительных ж. р. в Р., Д., П. п. ед. ч., у существительных м. р. — в форме П. п. ед. ч.:

Современные падежные формы ед. ч.		Древнерусские падежные формы ед. ч.	
1-е склонение		Склонение на <i>-a (-ja)</i>	
Р. п.	<i>воды, земли</i>	Р. п.	<i>воды, земль</i>
Д.-П. п.	<i>воде, земле</i>	Д.—М. п.	<i>водѣ, земли</i>
2-е склонение		Склонение на <i>-o (-jo)</i>	
П. п.	<i>столе, коне</i>	М. п.	<i>столѣ, кони</i>

Обобщение окончаний, выражающих одно и то же грамматическое значение, наиболее последовательно осуществилось в формах косвенных падежей мн. ч., в результате чего в современном языке представлен один тип склонения существительных во мн. ч. (ср., например, *на вод-ах*, *на земл-ях*, *на стол-ах*, *на кон-ях*, *о гост-ях*, *о поч-ах*, *о матер-ях*, *о букв-ах* и т. д.). Правда, несомненное единство форм изменения разных групп существительных в косвенных падежах мн. ч. нарушается в формах И. и Р. п., хотя и в этих случаях, как мы убедимся в дальнейшем, несомненны результаты того же процесса обобщения окончаний.

В форме И.—В. п. мн. ч. современные существительные трех родов (неодушевленные) имеют вариантические окончания *-ы*, *-и*, *-е*, *-а*, которые исторически формировались в процессе обобщения окончаний существительных разных древних типов склонения (а это значит — разных словообразовательных типов древней эпохи), а также в зависимости от твердости-мягкости согласного в конце основы. Следующая таблица помогает уяснить **происхождение современных окончаний И. п. мн. ч.**, которые являются результатом обобщения соответствующих падежных окончаний у существительных различных древних типов склонения. Результаты этого обобщения

оказались все же менее последовательными, чем результаты аналогичного процесса формирования окончаний косвенных падежей в парадигмах множественного числа:

Современные окончания И. п. мн. ч.	Обобщение падежных окончаний древних типов склонения	Примеры
<i>-вл</i>	И.—В. п. мн. ч. склонения на <i>-а</i> ж. р. твердый вариант	<i>горы, сосны</i>
	В. п. мн. ч. склонения на <i>-о</i> м. р. твердый вариант	<i>в кусты, в столы</i>
	В. п. мн. ч. склонения на <i>-ö</i>	<i>в чины, в долы</i>
<i>-и</i>	И. п. мн. ч. склонения на <i>-о</i> м. р. мягкий вариант	<i>кони, мечи</i>
	И.—В. мн. ч. склонения на <i>-ь</i> м. и ж. р.	<i>гости, звери, ночи, мыши</i>
	И.—В. п. мн. ч. склонения на согласный м. р. (<i>*-en</i>)	<i>камни, корни</i>
	И.—В. п. мн. ч. склонения на согласный ж. р. (<i>*-ter</i>) и м. р. (<i>-тель</i>)	<i>матери, дочери, жители</i>
<i>-е</i>	И. п. мн. ч. склонения на согласный м. р. (<i>-ин, -анин</i>)	<i>горожане, бояре</i>
<i>-а</i>	И.—В. п. мн. ч. склонения на <i>-о</i> спр. р. твердый и мягкий варианты	<i>озера, поля</i>
	И. п. ед. ч. собирательных существительных ж. р. на <i>-ия</i> (<i>-ья</i>) (в результате переосмысления собирательности как множественности)	<i>братья, сыновья, листья</i>
	И.—В. п. дв. ч. склонения на <i>-о</i> м. р.	<i>два коня, два села</i> (с последующим переосмыслением как форм Р. п. ед. ч.)

Примечание. Таблица составлена на основе учебного пособия Л. А. Глинкиной и А. П. Чередниченко [7, с. 73].

В современном языке вариантностью, имеющей исторические предпосылки, характеризуются формы Р. п. мн. ч., которые имеют окончания *-о* («нуль звука»), *-ов*, *-ей*. В них отразились результаты обобщения окончаний существительных м. р. древних типов склонения, их распределение между существительными м. р. твердого и мягкого вариантов и включение в парадигму существитель-

ных других суффиксальных типов. Следующая таблица характеризует **происхождение современных окончаний Р. п. мн. ч.:**

Современные окончания Р. п. мн. ч.	Обобщение падежных окончаний древних типов склонения	Примеры
-ə	Р. п. мн. ч. склонения на -о м. и ср. р. твердый вариант	сапог, солдат, озер, сел
	Р. п. мн. ч. склонения на -а ж. р. твердый и мягкий варианты	гор, земель
	Р. п. мн. ч. склонения на согласный м. р. (-анин), ср. р. (*-es-, *-et-)	горожан, небес, телят
-ов, -ев	Р. п. мн. ч. склонения на -ə м. р.	сынов, лесов, кустов, огурцов, листьев
-ей (<-ии)	Р. п. мн. ч. склонения на -в м. и ж. р.	гостей, ночей, мышей, коней, шалашей

Наряду с процессами обобщения исконных падежных окончаний, определивших характер современной системы русского словообразования, взаимодействие между различными древними словообразовательными и словоизменительными типами существительных также имело заметные последствия в виде вариативности падежных окончаний, выражавших одно и то же грамматическое значение, в составе одного и того же современного типа склонения.

ВАРЬИРОВАНИЕ ПАДЕЖНЫХ ФЛЕКСИЙ

Варьирование падежных флексий представляет собой заметную особенность склонения существительных м. р. (чаще всего — односложных или производных от них) в формах Р. и П. п. ед. ч. Например, в форме Р. п.: *из лес-а* — *из лес-у*, *от дома* — *из дом-у*; в форме П. п.: *о лес-е* — *в лес-у*, *в дом-е* — *на дом-у* и др. Исторически окончание *-у* было окончанием Р. и П. п. нескольких существительных м. р., представлявших древний словообразовательный и словоизменительный тип существительных с основой на *-ə*. В результате его разрушения существительные м. р., входившие в эту группу, объединились по способу словоизменения с более многочисленным типом склонения существительных м. и ср. р. с древней основой на *-o*, но окончание *-u* закрепилось как вариантное в фор-

мах Р. и П. п. наряду с исконными для этого типами окончаниями *-а* и *-е* (< *ѣ*). Следующая таблица устанавливает **происхождение вариантов окончаний Р. и П. п. ед. ч. существительных м. р. 2-го склонения в современном русском языке**:

Грамматическая форма	Современный русский язык	Древнерусский язык
Р. п. ед. ч.	<i>леса, лесу</i> <i>дома, дому</i>	<i>лѣса</i> (склонение на <i>-о</i>) <i>дому</i> (склонение на <i>-ъ</i>)
П. п. ед. ч.	<i>о лесе, в лесу</i> <i>о доме, в дому</i>	<i>о лѣсѣ</i> (склонение на <i>-о</i>) <i>о дому</i> (склонение на <i>-ъ</i>)

Таким образом, у существительных современного 2-го склонения закрепилась вариативная флексия *-у* в форме Р. п. ед. ч. для выражения значения части целого у существительных с вещественным значением (*ложка сахару*), при переносе ударения на предлог (*из лесу*), у существительных с уменьшительным значением (*добавить перчику, хочется чайку*), в составе фразеологизмов (*без году неделя, упустить из виду, умереть со смеху*). В форме П. п. ед. ч. вариативная флексия *-у* закрепилась у некоторых существительных для выражения значения места (*в саду, в порту, в цеху, в плену*) или времени (*в году*), в составе фразеологизмов (*на своем горбу, идти на поводу*).

В процессе формирования современного склонения имен существительных особое место заняли слова, обозначавшие невзрослых живых существ, которые в древности входили в тип с основой на согласный, так как были образованы посредством суффикса **-ent- > *-et-*. На месте этого суффикса в форме И. п. в древнерусском языке развился звук [’а], который в словах *теля, котя, жеребя, утя, поросся, дѣтя* и т. п. выступал как окончание слов ср. р., а его древний звуковой состав был представлен в основах косвенных падежей и в формах мн. ч. этих существительных. Например, в древнерусском образовывалась форма Р. п. ед. ч. *тел-ят-е*, Д. п. ед. ч. *тел-ят-и*, И. п. мн. ч. *тел-ят-а* и т. д. В дальнейшем эта группа слов пережила изменение способа образования, в результате чего формы И. п. ед. ч. получили суффикс *-енок-*, ср. в современном языке *теленок, котенок, жеребенок, утенок* и др. Это обстоятельство обусловило переход таких существительных в категорию слов м. р., объединявшихся по способу формообразования с существительными типа *брать, конь* и т. п. Но суффикс *-енок-* распространился только в основах форм ед. ч. таких существительных, а во всех основах форм мн. ч. сохранился суффикс *-ят-*, что и объясняет склонение

этих слов во мн. ч. как слов ср. р.: *И. п. телята, котята, Р. п. телят, котят* и т. д.

Эта группа слов примечательна еще и тем, что в ее состав наряду со словом *дѣти* входило древнерусское *робя* с тем же значением. Вначале это слово изменилось в *робенъкъ*, затем в *ребенокъ* (вследствие уподобления гласного первого слога гласному второго слога). Слово *ребенок* вытеснило из живого языка слово *дитя* (из *дѣти*), которое сохраняется сейчас только в поэтической речи. Этим объясняется супплетивизм форм ед. и мн. ч. в современном языке *ребенок — дети*. Форма мн. ч. *дети* по особенностям формообразования сблизилась с группой существительных м. р. типа *гости*.

Старые формы существительных со значением невзрослых существ сохранились в составе пословиц и поговорок: *У кошки котя такое же дитя; Ласковое теля двух маток сосет; Нашему теляти да волка поймати* и др. В истории литературного языка XIX в. известно употребление старых форм слова *дитя*, например у А. Пушкина: *Кашу заварит, нянчится с дитятей; Не погуби ты своего родимого дитяти*. При этом отмечено, что в употреблении существительное испытывает колебание в роде: *Сидит как дитя глупое; Дитя умыт, причесан, накормлен*.

Особую группу в отношении способов формообразования составляют разносклоняемые существительные. Прежде всего, это слова ср. р. с древней основой на согласный с суффиксом **-men-*, которые в современном языке имеют окончание И.—В. п. ед. ч. -я, фонетически восходящее к древнему гласному [e] носовому. Во всех других падежных формах (в связи с позицией перед гласными, а не в конце слова) на месте носового гласного сохранялось звукосочетание [ен] как след древнего суффикса (поэтому неправильно называть его «наращением»). В современном языке слова этой группы (типа *имя, время, знамя, бремя, пламя*) при образовании форм косвенных падежей ед. ч. примкнули к словам 3-го склонения, а в форме Т. п. ед. ч. и во всех формах мн. ч. склоняются как слова ср. р. 2-го склонения, поэтому и получили название «разносклоняемые». Особенностью этой группы является написание суффикса *-ян-* в форме Р. п. мн. ч. у слов *семя, стремя — семян, стремян*, что не имеет каких-либо исторических предпосылок.

К разносклоняемым относится также слово *путь*, исторически входившее в группу существительных м. р. с основой на -ь. Это слово осталось единственным словом м. р. в современном 3-м склонении, но в форме Т. п. ед. ч. имеет окончание *-ем*, присущее словам 2-го склонения.

КАТЕГОРИЯ ОДУШЕВЛЕННОСТИ-НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ

В современной системе склонения некоторые группы одушевленных существительных в отличие от неодушевленных имеют форму В. п. ед. и мн. ч. или только мн. ч., которая совпадает с формой Р. п. Например, это присуще существительным м. р. 2-го склонения в формах ед. и мн. ч.: *вижу сына, сыновей, мастера, мастеров, победителя, победителей, орла, орлов* и т. д.; существительным ж. р. (также существительным м. р., относящимся к 1-му склонению) — только в формах мн. ч.: *вижу девушек, мышей, юношей, старост*; существительным ср. р. — только в формах мн. ч.: *вижу животных, насекомых*.

Различие форм И. и В. п. является исторически обусловленным и, прежде всего, возникло у слов м. р. Исконно в древнерусском языке существительные м. р., как одушевленные, так и неодушевленные, имели в И. и В. п. совпадающие окончания: И. п. *городъ, братъ* и В. п. (*вижу*) *городъ, братъ* (как следствие древних фонетических процессов в конце слова). Но именно в этой группе слов, в которую входили многие названия действующего лица (субъекта действия), неразличение в грамматическом отношении форм И. и В. п. затрудняло правильное понимание высказываемой мысли: древнерусское выражение *Отъцъ любить сынъ* могло быть воспринято как ‘отец любит сына’ или как ‘отца любит сын’ (в связи со свободным порядком слов в предложении, свойственным русскому языку как в настоящем, так и в древности). Так уже в древнюю эпоху развились потребность грамматического различия субъекта и объекта действия. Необходимость этого проявилась, прежде всего, у слов м. р., так как у слов ж. р. И. п. (падеж субъекта) и В. п. (падеж объекта) исконно имели разные окончания. У слов ср. р. такой потребности не выявлялось, так как среди них не было слов со значением активно действующего лица.

Средством различия И. и В. п. стало использование формы Р. п. в значении В. п. при назывании одушевленного объекта. Так возникла категория одушевленности, которая выражается в употреблении формы В. п., совпадающей с формой Р. п., при обозначении объекта одушевленным существительным; если объект обозначается неодушевленным существительным, то употребляется форма В. п., совпадающая с формой И. п.

Выбор формы Р. п. для выражения значения В. п., который был сделан в определенных случаях языковой системой, объясняется

близостью Р. и В. п. в синтаксическом отношении. Например, в древнерусском исконно употреблялись конструкции с Р. п. объекта при переходных глаголах с отрицанием: *не чьтить отьца* ‘не почитает отца’. Исконными также были параллельные конструкции типа *пить воду — испить воды* с употреблением Р. п. для обозначения объекта, лишь частично подвергающегося воздействию на него. Такая близость синтаксических связей Р. и В. п. предопределила использование формы именно Р. п. для обозначения одушевленного объекта.

Категория одушевленности-неодушевленности развивалась в русском языке постепенно: сначала особое выражение одушевленного объекта охватило группу слов м. р. со значением лица и только в ед. ч. (так как формы И.—В. п. мн. ч. этих существительных в древнюю эпоху имели разные окончания), затем оно распространялось на названия лиц во мн. ч. и на названия животных в ед. и мн. ч., потом охватило слова ж. р. во мн. ч. (ведь эти слова во мн. ч. изначально имели совпадающие формы И.—В. п.). В последнюю очередь это грамматическое явление распространялось на все слова, обозначающие живых существ, в том числе и на слова ср. р. (*назвать млекопитающих* и др.).

В современном русском языке сохранились некоторые следы употребления старой формы В. п., равной форме И. п., например в наречии *замуж*, которое восходит к сочетанию предлога *за* с древней формой В. п. слова *мужъ* (ср. совр. *выйти замуж* и *ответить за мужа*). Старая форма В. п. представлена в некоторых сочетаниях формы мн. ч. с предлогом *в*, обозначающих новую должность или новое состояние человека: *взять в жены, выйти в люди, принять в члены организации* и др.

ЗАДАНИЯ

Задание 1. Используя предложенный образец, разделите существительные на две группы: сохранившие и изменившие свою парадигму.

Заря, калач, лужа, кольцо, мать, камень, локоть, зима, войско, вол, чин, голубь, забота, ночь, жердь, радость, племя, голос, край, поле, овца, ягненок, бровь, берег, капля, знамя, корень, колено, дерево, грязь, вечер, путь, степь, рука, дочь.

О б р а з е ц: в ряду существительных *надежда, гвоздь, стадо, нож, сабля, сын, морковь, тело, котенок, изгородь* парадигму сохранили:

Существительные	Современный тип склонения	Древний тип склонения	Древняя основа
<i>надежда</i>	1-й	Склонение на <i>-a</i>	на <i>-a</i>
<i>стадо</i>	2-й	Склонение на <i>-o</i>	на <i>-o</i>
<i>нож</i>	2-й	Склонение на <i>-o</i>	на <i>-jo</i>
<i>сабля</i>	1-й	Склонение на <i>-a</i>	на <i>-ja</i>
<i>изгородь</i>	3-й	Склонение на <i>-b</i>	на <i>-b</i>

Парадигму изменили:

Существительные	Современный тип склонения	Древний тип склонения	Древняя основа
<i>гвоздь</i>	2-й	Склонение на <i>-b</i>	на <i>-b</i>
<i>сын</i>	2-й	Склонение на <i>-b</i>	на <i>-b</i>
<i>морковь</i>	3-й	Склонение на согласный	на <i>*-zv</i>
<i>тело</i>	2-й	Склонение на согласный	на <i>*-es</i>
<i>котенок</i>	1-й	Склонение на согласный	на <i>*-et</i>

Задание 2. Прокомментируйте с исторической точки зрения падежные формы существительных.

В гости, у медведя, в душе, камней, в стране, со страху, на огне, учеников (Р. п. мн. ч.), сторожа (И. п. мн. ч.), морозы, к небу, матери (Р. п. ед. ч.), уток (В. п. мн. ч.), на пути, повестей, в зубах, во мху, к истокам, козленок, дети.

О б р а з е ц: **огней** — др.-р. *огнь*, древний тип склонения на *-b*, в современном языке слово 2-го склонения, в форме Р. п. мн. ч. сохранило исконное окончание; **в земле** — др.-р. *земля*, древний тип склонения на *-ja*, в современном языке слово 1-го склонения, окончание П. п. ед. ч. *-e* вместо др.-р. *-i* в результате обобщения форм твердого и мягкого вариантов; **пальцев** — др.-р. *пальцъ*, древний тип склонения на *-jo*, в современном языке слово 2-го склонения, окончание Р. п. мн. ч. *-ев* в результате воздействия формы Р. п. мн. ч. древнего склонения с основой на *-z*.

Задание 3. Установите происхождение окончаний Р. и П. п. ед. ч. — исконное или неисконное. В случае неисконности окончания объясните причину употребления нового окончания, учитывая взаимодействие древних типов склонения, семантику слова, ударение, синтаксическую функцию предложно-именного словосочетания.

Из дому, от дождя, без снега, много народу, купить сахару, в пылу, со сна, на меду, без огня, как на духу сказать, до рассвета, в году,

о хлебе, в плену, с ходу, на дубе, нет песку, на весу, о доме, на ветру, от сына, с размаху, со зла.

Образец: *в зобу* — окончание П. п. неисконное (вместо окончания *-e* древнего типа склонения на *-o*). Установилось как вариантное под воздействием древнего типа на *-z*, выражает значение места; *час от часу* — окончание Р. п. неисконное (вместо окончания *-a* древнего типа склонения на *-o*). Закрепилось как вариантное под воздействием древнего типа на *-z*, употребляется в составе устойчивого оборота; *на дому* — окончание П. п. исконное, в соответствии с древним склонением на *-z*. Является вариантым для 2-го склонения в современном языке, употребляется в составе устойчивого оборота *работа (учеба) на дому; от конца* — окончание Р. п. исконное, то же, что и в древнерусском.

Задание 4. Объясните архаические и вариантные формы существительных в устойчивых сочетаниях, пословицах и загадках.

Притча во языцах ‘то, о чем все говорят’; лечь костьюми ‘приложить большие усилия’; проснуться до свету; на миру смерть красна; с миру по нитке — голому сорочка; темна вода в облацах ‘непонятное дело’; седши на конь и поехал в огонь (загадка); почтить в бозе ‘умереть’; беситься с жириу; на веки вечные; аз да буки, да и конец науки; не сподручно теляти волка лягати.

Справка: др.-р. *языкъ* используйте в значении ‘народ’; др.-р. *миръ* — в значении ‘община, общество’.

Ответ на загадку: горшок на ухватае ставят в печь.

Задание 5. Установите историческую обусловленность расхождений с нормами современного литературного языка в следующих падежных формах существительных из произведений фольклора и художественной литературы XVIII—XIX вв.

1. Ты мне все блага на земли (*В. Жуковский*). 2. А я здесь в поте и в пыли, я, царь земли, прирос к земли (*Ф. Тютчев*). 3. Он почувствовал, как будто бы с него разом свалилось десять пуд (*И. Гончаров*). 4. От холodu и жару есть приют (*И. Крылов*). 5. А стоит же во чистом поли да сырой дуб (*былина*). 6. Овин с овсом — жеребя с хвостом (*пословица*). 7. Клянусь, о матерь наслаждений, тебе неслыханно служу (*А. Пушкин*). 8. Звучали рабские моленья, колена всех преклонены (*А. Блок*). 9. Тебе, сияющей так мило для наших набожных очес (*А. Пушкин*). 10. Бодливой корове бог рог не дает (*пословица*).

Задание 6. Дайте историко-лингвистический комментарий тех падежных форм существительных, которые не соответствуют литературным нормам современного русского языка.

1. Дошло это дело до велика дни (*былина*). 2. Вы также, маменьки, построже за дочерьми смотрите вслед (А. Пушкин). 3. Белый лебедь от весла спрятал голову в крыла (А. Блок). 4. Земля освежилась, и буря промчалась, и ветер, лаская вершины древес, тебя с успокоенных гонит небес (А. Пушкин). 5. Не встретит ответа средь шума мирского из пламя и света рожденное слово (М. Лермонтов). 6. Перед ним изба со светелкой, с кирпичною, беленою трубою, с дубовыми тесовыми вороты (А. Пушкин). 7. И как двери ему растворяли везде, и в почетном угле было место твое (А. Кольцов). 8. Домашние зайцы кроликами зовут (*диал.*). 9. Надо козы кормить (*диал.*). 10. Щурятки принесла, ёршов, плотки (*диал.*).

2. ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

КРАТКИЕ И ПОЛНЫЕ ФОРМЫ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Как и в современном русском языке, в древнерусском были известны прилагательные в краткой и полной формах. Но в отличие от современного состояния этих форм прилагательных, когда краткие формы не употребляются в качестве определений, древнерусские краткие формы выступали и в определительной, и в предикативной функциях: *добрь сестры* и *сестры суть добры*.

В древности краткие формы были первичными по отношению к полным формам: последние образовывались в дописьменный праславянский период от кратких путем слияния их падежных форм с падежными формами указательного местоимения *и* (м. р.), *и* (ср. р.), *и* (ж. р.). При этом краткие и полные формы, выступая в качестве определения, различались по значению: краткие формы указывали на признак предмета, упоминаемого впервые, или предмета, неизвестного говорящему (словосочетание *высокъ дубъ* указывало на то, что речь идет о каком-то неизвестном дубе, ранее не упоминавшемся); полные формы называли признак предмета, уже известного говорящим (словосочетание *высокыи дубъ* означало, что речь идет о каком-то известном, определенном дубе). Такие отношения между полными и краткими формами прилагательных называют

ся отношениями определенности-неопределенности. Сходные функции выполняют, например, определенные и неопределенные артикли в английском, немецком и французском языках.

Но значение определенности-неопределенности в древнерусском языке оказалось неустойчивым. Поэтому краткие формы закреплялись в предикативной функции, что соответствовало их первоначальному значению признака, приписываемого ранее не упоминавшимся предметам. Употребляясь преимущественно в функции сказуемого, краткие прилагательные теряли способность изменения по падежам, так как вытеснялись из употребления в качестве определений: их место в этой синтаксической позиции заняли полные формы.

Следами былой определительной функции кратких форм являются сохранившиеся формы кратких прилагательных в составе некоторых устойчивых оборотов: *на босу ногу, средь бела дня, от мала до велика, по белу свету* и др.; в языке фольклора: *красна девица, мать-сыра земля; не до жиру, быть бы живу*; а также в составе некоторых наречий и наречных выражений, образованных от прилагательных: *направо, добела, смолоду, подобру-поздорову* и др. Несмотря на их довольно раннюю утрату, краткие прилагательные в роли определений оказались употребительными в языке поэзии XVIII—XIX вв.: *Несчетны звезды там горят* (М. Ломоносов); *К красну солнцу наконец обратился молодец* (А. Пушкин).

ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

В свете истории кратких и полных форм прилагательных следует охарактеризовать особую судьбу притяжательных прилагательных, образованных при помощи суффикса *-ин-* от основ одушевленных существительных ж. и м. р. 1-го склонения (*сестрин, дочкин, тетин, папин, Надин* и др.) и при помощи суффикса *-ов-* от основ существительных м. р. 2-го склонения (*отцов, братов, бобров, Степанов* и др.), хотя число таких слов более ограничено в сравнении с первым способом образования.

Притяжательные прилагательные, указывая на принадлежность признака определенному лицу или существу, известному говорящим, имели только краткие формы (в образовании полных форм со значением определенности признака уже не было необходимости). Поэтому притяжательные прилагательные с суффиксами *-ин-*, *-ов-* сохранили синтаксическую функцию определения и способ-

ность изменяться по падежам. Правда, в современном словообразовании названные суффиксы не являются продуктивными. Об их более высокой словообразовательной активности в прошлом свидетельствуют многочисленные устойчивые словосочетания типа *дамоклов меч, демьянова уха, крокодиловы слезы, сизифов труд* и др., а также топонимические наименования *Марсово поле, Берингов пролив* и др. К образованиям по этому словообразовательному типу восходят многие русские фамилии типа *Матвеев, Александров, Орлов, Быков* и др., а также названия населенных пунктов *Киев* (от имени одного из легендарных братьев-основателей этого города), *Львов, Могилев* и др.

Рассмотренные выше притяжательные прилагательные имели значение принадлежности предмета (или действия) отдельной личности или отдельно представляемому одушевленному существу. Вместе с тем в русском языке есть притяжательные прилагательные, образованные посредством суффикса *-j-*, которые обозначают не личную, а родовую принадлежность, т. е. принадлежность лицу или одушевленному существу как представителю класса ему подобных, типа: *пастуший, охотничий, медвежий, щучий, беличий, лисий* и др. Формы И. п. ед. ч. таких прилагательных являются по образованию краткими формами: морфема *-ий* представляет собой словообразовательный формант *-j-* в его фонетическом варианте со вставочным звуком *[и]*, например: *пастуш-*[ij]*, лис-*[ij]**; в своем основном виде словообразовательный суффикс представлен в составе форм косвенных падежей, которые образуются по типу склонения полных форм прилагательных, например: *пастуш-*[j]-его, лис-*[j]-его**.*

СКЛОНЕНИЕ ПОЛНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Фонетические процессы, затронувшие судьбу бывших исконно твердых *[к], [г], [х]*, которые частично (перед гласными *[э], [и]*) пережили смягчение, внесли некоторые изменения в распределение полных прилагательных между двумя типами склонения — твердым и мягким, представленными еще в древнерусском языке. В результате этих изменений в современном русском языке возник третий тип склонения полных прилагательных — смешанный, к которому принадлежат формы косвенных падежей прилагательных с основами на согласные *[г], [к], [х]*, например: *долгий, тугой, низкий, морской, тихий, лихой*. Особенность этого типа склоне-

ния состоит в том, что формы некоторых косвенных падежей имеют окончания, свойственные твердому типу склонения прилагательных, а некоторые — мягкому:

Твердый тип склонения			Мягкий тип склонения		
Ед. ч. м. и ср. р.	Р. п.	<i>-ого</i>	Ед. ч. м. и ср. р.	Т. п.	<i>-им</i>
	Д. п.	<i>-ому</i>	Мн. ч.	Р.—П. п.	<i>-их</i>
	П. п.	<i>-ом</i>		Д. п.	<i>-им</i>
				Т. п.	<i>-ими</i>

Прилагательные с основами на [г], [к], [х] в древнерусском языке изменялись по твердому типу склонения, ср., например, др.-р. Т. п. ед. ч. *добрый*, *низъкий*, Р. п. мн. ч. *добрыхъ*, *низъкихъ* и др. Но в истории русского языка сочетания [кы], [гы], [хы] изменились в сочетания [к'и], [г'и], [х'и], что и послужило причиной появления новых, неисконных для них окончаний типа *-им*, *-их* и др., совпадающих с окончаниями древнего типа склонения прилагательных с основой на мягкий согласный.

Форма И. п. ед. ч. м. р. таких прилагательных, как и прилагательных с твердой основой, в том числе на заднеязычный (ср. др.-р. *добрый*, *молодый*, *низъкий*, *тугыи*) и мягкий согласный (*близни*, *краини*, *синии*), требует особого исторического комментария. Входившие в состав окончаний *-ыи*, *-ии* звуки [ы], [и] были по характеру своего образования редуцированными среднего подъема в сильной позиции, поэтому в древнерусском языке независимо от ударения исконными окончаниями прилагательных в форме И. п. после падения редуцированных были окончания *-ой*, *-ей*. В связи с развитием аканья в большинстве говоров русского языка возникло различие в произношении ударных и безударных флексий: [ой], [ей] — под ударением, [ъй], [ый] — в безударной позиции. В окающих говорах сохранились исконные окончания, что подтверждается развитием таких форм, ставших фамилиями, как *Толстой*, *Дикой*, *Тихой* и др. Прилагательные с исконными окончаниями И. п. часто употреблялись в литературном языке еще в XVIII—XIX вв.: *Меня оставил он, жестокой...* (В. Жуковский); *Свободно говорил язык словоохотной, и легкие часы летели беззаботно* (Н. Языков).

Ударная флексия *-ой* закрепилась на письме у прилагательных с твердой основой и с основой на заднеязычные: *молодой*, *крутыи*, *слепой*, *тугой*, *морской*, *лихой* и др. Безударная флексия [ъй], [ый] прилагательных с основой на твердый и на мягкий согласный (ср.

в старомосковском произношении *стар[ъй], ближн[ъй]*) получила буквенное обозначение *-ый, -ий* (совр. рус. *добрый, сильный, старый, ближний, передний, синий* и др.). В этом сказалось влияние старославянской орфографической традиции, а отсюда и церковнославянского произношения, которые отражали фонетически закономерное в старославянском языке развитие редуцированных [ы], [и] в гласные [ы], [и] в отличие от древнерусского языка, где на месте этих редуцированных развились гласные [о], [е]. Таким образом, различие в написании окончаний И. п. ед. ч. *-ый* и *-ой*, закрепленное современной орфографией, в соответствии с отсутствием или наличием ударения на окончании, восходит к различиям между славянской и русской формами.

Прилагательные с основой на заднеязычные в форме И. п. ед. ч. м. р. после падения редуцированных и под воздействием аканья также развили безударное окончание [ъй]: *долг[ъй], тих[ъй], мягк[ъй]* и др. Но обозначение этой флексии как флексии *-ый* было невозможно по причине устраниния в русском языке этого времени сочетаний [кы], [гы], [хы]. Поэтому у прилагательных с основой на заднеязычный орфографическим путем развились окончание *-ий*: совр. рус. *долгий, низкий, тихий, мягкий* и др.

Заметим, что под влиянием орфографии в современной устной речи в форме И. п. ед. ч. м. р. с безударной флексией закрепилось произношение [ый] у прилагательных с твердой основой и произношение [ий] у прилагательных с основой на мягкий согласный и заднеязычный.

Исторического комментирования заслуживают немногочисленные формы прилагательных ж. р., которые составляют заметные черты литературного языка XIX в. Прежде всего, следует остановиться на употреблении наряду с формой Р. п. ед. ч. ж. р. на *-ой, -ей* формы с окончанием *-ыя, -ия*, например: *На пажитях кровавыя войны* (В. Жуковский); *И жало мудрыя змеи* (А. Пушкин) и др. Эта форма — результат русификации старославянской формы *-ыя, -ия*, употреблявшейся наряду с древнерусской формой на *-оъ, -еъ*, откуда и развились современные окончания этой падежной формы *-ой, -ей*. Как известно, в древнерусском языке носовой гласный переднего ряда разился в гласный [’а] и поэтому старославянские окончания *-ыя, -ия* стали передаваться как *-ыя, -ия*. Со временем эти формы вышли из употребления, а их следы можно видеть в составе устойчивых конструкций, например в составе титула российских монархов: ...*Самодержец... Великия и Малыя Руси...*

С историей форм полных прилагательных во мн. ч. связана орфографическая норма русского литературного языка, которая была упразднена только реформой 1917 г. и согласно которой различались в написании форма И.—В. п. мн. ч. прилагательных м. р. *-ые*, *-ие* и прилагательных ж. и ср. р. *-ыя*, *-ия*. Такие написания не отражали различия древнерусских форм, а восходили в первом случае к совпадающим в древнерусском языке формам В. п. м. р. и И.—В. п. ж. р. с окончанием *-ыѣ*, *-иѣ* (отсюда *-ые*, *-ие*), а во втором случае — к их старославянским соответствиям *-ыла*, *-ила* (отсюда *-ыя*, *ия*).

К древней форме И. п. мн. ч. прилагательных ср. р. восходят немногочисленные прилагательные на *-ая*, которые употребляются в целях стилизации древней речи или в составе устойчивых словосочетаний, например: *многая лета*; *святая святых*; *и прочая, и прочая; вся сокровенная*.

СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Образование форм сравнительной и превосходной степеней сравнения в современном русском языке отличается сложностью и многообразием, что связано с историческими процессами их образования и развития.

В древнерусском языке было известно образование только формы сравнительной степени (значение превосходной степени признака передавалось преимущественно при помощи описательных оборотов). В отличие от современного языка слова со значением сравнительной степени признака имели категории падежа, рода и числа, т. е. были изменяемыми.

Современные формы сравнительной степени с суффиксами *-е* с чередованием согласного основы (*строже*, *проще*) или *-ше* (*тоньше*, *меньше*) восходят к древнерусским формам сравнительной степени ср. р. ед. или мн. ч., образованным с помощью суффикса, начальным звуком которого был [j], что и обусловило развитие чередования согласных в таком случае (1-й способ образования). В других случаях образование формы сравнительной степени происходило при сочетании суффикса не непосредственно с основой, а при участии звука [ѣ] (2-й способ образования). К древнерусской форме И. п. ср. р. таких образований типа *новѣе*, *умнѣе*, *крѣльчае* (в последнем слове произошло изменение звука [ѣ]>[а] после заднеязычного [к], претерпевшего палатализацию) восходят современные формы

сравнительной степени с суффиксом *-ee*: *сильнее, добреe* и др. (с последующей редукцией *-ee > -ей*).

Помимо кратких форм, к которым восходят современные формы на *-e, -ше, -ее (-ей)*, древнерусскому языку были известны также и полные формы сравнительной степени сравнения, образованные при помощи указательного местоимения и его родовых форм. Такие слова во всех падежных формах имели древний суффикс сравнительной степени в виде *-тиш- (-аиш-)*, например: *новъишии, кръпъчишии* и др. (этот суффикс выступал в формах косвенных падежей сравнительной степени, образованных в древнерусском языке по 2-му способу, ср. *новъе, кръпъчае*). Эти слова в современном языке употребляются со значением не сравнительной, а превосходной степени. Так, еще в XIX в. в поэзии В. Жуковского встречается следующее выражение: *Огромнейший первого камень схватаил*. Правда, формы превосходной степени на *-ейш-, -айш-* в современном языке не получили широкого распространения, более употребительными являются составные (аналитические) обороты (например, *самый высокий*), которые были известны и в древнерусскую эпоху.

Развитие превосходной степени шло параллельно с утратой склонения краткими формами сравнительной степени. Многообразие форм сравнительной степени прилагательных в современном литературном языке обусловлено тем, что в процессе его исторического развития происходило широкое взаимодействие между двумя древними способами образования этих форм и обобщение их основных морфологических признаков: характера суффикса и наличия или отсутствия чередования согласных основы.

ЗАДАНИЯ

Задание 1. Выделите случаи употребления склоняемых форм кратких прилагательных. Установите, в каких типах текстов, в составе каких конструкций, в силу каких причин употребляются такие формы.

1. Не прошло и часу, как в лесу уж все, от мала до велика, знали, что Топтыгин-майор чижика съел (*М. Салтыков-Щедрин*). 2. Не по хорошу мил, а по милу хорош (*пословица*). 3. На вечеринку пришел Саша — снова без галстука и в штиблетах на босу ногу (*С. Антонов*). 4. Садился Федор на добра коня, поехал по чисту полю

(сказка). 5. Виши, мало ночи глупому, так воровать отправился лес среди бела дня (*Н. Некрасов*). 6. Свято место пусто не бывает (пословица). 7. ...Не забудь написать губернатору, что у тебя двенадцать человек детей, мал мал меньше (*И. Гончаров*). 8. Снова князь у моря ходит, с синя моря глаз не сводит (*А. Пушкин*). 9. Ехали, ехали, лежит сер-горюч камень на растанях (былина). 10. С устатку да со зла чего только не придумаешь, с дурна ума чего не наговоришь (*М. Шолохов*).

Задание 2. Установите, в чем состоит причина отличия форм И.—В. п. ед. ч. м. р. прилагательных в следующих предложениях от соответствующих форм, образованных по нормам современного литературного языка. Объясните, чем обусловлено употребление таких форм (отражают живую речь, служат архаизацией, стилизации под книжно-славянскую или народно-поэтическую традицию и др.).

1. Как может быть, чтоб мерзлой пар среди зимы рождал пожар? (*М. Ломоносов*). 2. Раздался в роще волчей вой, пастух свой сладкой сон покинул и Жучко бросился с ним в бой (*М. Ломоносов*). 3. Из кубка мед златый вкушал (*Г. Державин*). 4. Да не серой тут волк не прорыскивал (былина). 5. Предо мной поток ужасной гроздно мчится по скалам (*В. Жуковский*). 6. Давно, честный отец, хотелось мне тебя спросить о смерти Димитрия царевича (*А. Пушкин*). 7. Белеет парус одинокой в тумане моря голубом (*М. Лермонтов*). 8. Там ведь жил-то удалой доброй молодец (былина). 9. Пришел дьячок уволенный, тощей, как спичка серная (*Н. Некрасов*). 10. Ересь, святый владыко, сущая ересь (*А. Пушкин*).

Задание 3. Определите род, число и падеж выделенных прилагательных, объясните, каким образом возникли эти формы, которые в XVIII—XIX вв. воспринимались как морфологическая черта высокого или поэтического стиля.

1. Иль тянет тебя из земныя неволи далекое светлое небо к себе (*В. Жуковский*). 2. Когда под скипетром великия жены венчалась славою счастливая Россия (*А. Пушкин*). 3. В мраке прохладном, под сенью душистыя липы (*В. Майков*). 4. Не боюся смерти лютыя, не боюсь я людской молвы, а боюсь твоей немилости (*М. Лермонтов*). 5. Но живет без всякой славы, средь зеленыя дубравы, у семи богатырей та, что все ж тебя милей (*А. Пушкин*). 6. Подруги тайные моей весны златыя (*А. Пушкин*).

Задание 4. Определите, к каким древнерусским формам сравнительной или превосходной степени прилагательных (краткой, полной, род, число, падеж, способ образования) восходят данные формы.

Строже, более, больше, малейший, выше, труднее, легчайший, наилегкий, теплей, хуже, дешевле, сильнее, прекрасный, проще, мудрейший.

Образец: *моложе* — краткая форма сравнительной степени И. п. ср. р. ед. ч., 1-й способ образования; *труднейший* — полная форма сравнительной степени И. п. м. р. ед. ч., 2-й способ образования; *тоньше* — краткая форма сравнительной степени, И. п. мн. ч. м. р., 1-й способ образования; *премилый* — полная форма превосходной степени И. п. ед. ч. м. р., приставочное образование.

Задание 5. Выделите в произведениях писателей XVIII—XIX вв. прилагательные в формах сравнительной или превосходной степени сравнения, не совпадающих с современными нормами употребления. Какие формы соответствуют им в современном литературном языке? Определите, в чем заключается разница в образовании соответствующих форм.

1. Как вечная гора, стоит блаженство наше, крепчае мрамора, рубина много краше (*М. Ломоносов*). 2. Образ Пушкина явится в новом и еще лучезарнейшем свете (*В. Белинский*). 3. У моего отца был брат, старший обоих (*А. Герцен*). 4. Отец мой был всех богатей (*А. Кольцов*). 5. Вот звуки ближе и громче (*К. Рылеев*). 6. Между нами установилось чувство сильнейшее, чем дружба (*Л. Толстой*). 7. И жизнь Сони последнее время становилась все тяжеле и тяжеле в доме графини (*Л. Толстой*). 8. Было у него всего по-настоящему две комнаты во всем помещении, правда, гораздо обширнейшие (*Ф. Достоевский*).

3. МЕСТОИМЕНИЕ

Местоимения современного русского языка представляют собой древнюю лексико-грамматическую группу указательных слов, состав которых пополнялся, в основном незначительно, только за счет словообразовательных приемов словосложения. Многие из местоименных слов сохранили свой древнерусский облик.

Но вместе с тем некоторые местоимения пережили определенные исторические изменения, поэтому для понимания их употребления в современном русском языке необходим исторический комментарий.

ИСТОРИЯ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Наиболее заметное изменение в кругу личных местоимений связано с тем, что в отличие от современного русского языка в древних славянских языках были известны только местоимения 1-го и 2-го л. В древнерусском языке это были слова *лъзъ* (>*я*) и *ты*, которые относились к древнерусской лексике индоевропейского происхождения. Их формы претерпели сравнительно незначительные изменения: современные формы Р.—В. п. *меня, тебя* возникли вместо древнерусских *мене, тебе* под влиянием кратких форм этих местоимений *мя, тя*; современные формы личного местоимения 2-го л. и возвратного Д.—П. п. *тебе, себе* являются по происхождению старославянскими, вытеснившими восточнославянские формы *тобѣ, собѣ*.

ЭТО ИНТЕРЕСНО

Так называемое «Мы величия» на Руси появилось в XIV в. под влиянием Византии и Германии [7, с. 79]. Как утверждают историки, для дипломатических актов древней Византии было обычным упоминание соправителей наряду с правящим монархом [11, с. 112—113]. В таком случае легко допустить, что именно с этим канцелярским стереотипом византийских дипломатических документов, под воздействием которых происходило формирование древнейших письменных источников русской государственности, в формуляр официальных документов Руси могло проникнуть употребление местоимения 1-го л. мн. ч. *мы* — особенность, чуждая летописным текстам как Византии, так и Руси.

Для указания лица, не принимающего участия в процессе общения (а именно такой была первичная функция личного местоимения 3-го л.), в древнеславянской речи использовались различные указательные местоимения. В эту группу входили слова, которые указывали на лицо (или предмет) в зависимости от его положения по отношению к говорящему (пространственного или временного): наиболее близкого (в этом случае выступало местоимение *сь* и его формы среднего и женского рода *се, си*), удаленного (местоимение *тъ* и его родовые формы *то, та*) или наиболее удаленного (местоимение *онъ* и его родовые формы *όно, óна*). Но наиболее соответствующим этой коммуникативной потребности было указательное слово *и* (м. р.) и его родовые формы *и* (ср. р.), *и* (ж. р.) с общеуказательным значением, не входившее в группу указательных местоимений со

значением пространственного или временного противопоставления. В древнерусских памятниках это местоимение в форме И. п. выступало обычно в сложении с частицей *же*: *иже, кже, таже*, а в косвенных падежах имело формы в ед. ч. м. и ср. р. *кго, кму, имь* (>*им*), *кмь* (>*ем*), а в ж. р. — *къ* (>*еe*), *ки* (>*ей*), *кю, ки* (>*ей*); во мн. ч. для всех родов — *ихъ, имъ, ими, ихъ*. Еще в древнерусской литературе в И. п. вместо форм *и, к, та* закреплялись формы другого указательного местоимения *онъ, оно, она* (в связи с омонимичностью и невыразительностью морфологического состава форм *и, к, та*); в косвенных же падежах сохранялись древние формы. Приблизительно в эпоху распада праславянского языка возникли супплетивные (т. е. образованные от разных основ) формы современного личного местоимения 3-го л.; в отличие от этого супплетивизм личных местоимений 1-го и 2-го л. (*я — меня — нас, ты — вы*) является древней морфологической чертой славянских языков, унаследованной из индоевропейского прадревнерусского языка.

О первоначальном указательном значении местоимения 3-го л. свидетельствует устаревшее местоимение *оный* (полная форма древнего указательного местоимения *онъ*). В этом же значении формы этого местоимения входят в состав фразеологических выражений *во время оно, в дни оны*, которые имеют значения ‘очень давно’, ‘в незапамятные времена’.

 Отражение формирования местоимения 3-го л. на основе указательных значений древних местоименных слов, в том числе и на основе указательного значения высокой степени удаленности, можно видеть в особенностях современного речевого этикета. По правилам, не допускается употребления местоимений *он*, *она* в отношении лиц, участвующих в процессе общения (хотя это разрешено в отношении мертвых, пьяных, маленьких детей и больных в условиях консилиума) [7, с. 78].

ЗАПОМНИТЕ!

Формы косвенных падежей местоимения 3-го л. в современном языке имеют характерную черту: в сочетании с предлогами в их составе в начале слова появляется согласный [н]: *вижу его — подхожи к неми; горжись ими — встретился с ними* и др.

Появление начального [н] было фонетически обусловленным процессом переразложения основ местоимений в сочетании с древними предлогами **vən*, **kən*, **sən*, содержащими в своем составе

звук [н], например: **kən jem* > *kə nem* и др., в соответствии с законом открытости слога. С течением времени начальный звук [н] по аналогии стал произноситься при сочетании форм косвенных падежей местоимения 3-го л. с любым предлогом независимо от того, имел ли первоначально тот или иной предлог звук [н] в своем составе или не имел: *у него, о нем* и др.

ЗАПОМНИТЕ!

Закрепление произношения звука [н] аналогичного происхождения произошло также в составе приставочных глаголов с древней основой *л-ти* в значении ‘взять, получить’: *поднять, снять, внять, принять, занять, унять, понять, донять* (кроме *взять*), которая в современном русском языке выступает только как связанная, т. е. только в составе приставочных образований.

Особого внимания заслуживает история формы И. п. мн. ч. местоимения 3-го л. *они*, которая восходит к форме И. п. мн. ч. м. р. бывшего указательного местоимения *онъ* (соответственно формы ср. и ж. р. *она, оны*). Форма *они* возникла в результате обобщения форм трех родов, так как формы косвенных падежей местоимения 3-го л. трех родов совпадали. Именно она закрепилась в современном русском литературном языке.

В историческом процессе развития форм этого местоимения возникла в свое время форма *онъ* под воздействием форм косвенных падежей *онъхъ, онъмъ* и т. д. Эта форма получила довольно широкое распространение в литературном языке XVIII—XIX вв. наряду с формой *они*, при этом между ними произошло искусственное грамматическое размежевание: форма *они* получила употребление как форма м. и ср. р., а форма *онъ* — как форма ж. р., например у А. Пушкина: *Не пой, красавица, при мне ты песен Грузии печальной: напоминают мне оне иную жизнь и берег дальний.* Но эта литературная норма не имела поддержки в живом языке и поэтому была отменена реформой 1918 г.

Личные местоимения 1-го и 2-го л., как и возвратное местоимение *себе*, имели краткие формы В. п. *ми, ти, си*; Д. п. *мя, тя, ся*. Краткая форма возвратного местоимения *ся* в сочетании с глаголами первоначально имела самостоятельное значение, указывая на то, что действие переносится на того, кто его совершает, и замыка-

ется на нем (например, *мыть* с *л* ‘моет себя’). С течением времени это слово утрачивало связь с местоимениями и сливалось с глагольным словом, приобретая значение показателя непереходности глагола и включаясь в развитие новой грамматической категории залога.

Но большинство кратких форм местоимений были утрачены, а их следы можно видеть в таких междометных словах и конструкциях, как *ахти*, *нетути*, *вот те и на*, *вот те и раз*.

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМООБРАЗОВАНИЯ И СЛОВООБРАЗОВАНИЯ НЕЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

К древним указательным местоимениям *тъ* и *сь* восходят известное современному русскому языку местоимение *тот* и устаревшее в настоящее время местоимение *сей*. Последнее представляет собой полную форму местоимения *сь* (др.-р. *сьи* > *сеи*) и в современном языке употребляется как стилистическое средство в целях исторической стилизации, а также входит в состав устойчивых выражений и производных слов *сию минуту*, *сейчас*, *сегодня*.

Полная форма местоимения *той* (< др.-р. *тъи*) осталась за рамками литературного употребления и известна только в диалектах русского языка (как и в других восточнославянских языках). В литературном языке закрепилось слово *тот*, образованное путем удвоения местоименного слова (< др.-р. *тътъ*). Форма И. п. мн. ч. этого слова *те* (< др.-р. *тъ*) сложилась под влиянием форм косвенных падежей местоимения *тъ* во мн. ч. *тъхъ*, *тъмъ* и т. д.

Современному русскому языку известно и местоимение *этот*, образованное присоединением указательной частицы *э* к местоимению *тот*. Происхождение местоимения *этот* объясняет существование в диалектах и просторечии его вариантов *энтот*, *эфтом*, *эстот*, *эктом*. Они возникли путем повторения предлога между частицей и соответствующей формой местоимения *тътъ* на основе сочетаний типа *на э н(а) том*, *в э в том*, *с э с того*, *к э к тому*. В дальнейшем предлоги *н(а)*, *в*, *с*, *к* были осознаны как часть неразложимых местоимений, обобщивших такие новообразования, как основы во всех падежных формах.

В современном языке в составе наречий, местоимений и устойчивых конструкций *кое-где*, *кое-куда*, *кое-как*, *кое-что*, *кое-какой*, *на кой черт* сохранились падежные формы древнего вопросительного местоимения *къ*, входившего в состав древнерусского местоиме-

мения *къто* (падежные формы этого местоимения *кого*, *кому* и др. свидетельствуют, что элемент *-то* не относился к корню и представлял собой местоимение ср. р. *то*, уже в глубокой древности присоединившееся к форме И. п. вопросительного местоимения **къ*). Полная форма этого местоимения *къи* > *къи*, которой в древнерусском языке соответствовало слово *кой* (ср. др.-р. *добрый* > *доброй*), имела форму ср. р. *коj*, которая представлена в приведенных выше словарях и конструкциях современного русского языка. К форме И.—В. п. мн. ч. ср. р. краткой формы местоимений *къ*, *тъ* восходит образование слов местоименного происхождения *пока*, *пота* (последнее сохранилось в составе следующей пословицы: *Ждали по ка — подождем и по та*).

Некоторыми особенностями образования и употребления, которые имеют исторические корни, характеризуются формы Р. и В. п. местоимений ж. р. *та*, *сама*. Эти слова имели в Р. п. формы *тоj*, *самоj* (так же, как формы полных прилагательных ж. р. типа *доброй*). Те же формы нередко выступали и в значении В. п. Следы этих форм остались в современном языке. Так, в литературных произведениях в целях стилизации народной речи употребляется диалектная форма Р.—В. п. *тое*, например: *Кого ж подстерегли! тое ж Лису-злодейку* (И. Крылов). Аналогичная по происхождению форма *самое* является литературной, но употребляется только в функции В. п. При этом форма *самое* приобрела семантическую специализацию по отношению к другой, первоначальной форме В. п. *саму* как средство выражения категории одушевленности, например: *Хотел увидеть не столько сестру, сколько самое хозяйку дома*; ср. *Саму картину он сразу и не заметил*.

ЗАДАНИЯ

Задание 1. Объясните, почему в современном русском языке личные местоимения *я* и *ты* не имеют форм рода, а местоимения 3-го л. *он*, *она*, *оно* их различают.

Задание 2. Прокомментируйте формы современных местоимений с точки зрения их образования и исторических изменений.

Тот, что-то, он, в нем, кто-нибудь, саму, всякий, я, к этому, за него, нечто, кое-что, к себе, от тебя, какой, на сей раз, ни в коем случае, по сю пору, кто-либо, к ней, самый, сиюминутный.

Образец: *от него* — др.-р. *отъ (н)его*. В составе личного местоимения 3-го л., формы которого сложились на основе косвенных падежей древнерусских указательных местоимений *и*, *к*, *и* и форм И. п. указательных местоимений *онъ*, *όно*, *όна*, [н] развился по аналогии с предложно-местоименными формами с предлогами *к*, *в*, *с*. *От себя* — возвратное местоимение в Р. п., древняя форма *отъ себе* изменилась под влиянием древнерусской краткой формы возвратного местоимения *ся*.

Задание 3. В приведенных фразеологизмах (современных и устаревших) определите род, число, падеж местоимений. Для местоимений, употребленных в формах косвенных падежей, напишите древнерусскую форму И. п. ед. ч.

Сию минуту, до сих пор, до сего времени, коим несть (нет) числа, на сей счет, сим победиши, ни то ни сё, в кои то веки, ни в коем случае, на кой шут.

Задание 4. В древнерусском языке вопросительное местоимение *къто* имело форму Т. п. *цѣмъ*. Сопоставив ее с формой современного русского языка, объясните, в результате каких изменений возникла современная форма Т. п.

Задание 5. Определите разряд, род, лицо и падеж выделенных местоимений. Замените их в соответствии с современными нормами литературного языка более новыми формами тех же местоимений или другими, употребляемыми в настоящее время местоимениями. Объясните наблюдаемые изменения.

1. Сей шкипер был тот шкипер славный, кем наша двинулась земля (А. Пушкин). 2. За сими страшными стенами (А. Пушкин). 3. На крик испуганный ея ребят дворовая семья сбежалась шумно (А. Пушкин). 4. Оный же дворянин Перепенко имеет посягательство на самую жизнь мою (Н. Гоголь). 5. В сем горе на совет зверей сзы-вает лев (И. Крылов). 6. Так! Было время: с Кочубеем был друг Мазепа, в оны дни, как солью, хлебом и елеем, делились чувствами они (А. Пушкин). 7. Ну просто, по его словам, этакой и в целом мире нет (М. Лермонтов). 8. Откуда эти слезы, зачем оне (А. Пушкин). 9. И аз, иже кровь в непрестанных боях за тя, аки воду, лиях и лиях ('проливал') (А. Толстой). 10. И всяк свое кричит (Н. Некрасов).

4. ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

В современном русском языке числительные образуют особую часть речи. В грамматическом отношении они представляют собой довольно пеструю картину, сохраняя многочисленные следы древ-

них отношений, которые определяют своеобразие их синтаксической функции и морфологических свойств. Современные числительные объединяют названия чисел, разные по своему образованию и типам словоизменения. Это объясняется тем, что как особая часть речи числительные сложились в поздний период истории русского языка, гораздо позже других частей речи.

В древнерусском языке названия чисел не образовывали особой части речи, а относились к прилагательным или к существительным или представляли собой сочетания слов определенных типов.

ДРЕВНИЕ НЕПРОИЗВОДНЫЕ СЧЕТНЫЕ СЛОВА

В центре лексической группы счетных слов древнерусского языка находились «первичные», т. е. непроизводные слова — названия чисел от 1 до 10, а также названия сотни и тысячи. В составе этой группы по грамматическим свойствам выделялись счетные слова со значениями чисел от 1 до 4 включительно, употреблявшиеся как прилагательные. Они изменялись по родам в зависимости от рода существительных, обозначающих считаемые предметы: *одинъ дубъ*, *одно село, одъна береза; дѣва дуба, дѣвъ селъ, березъ; трик дуби, три села, березы; четыре дуби, четыри села, березы* (у слов со значением 2—4 формы ср. и ж. р. совпадали). В соответствии с грамматическими свойствами прилагательных эти слова согласовывались в роде, числе и падеже с существительными, к которым они относились. В соответствии с лексическим значением таких счетных слов существительные в сочетании со словом *дѣва* (*дѣвъ*) употреблялись только в форме дв. ч., со словами *трик* (*три*), *четыре* (*четыри*) — только в форме мн. ч. Таким образом, счетные слова этой группы выступали как согласованные определения, а в слово-сочетаниях такого типа по падежам изменялись обе части: И.—В. п. дв. ч. *дѣва дуба* — Р.—М. п. дв. ч. *дѣвою дубу* и др. Такие отношения в современном русском языке уже неизвестны. Современные числительные *три*, *четыре* утратили категорию рода, а числительное *два* получило также значение формы ср. р., сохранив форму *две* только в сочетании с существительными ж. р.

Склонение числительных, употреблявшихся как прилагательные, пережило значительные изменения. В его истории решающую роль сыграла аналогия, уподобление одних форм другим, как в кругу числительных этой группы, так и в результате «подравнивания» по аналогии с падежными именными и местоименными формами.

Наиболее заметным является воздействие на формирование новой парадигмы числительного *два* (*две*) со стороны падежных форм неличных местоимений *и*, *тъ* и некоторых форм именного склонения:

Грамматическая форма	Современный русский язык	Древнерусский язык	Причина изменений
Р. п.	<i>двух</i>	<i>двою, дву</i>	Воздействие местоименного склонения
Д. п.	<i>двум</i>	<i>двъма</i>	Воздействие местоименного склонения
Т. п.	<i>двумя</i>	<i>двъма</i>	Обобщение основ числительных <i>два</i> и воздействие местоименной и именной флексии <i>-ми</i> с [м']
П. п.	<i>двух</i>	<i>двою, дву</i>	Воздействие местоименного склонения

Под воздействием местоименного склонения и новых падежных форм числительного *два* (*две*) сложились новые падежные формы числительных *три, четыре*:

Грамматическая форма	Современный русский язык	Древнерусский язык	Причина изменений
Р. п.	<i>трех, четырех</i>	<i>трии, четыръ</i>	Воздействие местоименного склонения и формы <i>двух</i>
Т. п.	<i>трремя, четырьмя</i>	<i>трьми, четырьми</i>	Воздействие формы <i>двумя</i>

Как было уже отмечено ранее, в современном русском языке в некоторых образованиях сохранились древнерусские формы числительных *два, оба* в форме Р.—М. п. *двою, обою*, например, в сложных словах *двоюродный, обюдоострый* и др.

Другую группу непроизводных счетных слов древнерусского языка составляли слова, употреблявшиеся как существительные со значениями чисел от 5 до 10 включительно, а также *съто, тысяча*. Эти слова имели неизменяемую категорию рода (в большинстве случаев — ж. р., кроме слов *десять* — м. р., *съто* — спр. р.). Они принадлежали к разным типам склонения: от 5 до 9 — к склонению на *-ь* (типа *кость*), *десять* — к склонению на согласный (типа *камы* — *камене*), *съто* — к склонению на *-о* (типа *село*), *тысяча* — к склонению на *-ja* (типа *куча*).

В сочетании с существительными, обозначавшими считаемые предметы, такие счетные слова выступали в качестве главного, управляющего компонента и требовали употребления существительных

в форме Р. п. мн. ч.: *пять дубъ, семь березъ* и др. В словосочетаниях, организованных на основе синтаксической связи управления, по падежам изменялось только счетное слово (будучи существительным): И.—В. п. *пять дубъ*, Р. п. *пяти дубъ* и др. (так же, как, например, в современном языке *ряд домов, в ряду домов* и др.). В дальнейшем слова этой группы утратили категорию рода, но сохранили древние падежные окончания (за исключением слова *десять*: изменения в его парадигме были связаны с тем, что это слово вошло в состав 3-го склонения существительных). Утрату категории рода и падежа пережило счетное слово *сто* при сохранении лишь только одной, общей для всех косвенных падежей, формы *ста*. Изредка еще употребляется как самостоятельное слово старая форма Р. п. мн. ч. *сот: несколько сот рублей, триста сот.*

Синтаксические свойства числительных, употреблявшихся как существительные, были обобщены всеми остальными количественными непроизводными числительными (кроме числительного *один*), которые в современном русском языке в И.—В. п., сочетаясь с существительными, выступают в роли управляющих слов: при числительных от 2 до 4 существительные употребляются в форме Р. п. ед. ч. (*два, три, четыре дуба*); при всех других числительных — в форме Р. п. мн. ч. (*пять, десять, сто дубов*).

В таком изменении связей счетных слов с относящимися к ним существительными, а также в появлении общих падежных окончаний у слов *два, три, четыре* отражается процесс становления числительных как особой части речи, который протекал в течение длительного исторического периода развития русского языка.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Современные названия чисел второго десятка (от 11 до 19 включительно), а также названия десятков и сотен (от 20 до 80 и от 200 до 900) по происхождению представляют собой словосочетания разных типов, которые пережили фонетические и морфологические изменения.

Названия чисел второго десятка восходят к предложно-падежным сочетаниям количественных непроизводных числительных первого десятка с предлогом *на* и формой М. п. числительного *десять* — *десате: одинъ (дъва, три, пять семь и др.) + на + десате*. При слитном произношении этого словосочетания ударение, которое изначально несли обе части, сохранилось только на первой части словосочетания, в результате чего произошла редукция второй части *десате >*

д(ы)сл(e) > -дсять > -тсять > -цать. Так на месте древнерусских словосочетаний, в составе которых изменялась по падежам только первая часть, сформировались новые слова с окончаниями во второй части сложения, соответствующими окончаниям слова *десять*.

Названия десятков и сотен восходят к словосочетаниям двух самостоятельных слов: числительных *десать* и *сто* с простыми непроизводными числительными от 2 до 9. Эти словосочетания были образованы в соответствии с синтаксическими свойствами согласования или управления, присущими двум группам древних непроизводных числительных-прилагательных и числительных-существительных. Образование названий десятков представлено в следующей таблице:

Современный русский язык	Древнерусский язык (по типу согласования)	Современный русский язык	Древнерусский язык (по типу управления)
<i>двадцать</i>	<i>дъва десати</i> — И. п. дв. ч.	<i>пятьдесят</i> , <i>шестьдесят</i> , <i>семьдесят</i> , <i>восемьдесят</i>	<i>пять десат</i> , <i>шесть десат</i> , <i>семь десат</i> , <i>осмь десат</i> — И. п. непроизводных счетных слов + Р. п. мн. ч. слова <i>десать</i>
<i>тридцать</i>	<i>три десати</i> — И. п. мн. ч.		
<i>сорок</i>	<i>четыре десати</i> — И. п. мн. ч.	<i>девяносто</i>	<i>девять десат</i> — И. п. + Р. п. мн. ч.

Древнерусские словосочетания, на базе которых сложились современные названия двух и трех десятков, пережили в своем составе те же фонетические изменения, что и названия чисел второго десятка (т. е. редукцию звуков во второй части сложения), поэтому все числительные такого происхождения (от 20 до 30 и от 11 до 19) становятся простыми словами с суффиксом *-дцать*.

Особых замечаний требуют современные названия четырех и девяти десятков. Слово *сорок* в древнерусском языке было существительным *сорокъ* со значением ‘мешок’, ‘рубаха’ (от этого же слова образовано слово *сорочка*). Количественное значение развило у этого слова с первоначальным предметным значением в связи с тем, что в *сорок* можно было положить четыре десятка собольих шкур (набор на щубу), что служило единицей счета при обмене или продаже. Обобщение конкретного предметного значения этого слова способствовало закреплению слова *сорок* как числительного, вытеснившего довольно рано древнее словосложение *четыре десати*. Слово *сорокъ* относилось к м. р. и имело те же формы изменения, что и слова типа *городъ*, но в качестве числительного утратило свои падежные формы, сохранив только одну форму *сорока*, общую для всех косвенных падежей (подобно числительному *сто*). След ста-

рого склонения этого слова можно видеть в современном устойчивом обороте *сорок сороков* со значением ‘много’.

Слово *девяносто* имеет недостаточно выясненное происхождение. Несомненно то, что оно неисконно и появилось вместо древнего образования *девятьдесят*. Одной из версий его возникновения является возведение его к словосочетанию **девять до съта* ‘девятьдесят’ (‘девять до сотни’), фонетический состав которого испытал воздействие со стороны числительного *девятнадцать* и расподобления звуков [д] и [т].

В истории современных названий сотен отразились те же закономерности словосложения (простые непроизводные счетные слова с падежными формами слова *съто*), которые были определяющими и для формирования названий десятков. Образование названий сотен представлено в следующей таблице:

Современный русский язык	Древнерусский язык (по типу согласования)	Современный русский язык	Древнерусский язык (по типу управления)
<i>двести</i>	<i>дѣвѣтъ сътъ</i> — И. п. дв. ч. ср. р.	<i>пятьсот</i> , <i>шестьсот</i> , <i>семьсот</i> , <i>восемьсот</i> , <i>девятьсот</i>	<i>пять сътъ, шесть сътъ, семь сътъ, (в)осмь сътъ, девять сътъ</i> — И. п. ед. ч. непроизводных счетных слов + Р. п. мн. ч. слова <i>съто</i>
<i>триста, четыреста</i>	<i>три съта</i> — И. п. мн. ч. ср. р., <i>четыри(е) съта</i> — И. п. мн. ч. ср. р.		

Названия сотен сохранились в современном русском языке в целом без изменений (единственное преобразование *дѣвѣтъ сътъ* в *двести* имеет чисто фонетический характер: изменение [ѣ] в [и] в безударной позиции и совпадение [ѣ] с [е] под ударением). Подтверждением их образования путем сложения слов служит изменение по падежам обеих частей: *триста* — *трехсот*, *тремстам*; *шестьсот* — *шестисот*, *шестистам* и т. п.

К ИСТОРИИ ПОРЯДКОВЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Древнерусские порядковые числительные, как и прилагательные, имели краткие формы. Следы их употребления остались в таких обозначениях количества урожая, как *сам-третья*, *сам-четверт* и др., а также как устаревшее в современном языке средство передавать значение ‘втроем, вчетвером’ и др.

Остаток краткой формы порядкового числительного можно видеть в современном числительном *полторы* — в сочетании

с существительными ж. р.), восходящего к древнерусскому сочетанию *полъ вѣтора* со значением ‘один с половиной’. Это словосочетание представляет особый архаический способ называния определенного количества целых единиц с половиной. Обозначения такого типа были широко распространены в древнерусском языке: *полъ вѣтора* ‘один с половиной’ (отсюда современное числительное *полтора*), *полътретъя* ‘два с половиной’, *полъсема* ‘шесть с половиной’, *полъ третъя деслте* ‘двадцать пять’, *полъ вѣтора сѣта* ‘сто пятьдесят’ (отсюда современное числительное *полтораста*). Подобный способ подсчета целых единиц с половиной сохраняется также в современных обозначениях времени *полвторого*, *полтретьего*, *полдесято-го* и т. п.

ЗАДАНИЯ

Задание 1. Объясните происхождение числительных.

Двадцать, семьдесят, сорок, полтораста, второй, пятьсот, сотый, одиннадцать, шестнадцать, двести, девяносто, тридцать, десятый, пять, тысяча, триста, двенадцать, четыре.

Образец: *двенадцать* — простое числительное, образовалось путем слияния словосочетания *два на десяте*; *восемь* — простое числительное, восходит к существительному **ошть* ж. р. склонения с древней основой на **-i-*, которое утратило категорию рода и числа; *шестъсот* — сложное числительное, образовалось на основе сложения формы И. п. ед. ч. числительного-существительного *шестъ* и формы Р. п. мн. ч. *сотъ* числительного-существительного *сто*.

Задание 2. На материале приведенных ниже древнерусских сочетаний существительных и счетных слов, обозначавших количество, укажите, к какой части речи можно отнести эти слова и по каким синтаксическим и морфологическим признакам.

Дъва (И. п. дв. ч. м. р.) стола (И. п. дв. ч.); дъвѣ (И. п. дв. ч. ж.-ср. р.) сестрѣ (И. п. дв. ч.); шесть (И. п. ед. ч. ж. р.) сестрѣ (Р. п. мн. ч.); шесть (И. п. ед. ч. ж. р.) каменѣ (Р. п. мн. ч.); трик (И. п. мн. ч. м. р.) гостию (И. п. мн. ч.); осьмью (Т. п. ед. ч. ж. р.) гостию (Р. п. мн. ч.); дъву (Р. п. дв. ч.) столу (Р. п. дв. ч.); три (И. п. мн. ч. ж. р.) кости (И. п. мн. ч.); трьми (Т. п. мн. ч.) костьми (Т. п. мн. ч.); дъвѣ (И. п. дв. ч. ж.-ср. р.) сель (И. п. дв. ч.); седмь (И. п. ед. ч. ж. р.) сель (Р. п. мн. ч.).

Задание 3. Сопоставьте приведенные ниже словосочетания числительных с существительными в древнерусском и современном русском языках. Проанализируйте, в чем проявилось разрушение категорий рода и числа древних счетных слов, выступавших в качестве согласуемых или управляющих членов словосочетаний. Почему новые складывающиеся морфологические и синтаксические признаки бывших счетных слов способствуют формированию числительных как особой части речи?

Древнерусский язык	Современный русский язык
дъва плода, дъвъ рѣцѣ, дъвъ озерѣ	два плода, две реки, два озера
трик плоди, три рѣкы, три озера	три плода, три реки, три озера
четыре плоди, четыри рѣкы, четыри озера	четыре плода, четыре реки, четыре озера
та пять лѣтъ	те пять лет
въ ту пять лѣтъ	в те пять лет
си шесть върховъ	эти шесть верхов
къ сеи шести върховъ	к этим шести верхам
та семь гостии	те семь гостей
съ тою семию гостии	с теми семью гостями

Задание 4. Приведите древнерусские соответствия для перечисленных современных числительных. Укажите фонетические и морфологические изменения, произошедшие в этих словоформах в истории русского языка.

Двенадцать, двадцать, тридцать, одиннадцать, тринадцати, пятьдесят, шестьдесят, двести, триста, пятисот, семистам.

Задание 5. В следующих литературных текстах XVIII—XIX вв. выделите архаические формы числительных, объясните их происхождение и последующие исторические изменения.

1. Пред каждым почитаемым двунадесятым праздником в моих парадных горницах поп всенощну служил (*Н. Некрасов*).
2. В каждую осмь минут совершается распространение света до земли от солнца (*М. Ломоносов*).
3. К ним на день ходит по сту раз (*И. Крылов*).
4. Мне здесь одно то удивительно, что мои донцы-молодцы без всего этого воевали и двадцать языков прогнали [об армии Наполеона] (*Н. Лесков*).
5. В деревне Мостах, во сте сорока верстах от Самары, случился пожар близ избы, где ночевал Пугачев (*А. Пушкин*).
6. Полковник заморил всех своих лошадей, делая каждодневно по сороку верст из Степанчикова в город (*Ф. Достоевский*).
7. Полтораста татаринов берет, полтретьяста боярских детей (*былина*).
8. ...Остался с шестидесятью человеками офицеров и солдат с ше-

стьюдесятьми казаками (А. Пушкин). 9. ...Расположились лагерем в полуторе мили (А. Пушкин). 10. Сам шёст прискакал в лагерь (А. Пушкин). 11. ...Немецкие рыцари в третьем-надесять веке (Н. Карамзин). 12. Поставь на сорок двух столпах (Г. Державин).

5. ГЛАГОЛ

Система глагольных форм, известная современному русскому языку, является результатом многочисленных исторических изменений, которые затронули соотношение категории времени и вида, употребление временных форм, в особенности форм прошедшего времени, утрату целого ряда спрягаемых глагольных форм, образование и употребление причастий. Но при этом у современного глагола гораздо меньше, чем у существительного, таких явлений, которые, отражая древнее состояние русского языка, сохранились бы в живом употреблении. Часто об истории глагольных форм свидетельствуют непродуктивные способы образования, грамматически противоречивые особенности употребления и колебания литературной нормы на разных этапах истории литературного языка.

ИСТОРИЯ ИНФИНИТИВА

В современном русском языке морфологическим показателем инфинитива в большинстве случаев является морфема *-ть*, а также *-ти*, *-чь*. Все эти форманты восходят к древнерусскому показателю инфинитива *-ти*. Дело в том, что в древнюю эпоху инфинитив был не глагольной формой, а именной. Образования на *-ти* представляют собой застывшую форму Д.—М. п. существительных ж. р. с древней основой на **-i-*, типа: *течь, мочь, знать, стать, пасть* и др. Это объясняет современное омонимическое совпадение инфинитивных форм и форм существительных: *печь хлеб* и *топить печь* и т. п.

Распределение инфинитивных показателей *-ть* и *-ти* в современном литературном языке, как известно, зависит от ударения. Формант *-ть* исторически возник в связи с исчезновением конечного безударного [и], следом которого осталась мягкость конечного согласного [т'], например: *писать, ходить, стать* и др. на месте др.-р. *писати, ходити, стати* и др. В то же время конечный звук [и] сохраняется под ударением, например: *нести, везти, идти*.

При этом в случае присоединения приставок, даже приставки, перетягивающей на себя ударение, форма инфинитива таких глаголов не изменяется: *принести, донести, отойти; вывезти, вынести, выйти*. Это наблюдается почти исключительно у глаголов, форма инфинитива которых оканчивается на *-ти, -сти*, хотя есть несколько глаголов с основой на [з], [с], оканчивающихся на *-ть* (вместо ожидаемого *-ти*): *грызть, есть, класть, прочесть, упасть* и др.

У глаголов с основой на заднеязычные [к], [г] (типа *пек-у, мог-у*) в форме инфинитива исторически возникали сочетания [кти], [гти], на основе которых развелся звук [ч'], например: *печи* <*пек-ти, *мочи* <*мог-ти. В связи с редукцией безударного конечного гласного [и] возникли современные формы инфинитива глаголов *печь, мочь, беречь, жечь, сечь, стеречь, толочь* и др. (эта непродуктивная форма глаголов в современном языке немногочисленна).

Формы инфинитива с безударными *-ти, -чи* на протяжении долгого исторического периода сохраняются в севернорусских говорах и широко отражены в языке фольклора. Это длительное время поддерживало колебания литературной нормы в языке писателей XVIII — первой половины XIX в., например: *Царской радостью гнушатися* (М. Лермонтов); *Вот Волка стали стеречи* (И. Крылов) и др. В то же время под влиянием южных говоров в литературный язык проникает и инфинитивная форма с *-ть* в соответствии с *-ти* под ударением, например: *Какую надлежит ему принесть хвалу!* (М. Ломоносов); *Но Ленский, не имев, конечно, охоты узы брака несть, с Онегиным желал сердечно знакомство покороче свесть* (А. Пушкин); *Не смею моего сужденья произнесть* (А. Грибоедов) и др. Параллельное употребление таких форм в старом литературном языке свидетельствует о взаимодействии и конкуренции северных и южных говоров в процессе становления русского литературного языка.

ДВЕ ОСНОВЫ ГЛАГОЛОВ

Современные глагольные формы образованы от двух основ — настоящего времени и инфинитива. Если у одних глаголов конечные согласные этих основ совпадают, например: *нес-у — нес-ти*, то у других наблюдается чередование согласных, например: *вед-у — вес-ти, мет-у — мес-ти*, что объясняется фонетическими процессами древней праславянской эпохи. При образовании формы инфинитива с основой на [д], [т] возникали сочетания двух взрывных согласных [дт], [тт] (**вед-ти, мет-ти*), на месте которых в резуль-

тате расподобления звуков по способу образования развилась группа [ст]. Особый путь преобразования основы инфинитива прошел глагол *грести* (*греб-у* — *гре-сти*). Исконное сочетание [бт] (**греб-ти*) в праславянскую эпоху упростилось за счет утраты звука [б], и в памятниках древнерусского языка было зафиксировано слово *грести*. Современное слово *грести* возникло под влиянием глаголов на -сти (*везти, нести, вести*) и др.

ИСТОРИЯ ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

Древнерусскому языку была присуща сложная система форм прошедших времен (2 простые формы и 2 сложные), которые обозначали разные способы протекания действия в прошлом (однократность, продолжительность, результативность, отношение к другому действию в прошлом и т. д.), но не характеризовали действие как законченное или незаконченное во времени. Это было связано с отсутствием в праславянском языке категории вида, которая получила развитие в древнерусский период, что и обусловило значительную перестройку системы прошедших времен. Простые формы прошедших времен (аорист и имперфект), выражавшие однократность или многократность действия в прошлом, были утрачены. Значения многообразных способов действия были обобщены в процессе формирования в это время значений совершенности-несовершенности в связи со становлением категории глагольного вида.

Средством обозначения действия в прошлом независимо от способа его протекания стала форма сложного времени — **перфекта**, в состав которого входила особая форма причастия прошедшего времени на -л в сочетании с глаголом-связкой *быти*, например: у глагола *нести* — 1-го л. ед. ч. *кسمъ неслъ*, 2-го л. ед. ч. *кси неслъ* и т. д.; у глагола *носити* — 1-го л. ед. ч. *ксьмъ носилъ*, 2-го л. ед. ч. *кси носилъ* и т. д.

Формы причастий на -л от основ инфинитива на [д] и [т] (типа *вездъ от вести, метлъ от мести*) пережили процесс упрощения конечной группы согласных путем выпадения согласных перед [л], откуда в современном русском языке *вел*, *мел*. При образовании причастия на -л от основ инфинитива на другие согласные (др.-р. *вездъ от везти, греблъ от грести, терлъ от терти* и т. п.) упрощение конечной группы согласных происходило в результате отпадения конечного [л], откуда в русском *вез*, *греб*, *тер* и т. п. Эти причастия имели формы рода и числа: форма ед. ч. м., ж. и ср. р. — *неслъ, несла, несло*, форма мн. ч. м., ж. и ср. р. — *несли, неслы, несла*.

В составе перфекта связочный глагол выступал как спрягаемый в формах настоящего времени, выражая значение лица и числа, а причастие на *-л*, как и всякое причастие, не спрягалось, а изменялось по родам и числам. Так, приведенная форма древнерусского перфекта *късмъ носилъ* — это форма 1-го л. ед. ч. м. р., а форма ж. р. — *късмъ носила*; форма 1-го л. мн. ч. м. р. — *късмъ носили*, а форма ж. р. — *късмъ носили* и т. д.

Со временем форма перфекта стала подвергаться изменениям. Раньше всего вышла из употребления спрягаемая форма связочного глагола в 3-м л. ед. и мн. ч., так как наличие подлежащего, существительного или местоимения, делало ее излишней. Развитие употребления местоимений 1-го и 2-го л. привело к устраниению глагола-связки из состава перфекта. Оставшаяся от перфекта форма причастия прошедшего времени стала осознаваться как форма прошедшего времени глагола. Поэтому в современном русском языке глаголы в прошедшем времени в отличие от глаголов настоящего времени изменяются не по лицам, а по родам и числам, как это было свойственно бывшим причастиям.

Утраченной оказалась и вторая форма сложного прошедшего времени — **плюсквамперфекта**, которая в древнерусском языке обозначала действие в прошлом, совершившееся ранее другого прошедшего действия, и имела в своем составе формы причастий на *-л* основного глагола и связочного глагола *быти*. Следом такой формы в современном языке является сказочное выражение *жили-были* и конструкции типа *было побежал, да остановился* и т. п. для выражения действия начавшегося или подготавливаемого, но прерванного или несостоявшегося.

ИСТОРИЯ ФОРМ НАКЛОНЕНИЯ

Глагольная категория наклонения показывает, насколько реально действие, обозначенное глаголом. Форма изъявительного наклонения представляет действие как факт действительности в настоящем, прошедшем или будущем времени. Формы сослагательного и повелительного наклонений указывают не на реальность действия, а на его желательность или необходимость, и поэтому в отличие от изъявительного наклонения форм времени не имеют.

Древнерусский глагол различал формы изъявительного, сослагательного и повелительного наклонений. История форм изъявительного наклонения связана с историей его временных форм.

Особого рассмотрения требуют формы сослагательного и повелительного наклонений.

Форма **сослагательного наклонения** обозначает возможность совершения действия в определенных условиях или желательность действия. Она образуется в современном русском языке посредством присоединения словной частицы *бы* к формам прошедшего времени: *ходил бы*, *принес бы* и т. д. С точки зрения выражения современных грамматических отношений представляется немотивированным сочетание частицы *бы*, имеющей условное значение, с глаголами именно прошедшего времени. Но этот вопрос легко устраивается, если принять во внимание происхождение формы сослагательного наклонения. Дело в том, что в древнерусском языке значение сослагательности выражалось особой сложной формой, в состав которой входило причастие на *-л* и связочный глагол *быти* в форме аориста: *быхъ ходилъ*, *быхъ неслъ* (1-е л. ед. ч. м. р.), *быхомъ ходили* (1-е л. мн. ч. м. р.), *быхомъ принеслы* (1-е л. мн. ч. ж. р.) и т. д. С утратой в древнерусском языке форм аориста форма *бы* (бывшая форма аориста глагола *быти* 2-го и 3-го л. ед. ч.) превратилась в условную частицу, а бывшее причастие на *-л* — в грамматическую форму прошедшего времени. Так сложилась новая форма сослагательного наклонения в русском языке, которая изменяется не по лицам, а по родам.

Система форм **повелительного наклонения**, выражающих побуждение к действию — приказание, призыв, предложение и т. п., в истории русского языка претерпела заметные изменения: некоторые формы были утрачены, а другие изменились фонетически.

В древнерусском языке повелительное наклонение имело совпадающие формы 2-го и 3-го л. ед. ч. и особые формы 1-го и 2-го л. мн. ч. В современном русском языке основной формой повелительного наклонения является форма 2-го л. ед. и мн. ч.: ведь побуждение к совершению действия направлено говорящим, прежде всего, к его собеседнику.

Современная форма повелительного наклонения 2-го л. ед. ч. образуется у некоторых глаголов посредством флексии *-и*, которая выступает в ударной позиции: *веди*, *пиши* и др. и сохраняется в приставочных глаголах этой группы, даже если присоединение приставки перетягивает ударение с окончания: *выведи*, *выпиши* и др., а также у глаголов со скоплением согласных в конце основы: *окончи*, *исчезни* и др. (правда, под влиянием говоров и просторечия в литературный язык могут проникать формы с редукцией ударного окончания, что представлено, например, во фразеологизме *вынь да положь*).

Но в большинстве случаев современная форма 2-го л. ед. ч. представляет собой чистую основу настоящего времени на *-aj*: *думай*, *знай*, *читай* — или чистую основу на мягкий согласный: *будь*, *брось*, *тронь* и т. п. (формы типа *режь*, *ешь* с твердым согласным основы являются результатом фонетического отвердения бывших мягких шипящих). С исторической точки зрения, исконной для русского языка является форма повелительного наклонения с сохранившейся флексией *-i*; остальные случаи восходят к формам с тем же окончанием, которое претерпевало редукцию в безударной позиции (ср. др.-р. *читай*, *буди*, *броси*, *режи* и т. п.).

Исторически обусловленным является отсутствие чередования заднеязычных с шипящими в основах глаголов при сочетании с окончанием *-i*: *бег-у* — *бег-и* (не *бежи*), *пек-у* — *пек-и* и т. п. Этот факт объясняется дифтонгическим происхождением звука [и] и связанным с этим чередованием предшествующего заднеязычного не с шипящими, а со свистящими [з], [ц]. В дальнейшем происходило выравнивание основ и утверждение произношения заднеязычных на конце основы в сочетании с флексией *-i*. В этой же связи находится историческое объяснение формы повеления *ляг*, которая в современном языке обычно представляется как исключение, но исторически восходит к древнерусской форме повелительного наклонения 2-го л. ед. ч. *лази* от глагола *лечи* — *лауг* с последующим выравниванием глагольной основы на [з] с основой настоящего времени на [г] и редукцией гласного в безударном окончании.

Особенности образования форм повелительного наклонения у некоторых глаголов связаны с тем, что в древнерусском языке выделялась немногочисленная группа так называемых нетематических глаголов. В нее входили пять глаголов (*быти*, *дати*, *ѣсти* ‘принимать пищу’, *вѣдѣти* ‘знать’, *имати* ‘иметь’).

Исторического комментария требует форма повелительного наклонения 2-го л. ед. ч. *ешь* от глагола *есть* ‘принимать пищу’, стоящая особняком в русском языке и являющаяся также формой изъявительного наклонения. По происхождению это форма повелительного наклонения, представляющая тип образования форм повелительного наклонения от нетематических глаголов и глагола *видѣти* при помощи особого суффикса *-jь*, ср. формы 2-го л. ед. ч. со значением побуждения в древнерусском языке *ѣжь*, *дажь*, *вѣжь*, *вижь* от глаголов *ѣсти*, *дати*, *вѣдѣти*, *видѣти*. Из этих форм только форма *ѣжь* (в современном — *ешь*) сохранилась в исконном значении, а омонимическая форма изъявительного наклонения является новообразованием. Форма *дажь* (в современном — *дашь*) пол-

ностью перешла в систему форм изъявительного наклонения, а *вижь* сохранилась в современном языке в роли частицы *вишь* (отсюда *иши*) как средство привлечения внимания говорящих, например: *Виши (иши) ты, какой хитрый* и т. п.

Простая форма повелительного наклонения в 3-м л. ед. ч., которая в древнерусском языке совпадала с формой 2-го л. ед. ч., оказалась со временем утраченной. Ее следы можно видеть в сочетании с 3-м л. в предложениях с косвенно-побудительным значением, например, в составе пословиц: *Всяк сверчок знай свой шесток*; в составе устойчивых словосочетаний со значением пожелания или за-клинания: *черт его возьми; пропади он пропадом; не дай нам бог и др.* Для выражения долженствования или побуждения в 3-м л. ед. ч. сохранились преимущественно сложные формы повелительного наклонения с частицами *да, пусть*: *Да здравствует мир и дружба! Пусть он расскажет и др.* Неслучайно частица *пусть*, как и синонимичная частица *пускай*, является формой 2-го л. ед. ч. повелительного наклонения от глагола *пустить* (*пусти > пусть*) (*пускать*).

Современная форма повелительного наклонения 2-го л. мн. ч. образуется путем присоединения к форме 2-го л. ед. ч. аффикса *-те*: *носите, думайте, будьте, режьте* и др. Это исторически новое образование, которое вытеснило особую древнюю форму 2-го л. мн. ч.

ИСТОРИЯ ПРИЧАСТИЙ И ДЕЕПРИЧАСТИЙ

В древнерусском языке были причастия как несклоняемые, так и склоняемые. Несклоняемые причастия — это причастия прошедшего времени на *-л*, образование и употребление которых было рассмотрено ранее. Как уже было сказано, эти причастия в краткой форме сохранились в современном русском языке в качестве форм прошедшего времени. В полной форме причастия прошедшего времени на *-л* типа *горелыи, бывалыи* приобрели способность склонения и сохранились в современном языке в качестве отглагольных прилагательных: *огрубелый, плесневелый, обветшалый, устарелый* и др.

Склоняемые причастия как в современном, так и в древнерусском языке кроме значений рода, числа и падежа выражают значения действительного или страдательного залога и значения настоящего или прошедшего времени. Древнерусские склоняемые причастия так же, как и прилагательные, имели краткие и полные формы.

Рассмотрим вначале исторические изменения, которые произошли в кратких и полных формах причастий действительного залога настоящего и прошедшего времени. Эти изменения, с одной стороны, касались их морфологического состава, обусловленного образованием различных групп причастий от разных основ (причастия настоящего времени от основ настоящего времени, причастия прошедшего времени — от основ инфинитива), а также в связи с тем, что действительные причастия имели разные основы в разных формах рода, падежа и числа. С другой стороны, их дальнейшая историческая судьба была связана с синтаксическими особенностями их употребления в живой и письменной речи. **Образование кратких и полных действительных причастий настоящего и прошедшего времени** представлено в следующей таблице:

Грамматическая форма	Настоящее время (глаголы I и II спряжений)		Прошедшее время (основы инфинитива на согласный или гласный)	
	Краткие причастия	Полные причастия	Краткие причастия	Полные причастия
И. п. ед. ч. м. и ср. р.	- <i>а</i> , - <i>я</i> неса, ходя (ст.-сл. - <i>ы</i>)	- <i>а-и</i> , - <i>я-и</i> несаи, ходяи (ст.-сл. - <i>ы-и</i>)	- <i>ɔ</i> , - <i>ɛɔ</i> несъ, ходивъ	- <i>ш-и</i> , - <i>ɛɔш-и</i> несъши, ходивъши
И. п. ед. ч. ж. р.	- <i>уч-и</i> , - <i>яч-и</i> несучи, ходячи (ст.-сл. - <i>ущ-и</i> , - <i>ящ-и</i>)	- <i>учи-я</i> , - <i>ячи-я</i> несучия, ходячия (ст.-сл. - <i>ущи-я</i> , - <i>ящи-я</i>)	- <i>ш-и</i> , - <i>ɛɔш-и</i> несъши, ходивъши	- <i>ши-я</i> , - <i>ɛɔши-я</i> несъшия, ходивъшия
Р. п. ед. ч. м. и ср. р.	- <i>уч-а</i> , - <i>яч-а</i> несучка, ходяча	- <i>уч-его</i> , - <i>яч-его</i> несучего, ходячего	- <i>ш-а</i> , - <i>ɛɔш-а</i> несъша, ходивъща	- <i>ш-его</i> , - <i>ɛɔш-его</i> несъшего, ходивъшего
И. п. мн. ч. м. и ср. р.	- <i>уч-е</i> , - <i>яч-е</i> , - <i>уч-а</i> , - <i>яч-а</i> (ст.-сл. - <i>ущ-</i> , - <i>ящ-)</i> несуче, ходяче (м. р.), несучка, ходяча (ср. р.)	- <i>уч-ии</i> , - <i>яч-ии</i> , - <i>уч-ая</i> , - <i>яч-ая</i> (ст.-сл. - <i>ущ-</i> , - <i>ящ-)</i> несучии, ходячии (м. р.), несучая, ходячая (ср. р.)	- <i>ш-е</i> , - <i>ɛɔш-е</i> , - <i>ш-а</i> , - <i>ɛɔш-</i> несъше, ходивъше (м. р.), <i>ш-а</i> , - <i>ɛɔша</i> несъша, ходивъша (ср. р.)	- <i>ши-и</i> , - <i>ɛɔши-и</i> , - <i>ши-я</i> , - <i>ɛɔши-я</i> несъши, ходивъши (м. р.), несъшая, ходивъшая (ср. р.)

Краткие и полные причастия, изменяясь по родам, числам и падежам, как и прилагательные, в предложении выступали в роли согласованных определений. Подобно кратким прилагательным они изменялись по именному склонению, а полные причастия, подобно полным прилагательным, — по местоименному склонению.

В синтаксическом отношении краткие и полные причастия пережили те же изменения, что и краткие и полные прилагательные: полные причастия закрепились в функции определения, а краткие — в функции сказуемого. Но своеобразие кратких причастий состояло в том, что эти слова, будучи отглагольными образованиями, были теснее связаны с глаголами и утрачивали функцию согласованного определения гораздо раньше, чем краткие прилагательные. Закрепление кратких причастий в составе именного сказуемого и обусловленное этим употребление только в форме именительного падежа (в силу согласования с подлежащим) способствовало отмиранию форм косвенных падежей этих причастий. Так в истории русского языка возникла группа неизменяемых глагольных слов, выступавших как второстепенное сказуемое со значением дополнительного или добавочного действия. В современном русском языке они представляют новую грамматическую категорию — **деепричастие** (этот грамматический термин, введенный в начале XVII в., является по происхождению сложением двух основ: *дее-* от глагола *деяти* ‘делать’ и *причастие* ‘причастность’).

В качестве таких неизменяемых слов закреплялись преимущественно формы И. п. ед. ч. м. и ср. р. кратких причастий настоящего времени. У них произошло обобщение показателя *-я* (ср. совр. *неся, идя, прося* и др.-р. *неса, ида, прося*), и только после звуков [ж], [ш], [ч], [щ] сохранился формальный показатель деепричастия *-а* (*лежа, спеша, плача, скрежеща* и др.). Бывшая форма И. п. ед. ч. ж. р. на *-учи* (*-ючи*), *-ачи* (*-ячи*) является в современном языке архаичным образованием и сохраняется в составе народных фразеологизмов (*жить пропеваючи, работать играючи* и др.), а также употребляется в языке художественных произведений в целях стилизации народной речи, например: *И в руки белые берет играючи топор тяжелый* (А. Пушкин) и др. В литературном языке закрепилась только форма деепричастия *будучи* от глагола *быти*.

К кратким действительным причастиям прошедшего времени в форме И. п. ед. ч. м. и ср. р. на *-в* восходят современные деепричастия типа *взяв, сохранив, увидев* и др. Деепричастия на *-ши, -ши*, восходящие к форме И. п. ед. ч. ж. р., были также употребительны в литературном языке XIX в., но в современном языке они придают речи разговорную, а иногда просторечную окраску, ср. *прочитав и прочитавши, сняв и снявши*; также в пословице: *Снявши голову, по волосам не плачут*. В отличие от этих деепричастий на *-в, -ши, -ши*, по образованию связанных с краткими причастиями от основ инфинитива на гласный, краткие причастия от основ инфинитива

на согласный (типа *несъ, ведъ*) в качестве деепричастий были известны еще в языке писателей прошлого века (*пришел, нашед, вошел, подошел* и т. п.), но в современном языке являются уже устаревшими.

Деепричастия выражают дополнительное по отношению к глаголу-сказуемому действие, время совершения которого имеет относительный характер и определяется как совпадающее со временем главного действия или предшествующее ему: *думая о возвращении, радовался* — значение одновременности; *подумав о возвращении, обрадовался* — значение предшествования. В результате такой значительной степени зависимости от глагола-сказуемого деепричастие утратило категорию времени. Значение одновременности с главным действием формируется у деепричастий, образованных от глаголов несовершенного вида, а значение предшествования — у деепричастий, образованных от глаголов совершенного вида. При этом деепричастия могут относиться к глаголу-сказуемому настоящего, прошедшего или будущего времени, например: *долго стою (долго стоял, долго буду стоять), не решаясь подойти; решив подойти, долго стою (долго стоял, буду долго стоять)*.

Исторически сложившаяся зависимость от глагола-сказуемого деепричастия как средства выражения дополнительного действия обусловила синтаксическое правило употребления деепричастий в современном русском литературном языке. Оно заключается в том, что действие, выраженное деепричастием, должно относиться к тому же лицу или предмету, к которому относится действие-сказуемое (например, правильно: *выполняя задание, он сосредоточился; неправильно: выполняя задание, у него был сосредоточенный вид*).

Утрата бывшими краткими причастиями форм рода, числа, падежа, времени способствовала развитию дублетности современных деепричастий. Древние морфологические показатели представлены только у деепричастий несовершенного вида, образованных от бесприставочных глаголов несовершенного вида: *читая, ведя, смотря* и т. д. (их образование в современном русском языке ограничено главным образом фонетическими причинами и связанным с этим явлением благозвучности). Деепричастия совершенного вида характеризуются дублетностью морфологических показателей: *-в, -ши, -вши* (в составе деепричастий от возвратных глаголов — только *-вши-сь*), *-я*, например: *увидя — увидев, повидав — повидавши, приведши — приведя, поникши — поникнув* и др. Некоторые деепричастия в составе фразеологических выражений сохранили древнюю форму, которая отличается от соответствующих форм современности.

менного литературного языка. Например: *бежать сломя голову, работать спустя рукава, говорить положа руку на сердце* — спр. совр. рус. *сломив, спустив, положив* и др.

В кругу полных действительных причастий настоящего и прошедшего времени произошло обобщение форм именительного падежа и косвенных падежей по основе форм косвенных падежей — с участием суффиксов *-уч-* (-юч-), *-ач-* (-яч-) и *-и-, -ви-*. Единственным следом сохранения древней полной формы И. п. ед. ч. краткого действительного причастия прошедшего времени, не подвергшейся обобщению основы, является в современном языке слово *служивый* от глагола *служити*, которое пережило к тому же процесс субстантивации, а также часть многих сложных слов *-любивый: солнцеполюбивый, теплолюбивый, человеколюбивый, себялюбивый* и др.

Причастия на *-уч-* (-юч-), *-ач-* (-яч-) — древнерусские по происхождению, которые еще в древнерусском языке переходили в прилагательные, приобретая значение постоянного качества предмета и утрачивая признак действия, а с ним и грамматические глагольные признаки — время, залог, вид, глагольное управление. В современном языке такие прилагательные выражают признак предмета как склонность к определенному действию или состоянию: *пахучий цветок, лежачий больной, дремучий лес, скрипучий голос, колючая проволока* и др.

В роли действительных причастий настоящего времени в современном языке закрепились старославянские формы с суффиксами *-ущ-* (-ющ-), *-ащ-* (-ящ). Различия между исконно русскими и старославянскими образованиями как средством выражения качественного или временного признака проявляются при сопоставлении употребления этих образований, например *горячий (напиток, воздух, металл и т. п.)* и *горящий (в лесу, вдали, ярким пламенем и др.)*. Но процесс «оказательства» затрагивает в современном языке и бывшие старославянские образования, например употребление причастий как прилагательных в следующих случаях: *блестящий организатор, выдающиеся способности, ограниченный человек* и др.

Древнерусские причастия страдательного залога, как краткие, так и полные, не пережили заметных изменений ни в плане их образования, ни в плане употребления (правда, в последнем случае судьба кратких причастий совпала с судьбой кратких прилагательных, сохранившихся только в роли сказуемого). Ср. причастия настоящего времени: др.-р. *несомъ, хранимъ, несомыи, хранимыи* — совр. *несом, храним* (употребляются редко, возможно, по причине омонимии с личными формами глаголов), *несомый, хранимый*. То

же самое можно заметить и у кратких причастий прошедшего времени: др.-р. *данъ, обутъ, прощенъ* — совр. *дан, обут, прощен*. Но в связи с тем, что полные причастия прошедшего времени в древнерусском языке подверглись «окачествлению» и развились в прилагательные (*сущеный, крашеный, ученый*), в современном языке возникли новые формы полных страдательных причастий прошедшего времени с суффиксом *-нн-*: *просущеный, выкрашеный, обученый*. Это объясняет написание двух *н* в причастиях, образованных от приставочных глаголов или имеющих при себе зависимые слова: в обоих случаях это указывает на глагольность признака, обозначаемого причастием.

ЗАДАНИЯ

Задание 1. Дайте историко-морфологический (и при возможности историко-фонетический) комментарий перечисленным глагольным формам.

Ешь (повелительное наклонение), пишут, дадут, отдай, будь, кожу, скажешь, дашь, стерегите, ем, ловлю, езжайте, есть (форма глагола *быть*), выньте, машем, махайте, жаждешь, ляг, привлекут.

Образец: *прошу* — древнерусская форма 1-го л. ед. ч. тематического глагола II спряжения, чередование *с/ш* под воздействием *-j-*; *суть* — древнерусская форма 3-го л. мн. ч. нетематического глагола *быти*, утраченная современным языком, остаток этой формы — существительное *суть* со значением ‘главное’; *вращай* — древнерусская форма повелительного наклонения 2-го л. ед. ч. *вращаи*, является старославянским соответствием древнерусскому *ворочаи*.

Задание 2. В глаголах выделите основу инфинитива, объясните, чем исторически обусловлено ее варьирование. Укажите, какой вариант основы более древний, реконструируйте праславянские формы инфинитива.

Мести — мету, подмели; привести — приведший, привел, приведя; грести — гребут, греб, гребли; печь — пеку, пекли, печеный, пек; мочь — могу, можете, могли, мог; дать — дам, дадут, дала; есть ‘принимать пищу’ — едят, ем, ел, едящий.

Задание 3. Ниже приведены архаические формы настоящего времени. Укажите происхождение каждой из них.

Отдам, бог весть, даси (диал.), несть числа, съем, невесть где, не суть важно, еси (диал.).

Задание 4. Объясните исторические изменения, которые произошли в приведенных формах прошедшего времени глаголов и укажите первоначальный вид причастий, входивших в их состав.

Мыл, брел, вел, плел, цвел, нес, вез, рос, промок, мог, утоп (диал.), приобрел, плавал, сгреб, приполз, украл.

Задание 5. Чем исторически объясняется наличие в современных русских говорах приведенных форм повелительного наклонения? Какие из этих форм более древние? Запишите соответствующие древнерусские формы.

Сяди, буди, встани, остави, напой (лошадей), посоль, украдь, отгонь.

Задание 6. Разделите деепричастия на две группы по способу образования: а) от кратких действительных причастий настоящего времени; б) от кратких действительных причастий прошедшего времени. Отметьте, к какой родовой форме восходит каждое деепричастие.

Сохраняя, прочитав, подкравшись, играя, заснув, проснувшись, повеся (голову), наигравшись, скрепя (сердце), будучи, приподняв, припеваючи (жить), владея, овладев, выпивши, мстя, согнувшись.

Задание 7. Установите происхождение современных глагольных форм, укажите их общие и различные грамматические признаки.

а) мерзлый — мерз, затверделый — затвердел, умелый — умел;
б) лежачий — лежащий, стоячий — стоящий, ползучий — ползущий; в) читающий — читая, несущий — неся, просящий — прося;
г) установив — установивший, нажав — нажавший, словив — словивший; д) проехав — проехавши, дернув — дернувши, надумав — надумавши(сь); е) сказал — сказал, замолчав — замолчал, сохранив — сохранил.

Образец: *уходя — уходил* — в древнерусском языке обе формы представляли собой краткие действительные причастия м. р. ед. ч.; отличались друг от друга грамматическим временем (первое — настоящего времени, второе — прошедшего) и способностью изменяться по падежам: первое — изменяемое, второе — неизменяемое.

Задание 8. Объясните, к какой глагольной форме восходит слово *негодяй*, принимая во внимание то, что в древнерусском языке употреблялся глагол *негодити* со значением ‘не нравиться, быть неугодным’.

Задание 9. Выделите и объясните происхождение глагольных форм, отличающихся от форм современного литературного языка.

1. И глух и нем — греха не вем (*пословица*). 2. И начнется у них, сударь, суд да дело, и несть конца мучениям (*А. Островский*). 3. Она оставила было дверь отворенной, но вдруг вернулась к ней и заперла (*И. Тургенев*). 4. Не спеши с козами на торг: коз продаси и деньги проеси ‘продашь и проешь’ (*пословица*). 5. Со властью рек: да будет свет. И бысты! (*М. Ломоносов*). 6. А кто может знать, какие у соседа мысли? — строго округляя глаза, говорит старик веским басом. — Мысли, как воши, их не сочтеши, сказывают старики (*М. Горький*). 7. Раз солгал, а век веры не имут (*пословица*). 8. Кто кого смога, тот того в рога (*пословица*). 9. Восстань, пророк, и виждь, и внемли (*А. Пушкин*). 10. Народ собрался, слушает, не смеючись, жалеючи (*Н. Некрасов*).

Задание 10. Объясните историческую обусловленность отступлений от современных норм русского литературного языка в следующих случаях.

1. Хранящий муж честные нравы, творяй свой долг, свои дела, царю приносит больше славы, чем всех пиитов похвала (*Г. Державин*). 2. Этот вот кричит: — Не трожь тех, кто меньше ростом! (*В. Маяковский*). 3. Пришед в свой кабинет, Аполлон Михайлович бросился в свои покойные кресла (*А. Писемский*). 4. Выдь на Волгу: чей стон раздается над великою русской рекой? (*Н. Некрасов*). 5. Хохочет Топтыгин в берлоге, про историю вспоминаючи, а на сердце у него жутко (*М. Салтыков-Щедрин*). 6. Если бы чеховская «дама с собачкой» сказала при Дмитрии Гуреве своему белому шпицу: — Ляж! — Гурев, конечно, не мог бы влюбиться в нее... (*К. Чуковский*). 7. И что, бежав от них едва не кувырком, не говоря уж о чужом, на ней и своего осталось мало перья (*И. Крылов*). 8. Верите ли богу, сердце изныло на родителей ваших глядючи (*И. Тургенев*). 9. Беда, коль пироги начнет печи сапожник (*И. Крылов*). 10. Утратить жизнь — и с нею честь, друзей с собой на плаху весть (*А. Пушкин*).

6. НАРЕЧИЕ

Слова этой части речи обозначают признак действия, а также признак качества или предмета. Характерной грамматической особенностью наречий является их неизменяемость. Поэтому более всего они интересны с точки зрения словообразования. В этом от-

ношении наречия современного русского языка представляют две группы: первообразные (или морфологически нечленимые образования) и производные наречия.

ПЕРВООБРАЗНЫЕ (МЕСТОИМЕННЫЕ) НАРЕЧИЯ

Первая группа, замкнутая и сравнительно немногочисленная, имеет устойчивый состав. В нее входят современные наречия *куда*, *когда*, *туда*, *тогда*, *где*, *здесь*, *сюда*, *там*, *всегда*, *везде*, которым соответствуют непроизводные уже в древнерусскую эпоху наречия: *куда*, *къгда*, *туда*, *тъгда*, *къдъ*, *съдъ*, *въсьгда*, *въсьдъ*. Исторически наречия этой группы были образованы в древнейшую эпоху от местоименных корней *-къ-*, *-тъ-*, *-съ-*, *-въ-* в сочетании с древними суффиксами *-уд-*, *-гд-*, *-дѣ-*, *-да-*, *-мо-*. Первообразные местоименные наречия широко включались в процессы приставочного образования новых наречий, в особенности с наиболее продуктивными приставками *от-*, *-до-*, *по-*, ср. в др.-р. *отътуда*, *доколъ*, *досель*, *покуда* и др. Но в целом группа первообразных местоименных наречий подверглась в литературном языке значительному сокращению в связи с сокращением самой базы местоименных основ, а также процессом отбора лексических средств, свойственным литературному языку.

ПРОИЗВОДНЫЕ НАРЕЧИЯ

Другую группу наречий, гораздо более многочисленную и все время пополняющуюся новыми наречными образованиями, представляют те наречия, которые сохранили в своем составе связь с мотивирующими их словами разных частей речи, преимущественно с прилагательными и существительными, реже — с глаголами, числительными, местоимениями.

ОТПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ НАРЕЧИЯ

Современные наречия, обнаруживающие в своем морфологическом составе связь с именами прилагательными и причастиями, входят в различные морфологические типы, имеющие разные суффиксальные или суффиксально-префиксальные показатели: *-о (-е)*, *с-*, *от-*, *до- + -а*; *в-*, *на-*, *за- + -о*; *в- + -е*; *-ски*; *по- + -ски*; *по- + -ому* и др. Эти морфологические типы формировались в разное время существования русского языка в результате онаречивания (или адвербиали-

зации), т. е. перехода определенных форм прилагательных в наречия (от лат. *adverbium* — наречие). Морфемная структура слов, переживших процесс адвербализации, становилась своеобразным образцом, по которому возникали другие слова с тем же грамматическим значением «наречности», хотя они не подвергались. Это необходимо учитывать, рассматривая вопросы происхождения морфологических типов наречий, образованных от прилагательных и слов других частей речи со значением признака или качества.

В современном языке наиболее продуктивным морфологическим типом отприлагательных наречий является тип наречий способа и образа действия с суффиксом *-o* (или *-e* после мягких согласных): *красиво, верно, умно, сине, пекуче, размашисто, комфортно, конструктивно, вдохновенно, впечатляюще* — от прилагательных разного происхождения и времени появления в русском языке, а также от причастий, подвергшихся окачествлению.

В историческом плане возникновение этого типа связано с существованием в глубокой древности особых субстантивированных прилагательных в форме ср. р. с окончанием И. п. ед. ч. *-o* (*-e*), которые обозначали не предметы, а отвлеченные понятия обо всем, что обладало тем или иным качеством. Такие формы субстантивированных прилагательных употреблялись как несогласованные определения существительных, обозначавших субъект или объект действия. Реликторые (или остаточные) свидетельства такого употребления удается обнаружить в языке древнейших русских памятников, когда, например, слово *борода* определялось словом *мякъко* ‘мягко’, а слово *монета* — словом *круглообразно* ‘имеющее круглую форму’. Грамматическая несогласованность прилагательных с определяемым именем обусловила их тяготение к глаголу, что и послужило причиной их онаречивания, т. е. перехода в такие слова, которые обозначают признак не предмета, а действия, относящегося к предмету.

Примеры употребления наречий как несогласованных определений при имени (а не при глаголе) нередко встречаются в современных художественных и публицистических текстах. Это явление мы наблюдаем, например, в следующем высказывании: *собака пушисто легла у двери*, смысл которого заключается не в том, что ‘собака легла пушисто’, а в том, что ‘пушистая собака легла’.

Бывшее же окончание субстантивированных прилагательных ср. р. *-o* (*-e*) превратилось в словообразовательный суффикс, который стал продуктивным средством образования новых наречий от основ прилагательных и слов других частей речи, имеющих значение признака.

В основе формирования приставочных типов отприлагательных наречий со значениями времени, места, причины, степени, состояния и способа действия, например: совр. *надолго, издалека, вовсю, вкратце, слева, смолоду, по-прежнему* и др., лежит особый путь лексико-семантического преобразования (или «стяжения») предложно-падежных сочетаний существительных с прилагательными. В древнерусском языке достаточно широко представлена соотносительность таких словосочетаний, как *по малу времени, из юла възраста, отъ да-леча пути, съ деснаго уха ‘справа’, въ простѣ житыи, по прежнему слову* и т. п., с наречиями времени *помалу, измлада*, наречиями места *отдалеча, съдесна*, наречием состояния *въпростѣ*, наречием образа действия *по-прежнему* и т. п. В результате устойчивого употребления обстоятельственных словосочетаний такого типа и в связи с обобщенным лексическим значением опорных существительных (типа *время, путь, место, житѣ, слово* и т. п.) происходило опущение имен существительных, а изолированные таким образом предложно-падежные формы прилагательных с обстоятельственными значениями переходили в наречия (адвербиализировались). Так возникли те образцы приставочно-суффиксальных наречий, в составе которых на месте бывших предлогов и окончаний сформировались особые словообразовательные средства наречного словоизводства — приставки и суффиксы. Это свидетельствовало о становлении морфологических типов отприлагательных наречий приставочно-суффиксального образования, известных современному русскому языку.

* * * * *

ЭТО ИНТЕРЕСНО

Лексико-семантическое стяжение обстоятельственных конструкций предопределило формирование наречия *вовсю* ‘к себе домой’. Предлагаемая во многих источниках этимологическая версия древнерусского слова *въсвояси* на основе реконструируемого древнерусского оборота *въ своя въси ‘деревни’* не является достаточно обоснованной. Кроме наречия *въсвояси* в древнерусских памятниках зафиксировано наречие *въсвоя* с тем же значением. Наряду с ними в древнерусских текстах были широко употребительны обстоятельственные конструкции *въ своя мѣста, въ своя си мѣста*. Это позволяет утверждать, что наречие *вовсю* возникло в результате стяжения и адвербиализации обстоятельственного словосочетания *въ своя си мѣста* так же, как и наречие *вовсю*, результат стяжения словосочетания *въ своя мѣста*¹.

¹ Определения *своя* и *своя си* различаются тем, что последний случай представляет употребление старославянского по происхождению определения, выраженного двумя местоимениями.

Происхождение наречий приставочно-суффиксального типа (*справа, докрасна, набело* и т. п.) объясняет логику орфографического правила, согласно которому наречия с приставками *с-, до-, от-* пишутся с буквой **а** в конце слова, а наречия с приставками *в-, на-, за-* — с буквой **о**: это соответствует характеру падежных окончаний кратких прилагательных среднего рода. Для проверки таких написаний их можно сопоставить с формами существительных среднего рода в сочетании с соответствующими предлогами (*докрасна — до окна* и т. д.).

ОТСУБСТАНТИВНЫЕ НАРЕЧИЯ

Наречия, образование которых связано с формами существительных, не образуют в современном языке таких многочисленных продуктивных словообразовательных типов, как отприлагательные наречия. Это можно объяснить многообразием падежных и предложно-падежных форм существительных, которые подвергаются онаречиванию в силу разнообразных грамматических, лексических и семантических причин. Тем не менее в этом процессе можно установить определенные исторические закономерности.

Так, онаречиванию форм существительных способствует их морфологическая «изолированность» в системе современного формоизменения, которая обусловлена историческими изменениями, произошедшими в системе склонения имен существительных. Например, наречие *поделом* восходит к древней утраченной форме Д. п. мн. ч. существительного *дело* в связи с изменением склонения этого существительного в живом языке, ср. совр. *по делам*. Наречия *домой, долой* восходят к утраченным формам Д. п. ед. ч. *домови, долови* у слов *дом, дол*, которые также в современном языке перешли в другой тип склонения. Морфологическая изолированность устаревших форм вызвала также их фонетические изменения: др.-р. *домови, долови* > *домовь, доловь* > *домой, долой*. Наречие *завтра* возникло на основе предложно-падежной формы *за утра* в результате переноса ударения на приставку и фонетического изменения [у] > [в]. Причиной онаречивания формы *за муж* и употребления соответствующего наречия *замуж* послужило сохранение древней формы В. п., равной форме И. п., у одушевленного существительного. (Связь этого слова с существительным *муж*, равно как и связь наречия *невтерпеж* с утраченным существительным мужского рода *терпеж*, объясняет отсутствие мягкого знака в конце этих слов в от-

личие от других наречий на шипящие, которые пишутся с мягким знаком: *навзничь, вскачь, наотмашь, настежь*.) Возникновению наречия *кроме* на месте формы М. п. ед. ч. древнерусского слова *крома* ‘граница, край’ способствовала утрата беспредложной формы М. п., которая в современном языке употребляется только с предлогом.

Адвербиализации имен существительных способствовало устаревание слова или его значения, также вызывавшее изолированность слов и их форм в системе языка. Так, адвербиализации подверглись формы устаревших, утраченных современным языком слов, например: наречие *взапуски* образовано на основе предложной формы В. п. мн. ч. слова *запускъ* ‘способ бега лошади’; *вопреки* — В. п. мн. ч. утраченного слова *прѣкъ* ‘поперечина’; *дотла* — Р. п. ед. ч. слова *тьло* ‘почва, основание’ с предлогом *до*; *ненароком* — Т. п. ед. ч. слова *нарокъ* ‘воля, решение’; *пополам* — Д. п. мн. ч. слова *полъ* ‘половина’ с предлогом *по*; слово *внутрь* образовано путем слияния древнего предлога *вън* и формы В. п. ед. ч. *утрь* ‘внутренность’, ср. совр. *утроба* и др.

Довольно заметным фактором адвербиализации является грамматическое значение той или иной падежной формы. Так, сравнительно легко подвергаются онаречиванию формы Т. п. в связи со свойственным ему значением образа и способа действия, например: *молчком, мельком, кубарем, кувырком*, а также формы П. п. в связи с присущим ему значением состояния, например: *впотьмах, второпях, в сердцах*.

При этом процессу онаречивания способствует развитие обобщенного, отвлеченного значения имени существительного и ослабление предметного, конкретного значения. В современном языке представлена группа наречий времени, восходящая к форме Т. п. ед. ч. существительных, обозначающих поры года и части суток: *зимой, летом, весной, осенью, утром, вечером, днем, ночью*. Вместе с тем употребление таких падежных форм в сочетании со словами-определителями, конкретизирующими значение таких слов, как *глубокой ночью, холодной зимой, свежим утром* и т. д., свидетельствует о том, что существительные в таких случаях адвербиализации не подвергаются.

Относительно немногочисленную группу наречных производных слов образуют наречия, восходящие к различным формам местоимений и словосочетаниям с их участием (*сейчас, тотчас, сегодня, потом, затем* и др.), а также восходящие к формам деепричастий на *-а, -я* (*сидя, лежа, стоя*).

Образование наречий — живой процесс, который не прекращается и в наше время. Нередко оказывается, что этот процесс может быть не завершен до настоящего времени, например употребление наречия *набок* в контексте: *Корабль дал сильный крен набок* и предложно-падежной формы существительного *бок* в следующем высказывании: *Положить больному компресс на бок*. С этим связаны и различия в написании таких форм — слитно или раздельно.

ЗАДАНИЯ

Задание 1. Определите происхождение современных наречий. Что способствовало адвербализации тех форм, к которым они восходят?

Сегодня, замуж, восьмидесяти, издали, ощупью, однажды, позарез, пополудни, вспыхах, взаперти, молча, долой, заранее, сразу, совсем, впроголодь, светло, вволю, вскоре, вдвоем, дружески, постарому.

Справка: древнерусскому языку было известно слово *шъдлъ* — действительное причастие прош. вр. м. р. ед. ч. глагола *ходити*.

Задание 2. Укажите грамматическое значение морфем, выделенных этимологически или с точки зрения современного русского языка.

Верхом, смолоду, украдкой, воочию, вкратце, быстро, внутрь, по-детски, впустую, дотла, поделом, вверху, наравне, даром.

Задание 3. Установите древнерусские соответствия приведенным ниже современным наречиям и прокомментируйте все произошедшие в них фонетические изменения.

Где, однажды (< др.-р. *однашьды*), везде, здесь, завтра, домой, исподволь, теперь (< др.-р. *то первво*), почти (< др.-р. *почьсти*, в др.-р. форма повелительного наклонения глагола *почьсти* ‘счасть’), намедни (< др.-р. *на ономъ дьни*).

Задание 4. Определите значение выделенных в тексте слов, объясните их происхождение и особенности употребления в русском литературном языке.

1. Явился он не один, а *вкупе* со своим другом (А. Чехов). 2. *Вечор*, ты помнишь, выюга злилась, на мутном небе мгла носилась...

(*А. Пушкин*). 3. Мой друг, доколе не увижу, в разлуке чувство погубя, боготворить не перестану тебя, мой друг, одну тебя (*А. Пушкин*). 4. Не для владения пришли они сюды (*А. Сумароков*). 5. И думал он: отсель грозить мы будем шведу. Здесь будет город заложен на зло надменному соседу (*А. Пушкин*). 6. Да хладный прах мой осенится величеством, что днесъ я пел (*А. Радищев*). 7. В последний раз она плясала... Увы! заутра ожидала ее, наследницу Гудала, свободы резвое дитя, судьба печальная рабыни (*М. Лермонтов*).

СИНТАКСИС

Синтаксическая система современного русского языка представляет собой результат длительного исторического развития, в ходе которого преобразованию подверглись многие звенья этой системы — способы выражения синтаксических категорий и связей слов в словосочетаниях и предложениях, способы соединения предложений. Но если фонетические и морфологические изменения привели к закреплению в современной языковой системе таких явлений, которые не находят своего объяснения без обращения к отдаленным периодам в истории языка, то исторические изменения в области синтаксиса, приведя к становлению современных отношений в синтаксисе, в большинстве случаев не оставили в них заметных следов. Исторического комментирования требуют лишь некоторые явления, отразившиеся в истории русского литературного языка (прежде всего, в языке русской классической литературы XVIII—XIX вв.) и в русских диалектах.

1. СОСТАВНОЕ ИМЕННОЕ СКАЗУЕМОЕ

В современном русском языке известно преимущественное употребление формы Т. п. имени существительного в качестве именной части сказуемого при связке-глаголе *быть* в прошедшем и будущем времени (*он был садовником*); в то же время наряду с этим возможно употребление именительного предикативного (*он был садовник*).

Исторически параллельные конструкции составного именного сказуемого с творительным и именительным предикативным существительного были известны и в древнерусскую эпоху, но преоб-

ладающим было употребление именительного предикативного. Конструкции такого типа были известны еще в литературном языке XIX в., например в языке Пушкина: *В то время был еще жених ее супруг* (‘супруг был тогда еще женихом’). Преимущественное распространение и закрепление творительного предикативного в составе именного сказуемого, которое имело место в истории этой синтаксической конструкции, могло быть вызвано стремлением к различию по форме существительного-сказуемого и существительного-подлежащего, что способствовало синтаксической четкости построения предложения.

Сохранение в современном русском языке параллельных конструкций с творительным и именительным предикативными опирается на некоторые различия в их значениях. Творительный предикативный употребляется в тех случаях, когда речь идет о непостоянном, переходящем или временном признаке предмета (*он тогда был садовником*), а именительный предикативный помогает подчеркнуть постоянный, характерный и существенный признак (*по профессии он был садовником*). Показательно, что в современном употреблении характеристика человека по национальному признаку выражается только при помощи конструкции с именительным предикативным: *он был белорус* (лингвистически неправильно высказывание **он был белорусом*).

Подобным же образом складывалась история употребления полных прилагательных в качестве именной части составного сказуемого.

В древнерусском языке в качестве именной части составного сказуемого употреблялись только краткие прилагательные, так как полные могли быть только определениями при существительных. В составе сказуемого полные прилагательные стали употребляться не ранее XV в., сначала в именительном, а затем в творительном падежах. В этих условиях развивалась конкуренция между краткими прилагательными в форме именительного предикативного и полными прилагательными в форме именительного или творительного предикативного. Сохранение конструкций именного сказуемого таких типов повлекло за собой появление их различий по значению: употребление полной формы прилагательного означало, что признак, приписываемый предмету, является его свойством: *он был добрый, он был добрым*. Включение в состав сказуемого краткой формы прилагательного подчеркивает, что признак, присущий предмету, проявляется в зависимости от определенных условий (времени, причины): *он был добр* (‘в какое-то время, по отношению к кому-либо’).

ОСОБЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ИМЕННОГО СКАЗУЕМОГО

Наряду с составным именным сказуемым, имеющим в своем составе глагол-связку *быть* (при ее пропуске в настоящем времени), современному русскому языку известен особый способ выражения предикативности путем включения в состав сказуемого полнозначных глаголов в сочетании с прилагательными или страдательными причастиями в форме именительного падежа: *дети пришли веселые, все сидели озабоченные* и т. д. Такой тип построения предложения восходит к древней синтаксической конструкции, свойственной древнерусскому языку, которая не совсем соответствует привычной для нас схеме. Ее своеобразие связано с тем, что в древнерусском предложении отдельные слова (предикативное имя и глагол), будучи связанны в смысловом отношении, могли не находиться в грамматической связи между собой. Примером служат следующие древнерусские предложения с двучленным сказуемым: *Приде князь Ярославъ Новугороду одаренъ* ‘пришел князь Ярослав к Новгороду одаренный (с дарами)’; *Нифонтъ поставлен бысть епископомъ Новугороду* ‘Нифонт был поставлен епископом в Новгороде’; *Ни единъ отъ нихъ можетъ съехати живъ съ побоища* ‘ни один из них не может уехать живым с битвы’. Синтаксическое своеобразие способа выражения сказуемого в таких предложениях состоит в том, что предикативное имя в форме именительного падежа согласуется с формой подлежащего, а в смысловом отношении зависит от глагола. Смысловая связь предикативного имени состоит в том, что признак, обозначенный именем, реализуется только через действие, обозначенное глаголом.

В ходе исторического развития русского языка эта конструкция двучленного сказуемого (глагол в сочетании с именем) пережила процесс приспособления к установившейся в русском языке синтаксической схеме простого предложения с определенными грамматическими связями его членов. Результатом этого было развитие употребления творительного предикативного при знаменательных глаголах в составе сказуемого (ср. в современных переводах приведенных предложений: *пришел одаренным, был поставлен епископом, никто не может уехать живым*). Но полностью эта конструкция к настоящему времени не исчезла, хотя значительно сузилось ее распространение: употребление прилагательных в форме именительного предикативного осталось возможным только при глаголах движения и состояния, а также при глаголах превращения, перехода из одного состояния в другое (в дополнение к приведенным выше примерам назовем еще: *деревья стояли покрытые*

и неем, он оказался годен и др.). Очевидно, это связано с тем, что именно такие глаголы в силу своего лексического значения оказались способными образовать единое словосочетание, выступающее как группа сказуемого. Правда, необходимо отметить, что в истории развития языка непрерывно происходит процесс расширения употребительности творительного падежа в составе именного сказуемого.

В выражении именного сказуемого в современном русском языке есть и другие особенности. Прежде всего, это возможность употребления форм творительного или винительного падежа имен прилагательных при некоторых полнозначных переходных глаголах, например: *я помню себя молодым — я помню себя молодого*. Существование такой вариантиности поддерживается тем, что в случае употребления формы творительного преобладает значение предикативности, в случае употребления винительного — значение определительности ('когда я был молод' — 'когда я был молодым').

В историческом плане эта особенность связана с особой чертой древнерусского синтаксиса — способностью формирования в предложении дополнительного предикативного центра, грамматически не подчиненного основному. Одно из проявлений этого синтаксического своеобразия древнерусского предложения состояло в том, что переходные глаголы (глаголы называния, назначения, восприятия, мыслительной деятельности) имели при дополнении в форме винительного падежа еще одно слово (существительное, прилагательное, причастие) в той же форме, указывающее на предикативный признак, приписываемый подлежащему. Например, в древнерусском предложении *Поставлю уношю князя имъ* 'поставлю им юношу князем' именно наличие в составе сказуемого слова *князя* (второго винительного по отношению к первому винительному дополнению *уношю*) делает высказывание законченным, так как содержит ответ на ожидаемый вопрос: кем поставлю? Такие конструкции сказуемого (типа *поставлю митрополита* 'поставлю митрополитом', *именую мужа* 'назову советником', *привезоша мертвा* 'привезли мертвым') были широко распространены в древнерусском языке и включали в качестве именной части сказуемого форму винительного падежа имен существительных, прилагательных, местоимений, причастий. Но в ходе исторического развития русского языка произошло почти полное вытеснение формы винительного падежа имени формой творительного как наиболее продуктивным средством выражения предикативности: следы древнего выражения именного сказуемого сохранились в современном языке только в кругу имен прилагательных.

С другим проявлением специфики древнего именного сказуемого, имевшего признаки дополнительного предикативного значения, связаны особые конструкции безличных предложений с инфинитивом глагола *быть*, входящим в состав главного члена предложения, и формой дательного падежа имени, известные в современной разговорной речи: *Надо же быть такой беде (такой удаче, такому горю)!*; *Разве можно быть такому неосторожному!*

Предикативное употребление дательного падежа имени было присуще древнерусскому языку и включало широкий круг существительных, прилагательных, местоимений и причастий. Предложения с конструкциями именного сказуемого такого типа имели в своем составе форму инфинитива (чаще всего глагола *быти*), дополнение в форме дательного падежа, указывающего на субъект действия, и второго имени в дательном падеже, несущего значение предикативности. Например, в древнерусском языке высказывание *лучше е 'есть' единому убъену быти за многихъ* означало 'лучше быть одному убитым за многих'. С течением времени в составе такого сказуемого происходило вытеснение дательного предикативного творительным падежом. Вместе с тем употребление этой древней конструкции именного сказуемого утрачивалось. Ее следы проявляются преимущественно при употреблении форм прилагательных во множественном числе, например: *вам надо быть готовым ко всему; вам надо быть внимательным* и др., а также в составе пословицы: *Не до жиру, быть бы живу.*

2. СОГЛАСОВАНИЕ СКАЗУЕМОГО И ПОДЛЕЖАЩЕГО

В современном русском языке представлено грамматическое согласование этих членов предложения в форме единственного числа при собирательных существительных, обозначающих множество лиц, например: *Современная молодежь активно участвует в различных общественных движениях*. Иной была норма древнерусского языка, основанная не на грамматическом, а на смысловом согласовании, которая предписывала в таком случае употребление глагольного сказуемого в форме множественного числа: *Бишася* (аорист 3-го л. мн. ч.) *моя дружина съ нимъ, ходиша въся русьская земля* ('страна, государство'), *съдять на Ростовъскомъ озерѣ меря* ('название пле-

мени') и др. Согласование по смыслу было утрачено русским языком в связи с усилением роли более абстрактных факторов — грамматических. Но следы такого древнего употребления можно еще видеть в русском диалектном языке или в просторечии: *Молодежь поехали кто куда*, а также в языке литературных произведений в целях стилизации: *Вокруг ее стоит грозная стража, на плечах топорики держат* (А. Пушкин).

Исторические изменения в области согласования главных членов предложения напоминают о себе колебаниями в употреблении форм единственного или множественного числа при подлежащем, имеющем в своем составе количественно-именные словосочетания, например: *много людей считает (считывают), большинство присутствующих проголосовало (проголосовали), двадцать человек работают (работает) и т. п.* В древнерусском же языке последовательным было согласование формы сказуемого с опорным словом в составе подлежащего. Поэтому при сочетании счетных слов с именами (типа *пять лѣтъ*) было возможно согласование со сказуемым только в форме единственного числа: *И изоиде* (аорист 3-го л. ед. ч.) *та пять лѣтъ* 'прошли те пять лет'. При этом значения древнерусских слов, обозначавших совокупность, не всегда включали понятие о совокупности именно лиц, а не предметов. Таким было, например, значение древнерусского слова *множество*, которое даже в сочетании с названием лиц согласовывалось со сказуемым только в форме единственного числа, например: *И множество вои бѣ* (аорист 3-го л. ед. ч.) *съ нимъ* 'и множество воинов было с ним'. Все эти исторически обусловленные лексико-семантические факторы проявились в особенностях грамматического согласования сказуемого с именной частью подлежащего, присущих современному русскому языку.

3. ИЗМЕНЕНИЯ В УПОТРЕБЛЕНИИ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ

В современном русском языке каждая падежная форма имеет определенный круг значений, которые выражаются посредством этой формы. Исторические изменения во многих случаях затронули способы выражения объектных и (чаще) обстоятельственных значений. Но современный русский литературный язык (и язык русской классической литературы) сохраняет некоторые конструкции,

в которых те или иные падежные или предложно-падежные формы выступают в несвойственных им теперь значениях. Рассмотрим результаты исторического изменения или утраты падежных и предложно-падежных значений на примерах употребления отдельных падежных форм в древнерусском и современном русском языках.

В древнерусском языке **родительный падеж** употреблялся со значением обстоятельства времени, например: *Той же осени много зла ся створи*; *Того утра была мгла велика*. В таком значении форма родительного падежа была вытеснена формой творительного (*той осенью*) или винительного с предлогом *в* (*в ту осень*). Следы древнего родительного времени сохранились в наречии *сегодня* (< *сего дня*), в выражении *третьего дня*, в обозначении даты (*первого января, восьмого марта* и др.).

Родительный беспредложный употреблялся для обозначения предмета, от которого отдаляется действие, например: *Бегоша людье огня* ‘люди убегали от огня’. В дальнейшем употребление родительного в таком значении сократилось. Беспредложные конструкции с родительным удаления или лишения возможны в современном языке лишь при некоторых глаголах: *лишиться чего-либо, бояться чего-либо*.

Родительный падеж употреблялся также при глаголах восприятия со значением объекта, не полностью охваченного действием, и при некоторых других переходных глаголах, в современном языке требующих употребления винительного падежа, например: *слушали всенощного пенья, беречь вотчины, искали описи*. Следы такого употребления можно видеть в современном языке: *жалеть денег, сил, просить помощи, искать поддержки*, в фразеологическом выражении *того и гляди*.

Беспредложный **творительный падеж** имел значение времени при употреблении слов, обозначающих любой отрезок времени (день недели, часть суток, время года, название месяца), например: *приде мартомъ месяцемъ* ‘пришел в марте месяце’; *и тако идый трьми недѣлями* ‘идущий три недели’ и др. В современном русском языке творительный времени сохранился, но круг слов, имеющих такое значение, сократился и включает только названия частей суток и времен года: *темной ночью, поздней осенью*, причем эта форма существительного выражает временное значение только при наличии определяющего слова (без определяющего слова такая падежная форма ввиду развития обобщающего временного значения подвергается адвербиализации, т. е. переходит в наречие). Следы древнерусского временного значения творительного падежа можно видеть в употреблении этой формы в языке русской литературы XVIII—

XIX вв. для обозначения определенного промежутка времени, в течение которого совершается действие. Например, у Д. Фонвизина: *Она в три часа напроказить может столько, что и веком ('за век') не пособить*; в народной пословице: *Впервые годом ('за весь год'), да и то с горем и др.* Современный литературный язык такого употребления не знает.

Формы творительного падежа в древнерусском языке имели также пространственное значение: *Входить в городъ одиними вороты* ('через одни ворота'). В современном языке такое значение выражается посредством падежной формы винительного падежа с предлогами *в, через*, а древняя конструкция сохранилась лишь в отдельных случаях: *идти лесом, улицей, берегом; кровь пошла носом, горлом.*

Древнерусская форма творительного падежа употреблялась также в инструментальном (или орудийном) значении, в том числе у существительных, обозначающих лиц, животных, транспортные средства, например: *Царство бо множеством людей състоится* 'царство образуется людьми'; *приехали коньми, пришла царевна кораблемъ* и др. В современном языке широко известно употребление творительного инструментального только у названий орудий труда (типа *рубить топором, писать карандашом* и т. д.); в отдельных конструкциях сохранился творительный инструментальный у существительных со значением транспортных средств: *ехать поездом, лететь самолетом.* С этим значением сближалось употребление древнерусского творительного при глаголах нефизического действия в значении средства (или основания) действия: *не кльни ся именьмъ его* (к нему восходит современная конструкция *именем закона, именем революции*).

Творительный падеж употреблялся в древнерусском языке также в значении образа действия, например: *Живе Володимеръ съ князи оконими миром* 'жил Владимир с князьями соседними мирно'. Такое употребление в современном языке представлено только у ограниченного круга лексики (*шел небрежной походкой, выдавал себя бегающими глазами*). К этому значению древнего творительного близко значение ограничителя признака или действия, широко представленное в древнерусском языке у существительных разных тематических групп, преимущественно при прилагательных: *телом изобилен, богатством недостаточен, высокъ умомъ, силенъ воиниками* и др. В истории языка употребление творительного с таким значением оказалось значительно суженным и в современном языке представлено в конструкциях, описывающих внешность: *мал ростом, хорош сложением, фигурой не вышел.*

Беспредложный винительный падеж имел в древнерусском языке значение отрезка времени, не полностью занятого действием: *Утро*

послю по вы ‘утром пошли за вами’. Конструкция с винительным беспредложным сохранилась в современном языке, но с другим временным значением — отрезок времени, полностью охваченный действием, например: *ожидал весь день, целое лето отдыхал* и т. п.

Особенность выражения обстоятельственного значения в древнерусском языке состояла в употреблении винительного беспредложного для обозначения пункта, к которому направлено действие: *вниде Кыевъ ‘вшел в Киев’*. Эта форма в современном языке была вытеснена предложно-падежной конструкцией: *войти в дом, в лес* и т. д., но ее след можно видеть в наречном выражении *иди прочь* (восходит к форме сравнительной степени древнего прилагательного **прокъ ‘находящийся впереди’*).

Исторические изменения затронули и употребление винительного падежа без предлога со значением прямого дополнения. В древнерусском языке при глаголах восприятия, знания, говорения эта падежная форма обозначала непосредственно объект восприятия, например: *слышавше приход князя ‘слышали о приходе князя’, повѣда житие его ‘поведал о его жизни’*. В дальнейшем происходило синтаксическое разграничение значений восприятия самого объекта (предмета) и содержания объекта путем развития при переходных глаголах наряду с прямым дополнением косвенного, выраженного формой предложного падежа с предлогом *о*, например, в современном русском языке: *слышать новость и слышать о новости, знать песню и знать о песне* и т. д.

Винительный беспредложный в древнерусском языке имел также значение причины, например: *мыщу русскую землю ‘за русскую землю’*. Конструкция с винительным причины сохранилась довольно долго и еще встречается в литературном языке XVIII в. у А. Радищева: *Готовы всегда на твое поражение, если оно отмстит порабощение человека*. В XIX в. такое выражение было уже устаревшим, но все же могло употребляться в литературном языке, например: *Отметить поруганную дочь* (А. Пушкин).

Беспредложный **дательный падеж** так же, как и винительный, имел в древнерусском языке пространственное значение с указанием направления действия: *иде Чернигову ‘пришел к Чернигову’* — и так же, как и винительный беспредложный, был вытеснен предложной формой: *пришел к Чернигову*. След древнего дательного беспредложного со значением направления представлен в наречии *домой*, которое восходит к форме дательного падежа *домови* слова *домъ*.

В древнерусском употреблялся приименной дательный беспредложный принадлежности: *се имена воеводам их ‘это имена их воево-*

вод'. В современном языке на месте дательного принадлежности выступает родительный беспредложный или винительный с предлогом *на*. Но в некоторых случаях сохраняется и древняя конструкция, например: *цена билетам* (наряду с *цена на билеты*, *цена билетов*), *регистр книгам*, *регистр бумагам*, *он ему дядя* и др.

Особенностью дательного падежа в древнерусском языке было употребление его для обозначения предмета или лица, к которому направлено внутреннее переживание, например: *нача ей негодовати* 'начал негодовать на нее'. В современном языке дательный с таким значением употребляется лишь при некоторых глаголах: *улыбаться ей, нравиться ему, радоваться успеху* и др.

ЗАДАНИЯ

Задание 1. На материале приведенных предложений рассмотрите особенности согласования подлежащего со сказуемым в современном русском литературном и диалектном языке. Укажите примеры семантического согласования подлежащего и сказуемого.

1. Молодежь вокруг засмеялись (*Г. Державин*). 2. В ауле множество собак встретило нас громким лаем (*М. Лермонтов*). 3. Огромное число солдат... возвращались назад от мостов (*Л. Толстой*). 4. Ряд лиц, выделенных Бельтовым, не выходили у него из головы (*А. Герцен*). 5. Большинство их [мужчин] привело сюда жен и детей и чувствует себя благодетелями своих семейств (*М. Горький*). 6. Множество глаз, примкнув к биноклям, к окулярам труб, мучительно, с напряжением, следили за тем, как на холме полыхает страшный костер (*Н. Полевой*). 7. Лесная-то стражи были слабые (*диал.*). 8. Большинство знакомых ребят уже разъехалось по дачам (*А. Гайдар*). 9. Половина деревни ходили в этой одежде (*диал.*).

Задание 2. Определите тип сказуемого и укажите те случаи, где в его составе сохраняются архаические формы.

1. Пространными Китай стенами закрыт быть мнится перед нами (*М. Ломоносов*). 2. Не пощадил, боязлив, своей работы; лист написав, два или три изодрал, похерил, да и так достойну глаз твоих быть не верил (*А. Кантемир*). 3. Да! Бомарше ведь был тебе приятель (*А. Пушкин*). 4. Я самый смиренный стал человек (*И. Тургенев*). 5. Я знал, что матушка была обожаема крестьянами (*А. Пушкин*). 6. Зачем же быть так строгу к другим? (*Н. Гоголь*). 7. Все будет золото, в суму

что попадет (*И. Крылов*). 8. Зачем же быть, скажу вам напрямик, так невоздержну на язык, в презреньи к людям так нескрыту? (*А. Грибоедов*). 9. Бесов вообще рисуют безобразных (*М. Лермонтов*). 10. Он видел себя... плывущего в виду плодоносных южных берегов (*К. Паустовский*).

Задание 3. В следующих предложениях выделите и проанализируйте случаи архаического употребления падежных форм.

1. Сии злодеи, желая отмстить свою обиду, пошли прямо отцу и сказали ему (*А. Радищев*). 2. Лишился я тобой спокойства и забав (*А. Сумароков*). 3. Богатый вдруг чертог не ветерком, но сам собою растворился (*И. Дмитриев*). 4. И тот дурак, кто слушает людских всех врак (*И. Крылов*). 5. Царь благими воеводы смиряет мира не-взгоды (*пословица*). 6. Ее постели сон бежит (*А. Пушкин*). 7. Пою мои мечты, природу и любовь, и дружбу верную, и милые предметы (*А. Пушкин*). 8. Он был пятью годами старше Левина и давно женат (*Л. Толстой*). 9. Все смутились поступком Наташи (*Л. Толстой*).

Задание 4. Установите случаи изменения глагольного управления (предложного и беспредложного) в следующих предложениях из литературных произведений XVIII—XIX вв. и в языке фольклора.

1. Ты дожил старых лет (*М. Ломоносов*). 2. Добро не лихо, бродит о мир тихо (*пословица*). 3. И наеду я богатыря в чистом поле (*былина*). 4. Она все знает... что живет в моей душе этой минутою (*М. Горький*). 5. Туда зарею спешаю с смиренным заступом в руке (*А. Пушкин*). 6. Осел мой глупостью в пословицу вошел (*И. Крылов*). 7. Отмстит поруганную дочь (*А. Пушкин*). 8. А зачем мне сразу по-греб не сказал (*сказка*). 9. Я правлю солнце, землю, море, кто может стать со мною в споре? (*М. Ломоносов*). 10. И оттого-то Ростов сердился, когда ему штутили о княжне Болконской (*Л. Толстой*). 11. И вырвал с корнем вон того, кто небесам главой касался (*И. Крылов*). 12. Воображая, что мы не умеем говорить иностранными языками (*Н. Карамзин*).

ОРФОГРАФИЯ

Слово *орфография* — греческого происхождения и в переводе буквально означает ‘правильное письмо’. Орфографическая правильность состоит в том, что все пишущие должны в известных пределах писать одинаково, единообразно. Это требование столь же важно, как и единообразное произношение: ведь отступление от правильного, единообразного произношения и написания затрудняет понимание сказанного или написанного, т. е. затрудняет общение.

Орфографическая правильность включает такие сферы письма, как буквенное обозначение звукового состава слов, употребление прописных и строчных букв, слитное и раздельное написание и др. Орфография содержит конкретные правила, восходящие к определенным принципам.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ И ИСТОРИЯ ИХ ФОРМИРОВАНИЯ

Буквенное обозначение звукового состава слова — основная часть орфографии, к которой относится большинство орфографических правил. Именно эти правила в наибольшей степени в сравнении с другими частями орфографии соответствуют буквенно-звуковому типу современного русского языка и восходят к морфологическому принципу написания, который в целом является основным в русской орфографии и обеспечивает достижение единства в написании слов.

Морфологический принцип орфографии определяется обычно как принцип, при котором правильное, или единообразное, написание слов достигается путем единообразной передачи звуков, составля-

ющих морфему, независимо от их фонетических позиций в слове (*волы, воловий* так же, как *вол*) или путем сохранения на письме буквы, выбранной словарно, во всех словах, включающих эту морфему (*топор, топорный, топорище*). Вместе с тем в русском языке реализуются и другие принципы орфографии: фонетический, в соответствии с произношением (например, в написаниях типа *соль, сам, сыграть*), исторический, или традиционный (например, в написаниях типа *шил, жил, час*).

Русская орфография сложилась на основе старославянской письменной традиции, которая заключалась в реализации написаний, в основном соответствующих произношению. Об этом свидетельствует введение авторами в древние славянские азбуки новых письменных знаков, необходимых для передачи звуков, присущих именно древней славянской речи (редуцированные, носовые, йотированные). Кроме того, произношение гласных после согласных (по закону открытого слога) и сравнительно позднее развитие редукции гласных в безударных позициях (аканья и его разновидностей) позволяют предположить, что традиционно единообразная передача всех морфем в слове, характерная для старославянской письменности и унаследованная древнерусской письменностью, сближала древнерусскую орфографию с фонетическим письмом.

В XII—XVII вв. в фонетической системе русского языка произошли значительные изменения: падение редуцированных *ть* и *ь*, развитие аканья, совпадение *е* [э] и *ѣ* [ê]. Это привело к тому, что правописание стало существенно отличаться от произношения. Произношение начинало влиять на письмо, под его воздействием появились, например, написания *здравъ* вместо *създравъ, гдѣ* вместо *къдѣ*. Но при этом вначале, очевидно, стихийно, а затем и целенаправленно возрастала роль морфологического единообразия в передаче гласных и согласных в составе корней, суффиксов, приставок и окончаний в сильной и слабой позициях (после падения редуцированных и развития явления аканья сильной позицией для гласных становится положение под ударением, а для согласных — позиция перед гласными, сонорными и [в]).

Орфографическая система современного русского языка представляет собой довольно сложную совокупность орфографических правил, на первый взгляд мало связанных между собой. Для ее исторического комментирования необходимо избрать определенный порядок рассмотрения правил орфографии. В силу того, что русское письмо относится к типу буквенно-звукового, а основной проблемой орфографической правильности является передача звукового состава слова буквами, представляется целесообразным рассмотреть

правила употребления букв для обозначения гласных и согласных звуков в слабых позициях в составе разных морфем слова, чтобы уяснить лингвистические основы этих правил и их обусловленность историческими изменениями русской языковой системы¹.

1. ГЛАСНЫЕ В КОРНЕ

БЕЗУДАРНЫЕ ГЛАСНЫЕ, ПРОВЕРЯЕМЫЕ УДАРЕНИЕМ

Трудность обозначения гласных корня в безударном положении возникла в русской орфографии в связи с развитием в истории русского языка явления аканья (редукции безударных гласных [e], [o], [a]), которое получило заметное отражение в исторических письменных памятниках начиная с XIV—XV вв. В соответствии с древней тенденцией русского письма к сохранению единства написания морфем (морфологический принцип) в современной русской орфографии закрепилось написание букв, обозначающих соответствующие звуки в сильной позиции: *ломать* (ломкий), *бросок* (бросу), *могу* (смог), *разрядить* (разрядка), *посадить* (посадка), *большой* (больше), *заменить* (обмен), *проводить* (проводка), *роверять* (верить), *скрепить* (крепкий), *седой* (сед) и др.

Особую группу представляют омоформы, возникшие в связи с развитием аканья и неразличением ряда гласных в безударном положении, например: *полоскать* (полощет белье) — *поласкать* (ласка), *спеши* (успех) — *спиши* (записка), *разредить* (редко) — *разрядить* (разрядка), *посветить* (свет) — *посвятить* (свято), *примерять* (мерка) — *примираять* (мир), *умолять* (молим) — *умалять* (мало) и др., так как в этих случаях необходимо уделять особое внимание значению проверочных слов.

ТРУДНОПРОВЕРЯЕМЫЕ И НЕПРОВЕРЯЕМЫЕ БЕЗУДАРНЫЕ ГЛАСНЫЕ

Затруднения в подборе проверочных слов, необходимых для установления характера безударного гласного, в определенной мере имеют субъективный характер и зависят от филологической компетен-

¹ Такой порядок исторического комментирования орфографических правил представлен в книге Л. А. Глинкиной и А. П. Чередниченко [7, с. 149—153].

ции носителей языка (объем словарного запаса, знание других языков, образование, профессия, возраст). Тем не менее, по разным источникам, исторические (или словарные, традиционные) написания охватывают от 4 до 15 % общего состава орфографического словаря, а школьные учебники по русскому языку предлагают для запоминания 120 иноязычных и 70 русских слов с непроверяемыми гласными в корне [7, с. 131]. Поэтому вопрос о том, возможно ли и каким образом проводить поиск и подбор родственных слов, включающих гласный корня в сильной позиции, заслуживает внимания.

Главной причиной того, что слово относится к числу «орфографически непроверяемых», является то, что оно не имело или со временем утратило различного рода исторические связи (фонетические, словообразовательные, семантические) с родственными словами. Это состояние характерно, прежде всего, для исконнорусской лексики, хотя и для заимствований можно в отдельных случаях восстанавливать утраченные этимологические связи.

Таким образом, для решения трудной и важной в орфографическом отношении проблемы труднопроверяемости или непроверяемости безударных гласных актуальным является обращение к истории языка в целях установления происхождения слова, способа его образования, морфемной структуры, семантики, истории звукового состава. Эти задачи могут быть решены на основе словообразовательно-этимологического анализа с привлечением данных исторической лексикологии, современных диалектов и данных близкородственных славянских языков¹.

ТРУДНОПРОВЕРЯЕМЫЕ БЕЗУДАРНЫЕ ГЛАСНЫЕ В РУССКИХ СЛОВАХ

В кругу исконно русской лексики разрушение словообразовательных гнезд, словообразовательных цепочек и утрата родственных слов могли происходить в силу фонетических изменений в составе слова. Так, принимая во внимание такую фонетическую закономерность праславянского периода, как упрощение группы **bв > в*, можно установить у слова *баранка* (< **обваранка* ‘обваренное тесто’) родственную связь с корнем *-вар-* (*варка*), что подтверждает исконность гласного [а] в первом безударном слоге современного слова.

¹ В изложении этого вопроса использованы материалы словаря-справочника Л. А. Глинкиной [8].

На основе той же фонетической закономерности проясняется внутренняя форма слова *обиняк* ‘намек, недомолвка, словесная увертка’, уже устаревшего, но сохраняющегося в составе устойчивых выражений *говорить обиняками, без обиняков, обиняком*. Будучи нечленимым в современном языке, исторически это слово восходит к праславянскому и древнерусскому корню *-ви-* со значением ‘вить’, что позволяет привлечь слова этого корня с ударным гласным [и] в качестве проверочных для написания в слове *обиняком* буквы и.

Фонетическим упрощением группы *-бв-* вызвана утрата словообразовательной членности слова *обетовáнная* в составе устойчивого сочетания, старославянского по происхождению, *земля обетовáнная* со значением ‘изобильный и счастливый край, куда кто-нибудь стремится попасть’. Это затрудняет вопрос об обозначении безударного гласного в корне. Восстановливая исконную структуру производящей основы *обѣт-* со значением ‘обязательство, торжественное обещание’ от **-вѣт-* ‘говорить, обещать’, мы тем самым получаем возможность проверить правильность написания буквы е в корне этого слова.

Обращение к истории носовых гласных в праславянском и древнерусском языках оказывается необходимым для того, чтобы уяснить закономерность обозначения буквой и безударного гласного в корне *-(н)им-* глаголов несовершенного вида, чередующегося с корнем *-(н)’а-* глаголов совершенного вида, типа: *внимать — внять, принимать — принять* (а также при сочетании этих корней с приставками *до-, за-, из-, на-, от-, об-, по-, пере-, при-, с-, у-*, которые в современном языке представляют в словообразовательном отношении «связанные» основы). Чередование корней *-(н)им-/-(н)’а-* исторически обусловлено закономерностью сохранения сочетания гласного с носовым согласным в открытом слоге (перед гласным) и развитием носового гласного на месте такого сочетания в закрытом слоге, а также последующего развития носового гласного в древнерусском языке в гласный [’а].

Особый случай связи фонетических явлений с проблемой обозначения безударных гласных в корне представлен в написании слов с полногласными сочетаниями *оро, оло, ере*. Эти слова образуют заметную в количественном отношении лексическую группу: 2335 слов с полногласием в корнях и 2490 слов с полногласием в приставках [7, с. 136]. В словах с корневым полногласием далеко не в каждом случае исконный гласный может быть установлен путем подбора слов с гласными в сильной позиции, как, например, в следующих случаях: *холод — холодный, голод — голодный*. Чаще всего ударным оказывается один из двух одинаковых гласных, а проверка второго

не всегда возможна: *корова, мороз, берег, дорога* и др. Но сам факт выявления полногласия в корне слова уже является достаточным основанием для правильного обозначения безударных гласных. Поэтому важно обратить внимание на те условия, которые необходимы, чтобы установить полногласие в корнях. Это, прежде всего, соотносительность полногласных и неполногласных лексем, которая широко распространилась в русском языке в связи с влиянием на него старославянского языка, характеризующегося неполногласием, например: *сторона — страна, голова — глава, дерево — дрессина, волос — власяница, берег — прибрежный* и др. При этом следует обратить внимание, что в литературном языке нередко закреплялись слова с неполногласными корнями, а слова с полногласием можно обнаружить в диалектной речи, в других родственных языках, в составе топонимических названий, например: *враг —* *диал. ворог, бел. вораг; срам —* *диал. сором, бел. сорам; благо —* *рус. Бологое (топоним), бел. балазе; награда —* *диал. нагорода, бел. узнагорода* и др. Следует также помнить, что слова с полногласными и неполногласными корнями иногда переживали семантические изменения и расхождение по смыслу. Например, в современном языке имеют разные значения слова *порожний* (диал.) ‘пустой’ и *праздный* ‘не занятый работой’, *огород* ‘земельный участок для выращивания овощей’ и *ограда* ‘изгородь’ и др. Для объединения таких слов в пары по фонетическому признаку полногласия и неполногласия необходимо установить, имеют ли их значения смысловую общность. Надо в связи с этим иметь в виду, что в некоторых случаях слова, имеющие общий корень (подробнее об этом см. в разделе «Фонетика»), утратили смысловую общность, например: слова *теребить* и *потребление, череда и учреждение, дорога и подражатель*, смысловые связи между которыми стали только историческими. Тем не менее фонетический признак полногласия в соответствии с неполногласием остается основанием для проверки орфографической правильности обозначения безударных гласных в корне слова.

Важную роль в успешном поиске проверочных слов играет глубокое внимание к их семантике. Внимание к тем значениям, которые определяют выражаемое понятие, облегчает подбор слов для проверки написания безударных гласных. Приведем несколько примеров этого: *запад, западня — падать; забияка — бить; закорючка — корень; зиять — разиня; лишай — лихо; мятеж — сумятица; покровитель — кров, кровля* и др. Анализируя признаки обозначаемых понятий и свойства тех предметов, лиц и явлений, которые соответствуют этим понятиям, в приведенных примерах (как

и во многих других) можно даже и без глубокого этимологического анализа обосновать лексическое родство установленных групп однокорневых слов.

Вместе с тем анализ значения слова не всегда решает проблему поиска проверочного слова. Дело в том, что важным фактором, затрудняющим поиск родственных слов для орфографической проверки, является разрыв лексических связей между однокорневыми словами в связи с **семантическими изменениями**. Они состоят, прежде всего, в забвении (деактуализации) первичного значения и приводят к переосмыслению, т. е. к развитию новых значений, только косвенно и исторически связанных со смыслом, составляющим внутреннюю форму слова и указывающим на признак, положенный в основу названия.

Установление внутренней формы слова играет важную роль в проведении словообразовательно-этимологического анализа, так как помогает найти тот круг родственных слов, которому принадлежит слово, служащее объектом изучения.

Определить внутреннюю форму слова, т. е. признак, положенный в основу названия, помогает знание истории слова. Так, из истории русской лексики известно, что слово *копейка* ‘денежная единица, одна сотая рубля’ вошло в употребление с XV в. и возникло в связи с изображением на монете великого князя с копьем в руке. Установленный факт лексического родства со словом *копье* позволяет обосновать орфографически правильное буквенное обозначение безударного гласного в корне: *копейка* — *копье* — *копъя*.

На связь с родственными словами может указать анализ семантической структуры слова, в особенности если оно выражает понятие, недостаточно широко известное в современной речи. Так, из словарного определения слова *мочало* мы узнаем, что это слово имеет значение ‘вымоченная лубяная часть коры молодой липы, разделенная на узкие полоски-волокна, идущие на изготовление рогожи, кулей’. Поэтому закономерно сопоставление этого слова с общеславянским и русским корнем *мок-*, откуда и подбор слов *мокрый*, *мокнуть* в качестве проверочных. В некоторых случаях установлению родственных лексических связей, очевидно, может мешать изменение в восприятии того или иного предмета. Так, слово *рябина* восходит к корню **-рлб-* со значением ‘пестрый, рябой’, а в современном восприятии слова *рябина* это признак оказался второстепенным¹.

¹ Словарь современного русского языка определяет значения слов-омонимов следующим образом: *рябина* — 1) дерево с оранжево-красными плодами; 2) щербина на лице, теле.

Поэтому и оказался затрудненным поиск слов *рябь*, *рябчик* для проверки написания безударного гласного в корне.

Чаще всего установление однокорневых слов затруднено тем, что современное значение слова является результатом семантического сдвига в сравнении со значениями однокорневых слов, восходящих к древнему корню, особенно если этот сдвиг сопровождается фонетическим преобразованием звуков корня. В этом отношении интерес представляет слово *истязать*. Заимствованное из старославянского языка, это слово в значении ‘жестоко мучить (физически или нравственно)’ производно от древнего общеславянского корня **-тλг-* (с носовым гласным), к которому восходит в русском языке глагол *мягать* с первоначальным конкретным значением физического действия. Значение современного глагола *истязать* является результатом развития переносного употребления этого слова в значении ‘вытягивать пытками’, поэтому как проверочные для обозначения безударного гласного могут быть привлечены слова *мяга*, *вытягивать*.

В другом случае проверочным для написания слова *осязать* в значении ‘воспринимать с помощью прикосновения’ (а также его производных *осязание*, *осязательность*, *осязательный*) может выступать слово *присяга*, так как все эти слова восходят к древнему общеславянскому корню **-слг-* со значением ‘прикреплять, покрывать, доставать, хватать’. Однокоренное слово *присяга*, как и слова с этим же корнем *посягать*, *сажень*, претерпело семантические изменения: или в результате обобщения первоначального конкретного значения физического действия (*присяга*, *посягать*), или в результате развития предметного значения на основе понятия о физическом движении (*сажень*¹).

Восстановление разорванных лексических связей, связанных с семантическими изменениями в структуре слова, часто происходит при обращении к фактам древнерусского языка. Целый ряд слов, непроверяемых с точки зрения современного языка, «обретают родственников» в истории языка, что позволяет обнаружить среди них проверочные слова. Так, например, слова *скорняк*, *заскорузлый*, *скорлупа* с непроверяемым безударным гласным в корне *-скор-* являются в историческом плане производными от древнерусского слова *скора* ‘кожа, шкура’, утраченного в современном языке. С древнерусским словом *коло* ‘колесо’ отношениями словообразования

¹ Слово *сажень*, в современном языке устаревшее, долгое время употреблялось как название меры длины (настолько, насколько достанет рука человека).

связаны слова *кольцо*, *кольчуга* ‘воинские доспехи, сделанные из колец’, *коляска*. Правда, следует отметить, что относящееся к этому лексическому гнезду слово *калач* в своем буквенном облике отразило влияние акающего произношения; аналогичные этому случаи расхождения этимологии и написания известны еще в некоторых случаях.

Утрата родственных связей происходила также в связи с переосмыслением производных слов, например: слово *корица* представляет собой уменьшительное образование от слова *кора*, у которого развилось новое значение ‘пряность, высушенная кора коричных деревьев’, но в орфографическом отношении сохраняет проверяемость словом *корка*.

Современное слово *озорной* является родственным с древнерусским *зорь* в значении ‘разорение’, слово *маяк* образовано от древнерусского *маяти* в значении ‘махать, развеваться’. Написание слов *коварный*, *коварство*, *заковыристый* определяется ранее существовавшим в древнерусском языке словом *ковъ* со значением ‘злой умысел’ (вторичным по отношению к семантике однокорневого древнерусского глагола *ковати* и его производных *кузнец*, *козни*, *оковы*, *подкова*, известных и современному языку).

Трудными с точки зрения определения характера безударных гласных в корне являются современные слова *обаяние* и *наваждение*. В первом случае образование слова связано с древнерусским *баяти* ‘колдовать, ворожить’ (к этому же корню принадлежат слова *байка*, *басня*, *краснобай*); в современном языке у слова развилось переносное значение ‘очарование’. Другое слово *наваждение* ‘то, что внушено злой силой’ восходит по образованию в старославянском языке к общеславянскому корню **-вад-* ‘манить, обманывать’, представленному также древнерусским словом *вадьба* ‘клевета’. Следует отметить также употребление в диалектной речи слова *навада* в значении ‘снобождение, искушение, обман чувств’.

Богатым и надежным источником сведений об утраченных в русском литературном языке словах, которые могут пополнить разрушенные со временем словообразовательные гнезда, являются русские диалекты и близкородственные языки — белорусский и украинский. Так, в диалектах представлены слова *деръ* ‘рваная одежда’ —ср. лит. *дерюга*; *отщепок* ‘осколок, щепка’ —ср. лит. *отщепенец*; *зенки* ‘глаза’ —ср. лит. *зеница*; *ляга* ‘нога’ —ср. лит. *лягушка*. Во всех случаях диалектные слова представляют сильную позицию гласного, который в литературном слове с этим же корнем находится в слабой позиции и поэтому требует проверки.

В качестве проверочных для написания слов *багульник* ‘болотное растение’, *корзина* могут быть представлены восходящие к общеславянским корням слова *багна* ‘болото’ в белорусском языке и слово *корзати, корзити* ‘плести, морщить’ в украинском языке.

В целях обоснования орфографической правильности слов следует также учитывать образование слов путем сложения основ или частей слов, например: *комбат* — *командир батальона* (*батареи*), *кожимит* — *имитация кожи*.

ОТРАЖЕНИЕ НА ПИСЬМЕ АКАЮЩЕГО ПРОИЗНОШЕНИЯ

Особую группу труднопроверяемых гласных в исконно русских словах составляют слова, написание которых подверглось воздействию акающего произношения и не соответствует морфологическому принципу русской орфографии — сохранению единства в передаче морфемного состава слова.

Аканьем называется такой способ произношения безударных гласных, свойственный современной устной русской речи, при котором происходит некоторое сокращение (редукция) и совпадение в одном звуке безударных гласных [е], [о], [а]. Аканье развились в русском языке относительно поздно. Вначале это было диалектное явление, возникшее на юге русских земель, которое с течением времени распространилось на север и стало нормой русского литературного произношения.

В связи с основным морфологическим принципом, который был положен в основу древнего славянского письма и по традиции воспринят русской письменностью, русскую орфографию можно назвать «окающей», т. е. сохраняющей написание одних и тех же букв для обозначения ударных и соответствующих им безударных гласных. Но в отдельных случаях в написание слов могло проникать акающее произношение, которое закреплялось орфографией. В таких случаях необходим словообразовательно-этимологический анализ, который помогает установить исконный звуковой состав таких слов.

Приведем отдельные слова, в которых написание буквы *а* не соответствует морфологическому принципу орфографии, а является фонетическим [16, с. 57—58]:

- *балаболка* — восходит к *болоболка*, так как образовано как звукоподражательное слово путем удвоения корня *-бол-* **болболка*;
- *балагур, балалайка, баламут* — содержат диалектный корень *-бал-* ‘говорить’ и представляют собой сложения при помощи сое-

динительного гласного -о- с диалектным корнем *-гур-* ‘рассказывать’, со словами *байка* (отсюда *балалайка*), *муть* (ср. *возмутить*);

- *баян* — результат переосмысления имени собственного *Боянъ*, принадлежащего древнерусскому сказителю и гусляру, упоминаемому в «Слове о полку Игореве»;

- *ватрушка* — восходит к др.-р. *вотрожъка*, которое является результатом метатезы в слове *творожъка*;

- *забота* — восходит к др.-р. *зобота*, однокорневому со словом *зобъ* ‘пища, еда’, ср. совр. *зоб*;

- *завтракать* — восходит к *заутрокъ* < *заутръкъ* с суффиксом *-окъ*, производному от др.-р. *заутра*;

- *каравай* — восходит к *коровай*, производному от *корова*;

- *каракатица* — восходит к *корокатица*, однокорневому с др.-р. *корокъ* ‘нога’, ср. совр. *окорок*; к тому же корню относится *карачки* — из др.-р. *корочки*;

- *карапуз* — результат выпадения слога в сложном древнерусском слове *коротопуз*, образованном при помощи соединительного гласного -о- от корней *-корот-* и *-пуз-*;

- *ладонь* — из др.-р. *лодонь*, возникшему в результате метатезы на месте др.-р. *долонь*, ср. ст.-слав. *ձլնь*;

- *лапта* — восходит к др.-р. *лопта*, производному от корня *-лоп-*, от того же корня образованы *лопата*, *лопух*;

- *махровый* — образовано от *мохра* < *мох*;

- *славяне* — восходит к др.-р. *словъне*, производному от *слово*.

Список таких слов является далеко не исчерпывающим.

НЕПРОВЕРЯЕМЫЕ И ТРУДНОПРОВЕРЯЕМЫЕ БЕЗУДАРНЫЕ ГЛАСНЫЕ В ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВАХ

Иноязычные слова представляют собой наибольшую трудность в отношении поиска проверочных слов, так как входят в заимствующий язык, как правило, поодиночке и не образуют лексических групп, которые воспринимались бы как родственные, даже будучи объединены общностью корня. Заимствованные в разное время и из разных языков или при посредстве других языков, иноязычные слова в русском языке оказались разобщенными как по внешней форме, так и по значению, например: *салют* — *залп*; *паштет* — *паста*; *плакат* — *планка*; *шкала* — *эскалатор*, *эскалация*; *дикант* — *кантата* и др. [7, с. 132].

Однако следует принять во внимание, что изучение родного языка будет наиболее успешным при его систематическом соотноше-

нии как с близкородственными, так и с неблизкородственными языками. Поэтому полезно рассмотреть возможность использования приемов этимологического анализа иноязычных слов, чтобы выработать навыки орфографической правильности, которые не только опирались бы на зрительное и механическое запоминание буквенного состава слова, но и были бы по возможности лингвистически мотивированными. Достижение таких результатов может быть облегчено, если выделить некоторые признаки иноязычной лексики, отражающие межъязыковые связи и отношения русского языка в течение его многовековой истории.

Нередкое звуковое сходство или совпадение корней русских и заимствованных слов исторически может быть объяснено как след древней индоевропейской языковой основы, к которой восходит и современный русский язык. Так, неслучайным оказывается звуковое сходство русского слова *десять* и таких заимствований, как *декабрь*, *декада*, *декан*, если заметить, что *декабрь* — заимствованное латинское название десятого месяца (по римскому календарю), *декада* имеет значение ‘промежуток времени в десять дней’, заимствованное в сравнительно позднее время из немецкого языка слово *декан* имеет своим первоисточником производное в латинском языке образование от слова *decem* ‘десять’ со значением ‘десятник, старший над десятью солдатами, старший среди десяти монахов’. Ознакомление с этими историческими сведениями о значении заимствованных слов делает мотивированным обращение к слову русского языка *десять* с ударным корневым гласным как к опорному для обоснования орфографической правильности написаний *декабрь*, *декада*, *декан*.

Таким же образом, прибегая к анализу значения иноязычного слова в сопоставлении со значением его прототипа в древних или новых индоевропейских языках, а также с его употреблением в русском языке, можно рассматривать звуковое сходство корней этих слов как основание проверить написание безударного гласного в корне иноязычного заимствования в следующих случаях:

- *ветеран* ‘старый опытный воин или работник’ и рус. *ветхий*, восходящее к праславянскому корню *-вет-* ‘старый’;
- *витамин* ‘необходимое для жизни органическое вещество’ (а также гнездо производных слов *витаминный*, *витаминизовать*, *витаминоз*) и рус. *обитель*, восходящее к праславянскому корню *-вит-* ‘жить, пребывать, присутствовать’;
- *диссидент* ‘инакомыслящий’ (а также *диссидентка*, *диссидентский*, *диссидентство*, *диссидентствовать*), восходящее к латинскому *dissidens*, значащему в буквальном смысле ‘сидящий с другой стороны’, и рус. *сидя* с древним праславянским корнем *-сид-* ‘сидеть’;

- *котлета* ‘лопешка из молотого мяса’, заимствованное из французского языка в XVIII в. *côtelette* и восходящее к латинскому *costa* ‘ребро’, и рус. *кость* с древним праславянским корнем *-кост-.

Обоснованию правильности написания безударных гласных в заимствованных словах могут служить также заимствованные слова с ударным гласным, этимологически родственные проверяемым. Последнее удается установить в случае семантической близости заимствованных слов и звукового сходства или совпадения их корневых морфем, если даже мы имеем дело с заимствованиями разного времени. Так, например, обосновано сопоставление слова *глазурь* ‘блестящий стекловидный сплав’, заимствованного из немецкого языка в XVIII в., и давнего заимствования из немецкого в русский *глаз* ‘глаз, око’, которые в обоих случаях имеют общий первоисточник нем. *glas* ‘стекло’. Отношения этимологической общности заимствований из европейских языков, которые, будучи мотивированы в языке-источнике словами с одним и тем же корнем, вошли в русский язык с разными значениями и в разных звуковых оболочках, привлекают внимание тем, что некоторые из них имеют ударные корневые гласные, а другие — неударные. Приведем некоторые из них:

- *градация* ‘последовательность, постепенность в переходе от одного к другому’ — от лат. *gradus* ‘шаг, степень’, ср. рус. *градус*, *градусник*, *градуировать*;
- *декламация* ‘искусное чтение художественного текста’ и *прокламация* ‘листовка, агитационный листок политического содержания’ — в обоих случаях от лат. *clamare* ‘кричать, произносить, требовать’ с приставками *de-*, *pro-*, ср. рус. *реклама*;
- *колорит* ‘соотношение красок в картине по тону, насыщенности цвета’ — от лат. *color* ‘цвет, краски’, ср. рус. *цвет*, *краска*’;
- *компенсация* ‘вознаграждение, возмещение за что-нибудь’ — восходит к лат. *pendo* ‘взвешивать’ с приставкой *com-* ‘с, вместе’, ср. рус. *пенсия*;
- *корсаж* ‘верхняя часть женского платья’, *корсет* ‘жесткий пояс, охватывающий верхнюю часть туловища, надеваемый в лечебных целях’, — в обоих случаях восходит к лат. *corpus* ‘тело’, ср. рус. *корпус*;
- *кортеж* ‘торжественное шествие, процессия’ (из фр. *cortège*) — от лат. *cohors* (арх. *cors*) ‘когорта, свита’ — ср. рус. *эскорт* ‘военный конвой’;
- *папироса* ‘бумажная гильза с табаком для курения’ — восходит к греч. *papyros* ‘папирос’, ср. рус. *папирус*;

• *педаль* ‘ножной рычаг в машинах, музыкальных инструментах’ — восходит к лат. *pes* ‘нога’, с этим же корнем *педикюр* ‘уход за ногтями на ногах’, ср. рус. *мопед, велосипед*;

• *пластилин* ‘материал для лепки’ — восходит к греч. *plastos* ‘вылепленный, лепной’, ср. рус. *пластика, пластичный*.

Этимологически родственная группа слов, представляющих в русском языке заимствования с латинским корнем *-serv-* ‘служить, сберегать, охранять, соблюдать’ (*консерватор, консерватория, обсерватория, сервант, сервис, резервация, резервуар*), имеет проверочные слова *консервы, сервис, резерв* (произношение в корневой части глухого или звонкого согласного было обусловлено разными путями заимствования слов с общим для них корнем — при посредстве немецкого или французского языка).

Для выработки навыков правильного написания иноязычных слов в отдельных случаях полезно ознакомиться с их прототипами в языке-источнике, чтобы сделать необходимое во многих случаях запоминание осмысленным. Так, именно внимание к слову в языке-источнике, к его морфемной и семантической характеристике позволяет объяснить различие в написании безударной гласной в словах *компания* и *кампания*, имеющих разные значения. Слово *компания* ‘общество людей, объединенных чем-либо (делом или способом времяпрепровождения)’, заимствованное в XVIII в. через польский из народной латыни, восходит к лат. *compania* ‘общество’, образованному сложением приставки *com-* ‘вместе’ и существительного *panis* ‘хлеб’. Слово *кампания* ‘поход, совокупность военных или общественно-политических операций’, заимствованное также в XVIII в. через польский из французского, восходит к лат. *campus* ‘открытое поле, поле сражения, сфера деятельности’.

Применение сравнительно-этимологического анализа заимствованных слов в целях поиска опоры для проверки безударных гласных и осмысленного запоминания их написания может решить еще одну важную методическую задачу — обогащение словарного запаса учащихся и расширение их познавательной деятельности.

ЭТО ИНТЕРЕСНО

У древних римлян существовал обычай: перед тем как основать город, проводили черту, т. е. границу, на земле как раз там, где предполагалось построить городскую стену.

Черту эту обычно пропахивали плугом, а в том месте, где должны были находиться городские ворота, землю не вспахивали, а плуг проносили над воображаемыми воротами.

Porto — несу, *portus* — ворота, а в русском *порт* — ворота в море. Отсюда *порт* — первоначально удостоверение на право судна войти в порт и выйти из порта; затем документ, удостоверяющий личность [1].

БЕЗУДАРНЫЕ ЧЕРЕДУЮЩИЕСЯ ГЛАСНЫЕ О/А, Е/И В КОРНЯХ

В русском языке выделяется небольшая группа корней слов (20 корневых морфем), для которых характерно чередование гласных *o/a*, *e/u*, при этом не только в безударных позициях, но в некоторых корнях также в ударном положении. В целях систематизации правил написания слов с такими корнями выделим несколько групп, написание гласных в которых определяется следующими факторами:

- ударением: под ударением всегда **а**, в безударном положении — **о**: *-гор-/-гар-*, *-клон-/-клан-*, *-твор-/-твар-*, *-зор-/-зар-*, *плов-/-плав-* (с некоторыми исключениями);
- суффиксом *-а-* в составе слов с этими корнями, что определяет написание в корнях **и** или **е**: *-бер-/-бира-*, *-блест-/-блеста-*, *-дер-/-дира-*, *-жег-/-жига-*, *-мер-/-мира-*, *-пер-/-пира-*, *-стел-/-стила-*, *-тер-/-тира-*, *-кос-/-каса-*, *-лож-/-лага-*;
- характером согласных в составе корней: *-рос-/-раст-/-ращ-*, *-скоч-/-скак-* (с некоторыми исключениями);
- значением слов с корневыми морфемами: *-ровн-/-равн-* (с одним исключением), *-мок-/-мак-*.

Но предложенная классификация орфографических правил, определяющих способ обозначения корневых гласных в перечисленных морфемах, не всегда соответствует тем историческим условиям, под влиянием которых складывались приемы обозначения гласных корня на письме, ставшие уже традиционными.

С исторической точки зрения достаточно четкое объяснение получают чередования гласных *o/a*, *e/u* в корнях первой группы *-гор-*, *клон-*, *-твор-*, во всех корнях второй группы, в корне *-скоч-* третьей группы. В этих морфемах представлены древнейшие чередования гласных по краткости-долготе, которые вначале были фонетическими чередованиями праславянского языка. Со временем эти фонетические различия были использованы для выражения грамматических значений. Различие глагольных корней (а все представленные корневые морфемы являются глагольными) с чередованиями звуков *o/a* и *e/u* лежало в области выражения различных способов дей-

ствия: однократности, длительности, мгновенности, одно- или разнонаправленности действия. Именно на их основе формировались новые видовые значения глаголов совершенного и несовершенного вида. В качестве языковых средств выражения длительности, много-кратности действия выступали древние праславянские звуки [а], [и], которые возникли как результат удлинения кратких гласных [о], [ъ].

При этом следует пояснить, почему гласный [е] оказался включенным в состав рассматриваемых чередований гласных [о], [а], [и]. Дело в том, что у глаголов древнего происхождения наблюдалось чередование корневого гласного [е] в основе настоящего времени — *беру* и редуцированного гласного [ъ] в форме инфинитива — *бърати*. Глаголы со значением длительности действия образовывались от основы инфинитива с редуцированным гласным путем его удлинения в гласный [и] — *бирали*. Так возникло тройное чередование *е/ъ/и* в формах однокорневых глаголов в древнерусском языке (*беру* — *бърати* — *бирали*), следом которого в современном языке в связи с утратой редуцированного представлено чередование *е/и*.

Чередование в корне *-плов-/-плав-* также напоминает о существовании в древнерусском языке парадигм двух глаголов, обозначавших разные способы действия: *плути*, *плову* со значением ‘плыть’ (однонаправленное действие) и *плавати*, *плаваю* со значением ‘плавать’ (действие разнонаправленное). Древний глагол *плути* и его формы были вытеснены сравнительно поздно утвердившимся глагольным новообразованием *плыть*, *плыву*, а след формы глагола *плути* — *плову* сохранился в корнях слов *пловец*, *пловчиха*, *пловучий* (последнее слово недавно писалось именно так). Но написания сокращений *пловучий кран*, *пловучие средства* — *пловкран*, *пловсредства* — не прижились в русском письме, и орфографической нормой стало написание в корне слова *пловучий* буквы *а*.

Чередование *-зор-/-зар-* относится к древнейшему индоевропейскому чередованию гласных переднего и непереднего ряда, долгих и кратких, в состав которого входили древние звуки **e/o/a/ъ/ь*. К этому древнему корню в русском языке восходят такие слова, как *обзор*, *зоркий*, *зрение*, *озираться*, *зрелище*, *зарево*, *зарница*, *зоревать*, *зорька*, *позариться* и др. Но в слове *заря* проявилось воздействие акающего произношения, поэтому написание безударной гласной в корне этого слова нельзя проверять при помощи ударяемого гласного в слове *зори*.

Чередование гласных *о/а* в корнях *-рос-/-раст-/-ращ-/-равн-/-ровн-* с исторической точки зрения объясняется сосуществованием в современном русском языке исконно русских и старославянских лек-

сем, восходящих к древним праславянским начальным сочетаниям **orcst-*, **orv-*, которые развивались как сочетания типа *ro* на восточнославянской почве или *ra* на южнославянской. Об этом свидетельствуют также семантические различия слов с корнями *-равн-* и *-ровн-*. Наличие исключений, которые сосредоточены как раз вокруг написаний гласных в корнях первой, третьей и четвертой групп, подтверждают исторический, или традиционный, характер таких написаний в сравнении с написаниями безударных гласных второй группы, последовательно реализующих морфологический принцип как основной в русской орфографии с древнейшей поры.

БЕЗУДАРНЫЕ ГЛАСНЫЕ ПОСЛЕ ШИПЯЩИХ И Ц

Обозначение безударных гласных после шипящих и ц представляет особую проблему с точки зрения исторического комментирования в связи с историческими изменениями свойств согласных выделенной группы.

Древнерусские шипящие [ш], [ж] были исконно мягкими в силу своего развития в результате праславянских процессов смягчения разных групп согласных. Их мягкость не зависела от качества последующего гласного, поэтому в древнерусской орфографической системе после шипящих было возможно обозначение всех гласных звуков (нейотированных). После отвердения шипящих [ш], [ж] в XIV в. сохранилось написание после них гласных и, а, у, при этом написания жи, ши из фонетических превратились в исторические, или традиционные.

Исконно мягкий древнерусский звук [ц] отвердел несколько позже, в XVI в. В соответствии с этим в современной орфографии принято написание цы в суффиксах и окончаниях исконно русских слов (*огурцы*, *курицын*) и сохранены написания ци, це в морфемах русских и заимствованных слов, за исключением нескольких русских корней с написанием цы (циган, цыпленок и др.).

Особый случай обозначения гласных после шипящих и ц составляет выбор букв о или е в связи с тем, что в древнерусском языке XII—XV вв. происходило изменение гласного [е] > [о] в положении после мягких, в том числе и после шипящих, перед твердыми согласными. Произношение ['о] на месте [е] широко известно в современной устной речи и является трудным вопросом орфографии, так как правило выбора буквы о или е (ё) требует поиска родственных слов, связи между которыми нередко оказываются нарушенны-

ми (чечётка — нечет, жёлчь — желтеть, сажёнки — сажень и др.). Этот вопрос осложняется и тем, что написание букв **о** или **е** после шипящих и **ц** определяется разными правилами в зависимости от характера морфемы (корневая, суффиксальная или флексивная) и от принадлежности слова к определенной части.

ОБОЗНАЧЕНИЕ НАЧАЛЬНОГО ГЛАСНОГО [И] ПОСЛЕ ПРИСТАВОК

Отступление от морфологического принципа написания гласных проявляется в обозначении начального гласного [и] после приставок, оканчивающихся на твердый согласный (*предыстория, безызвестный* и др.).

В русском языке гласному звуку [ы] неприсуща позиция в начале слова. В древнерусскую эпоху, когда в конце приставок произносился редуцированный гласный (ср. *безъ, надъ, объ, отъ, черезъ* и т. п.), сочетание согласного приставки и начального гласного [и] корня было невозможно. Но после утраты редуцированных и произношения гласного [и] после твердого согласного происходила асимиляция гласного твердым согласным, что и означало изменение [и] в [ы]. Таким образом и утвердилось фонетическое написание буквы **ы** в данных случаях, хотя это правило имеет непоследовательный характер: соответствующее морфологическому принципу написание буквы **и** на стыке приставки и корня сохранилось после приставок более позднего происхождения, после иноязычных приставок и в составе сложных слов (*сверхизящный, контригра, мединститут*).

2. ГЛАСНЫЕ В ПРИСТАВКАХ

Безударные гласные в приставках передаются на письме в соответствии с морфологическим принципом русской орфографии. Варьирование приставок, которые оканчиваются на согласный: *раз-/разо-, под-/подо-, от-/ото-, об-/обо-, над-/надо-* (*разлить — разорвать, подходить — подойти, отдать — отобрать, обрезать — обозвать, надписать — надобрать*), возникло в истории русского языка в связи с вокализацией редуцированных, произносившихся в конце большинства древнерусских приставок этого типа, или в силу действия морфологической аналогии (если этимологически редуцированный в конце приставки отсутствовал). Приставка *воз-* (на

месте древнерусской приставки *въз-*) имеет по тем же причинам в современном языке варианты *возо-, вз-, взо-* (*возвести, взбежать, взойти*).

Приставки *пра-* и *про-* различаются по значению и по степени распространенности. Приставка *пра-* имеет значение ‘древний, первоначальный’ и употребляется в немногих словах, при этом нередко наблюдается перенос ударения на приставку: *прадед, правнук, прабабка, прапородитель, прапородина, прайзык, праславянский*. Приставка *про-* является продуктивным средством глагольного словообразования и имеет несколько значений: ‘направленность действия сквозь что-либо, мимо чего-либо, в течение какого-либо времени’, ‘ошибочность действия’ (*просверлить, пройти, пролететь, проработать, прогадать* и др.).

Более сложным для написания является различие приставок *пре-* и *при-*. Первая из них представляет собой старославянизм в древнерусском языке *прѣ-* в соответствии с древнерусской приставкой *пere-*. В связи с изменением звука [ѣ] в звук [е] и редукцией этого звука в безударном положении приставки *пре-* и *при-* сближаются в произношении, что создает орфографическую трудность и требует внимательного отношения к значению производных слов.

Исконно русская приставка *при-* обозначает приближение, присоединение, добавление, дополнение, неполноту действия, сопутствующее действие, например: *прилипнуть, прибежать, прити- сать, прислушаться, приговаривать, приучить* и др.

Приставка *пре-* издавна имеет два главных значения ‘чрезмерная, высокая степень качества или действия’ и ‘преодоление чего-либо в пространстве и времени’, ‘направленность на разделение, разрыв’, например: *превозмочь ‘пересилить’, пресечь ‘прекратить’, пребывать ‘перебывать в определенном состоянии, месте какое-то время’, преступить (закон, нормы, правила), преклоняться ‘в высокой степени чтить кого-либо или что-либо’, преобразовать ‘переделать’, превратить ‘переделать, перевернуть’, пресловутый ‘широко известный (неодобрительно)’, преуменьшить ‘уменьшить значитель- но’ (в отличие от *приуменьшить ‘немного уменьшить’*)* и др.

Трудности различения этих приставок на письме связаны с тем, что развитие обобщенного значения слов способствует разрыву их словообразовательных и этимологических связей.

Следует отметить, что очень часто в заимствованных словах выступает приставка *пре-* (из лат. *prae-* ‘перед, от, по причине’), которая в русском языке не выделяется: *президент, президиум, претен- зия, препарат, престиж*. От них следует отличать заимствованные

слова с начальным *при-*, которые восходят к латинским корням с гласным *и*, например: *привилегия* < лат. *privus* ‘особый’, *приоритет* < лат. *prior* ‘первый’ и др.

3. ГЛАСНЫЕ В СУФФИКСАХ

Необходимость выбора буквы для обозначения гласных в суффиксах существительных связана с неразличением в безударном положении суффиксов *-ик* и *-ек* после шипящих (*ножик* — *ножи-чек*, *колокольчик* — *кусочек*, *шалашик* — *горошек*). Исторически суффикс *-ек* восходит к древнерусскому суффиксу *-ък*, в составе которого редуцированный гласный в связи с историей редуцированных развился в гласный [е] в форме именительного падежа, а в форме косвенных падежей был утрачен: др.-р. *замочъкъ* > совр. *замочек*, др.-р. *замочъка* > совр. *замочка*. В составе суффикса *-ик* гласный [и] исконно был гласным полного образования, поэтому выпадения этого гласного при изменении формы слова не происходило. Так исторически мотивируется орфографическое правило написания суффиксов *-ик* и *-ек* на основе изменения слова по падежам.

Орфографическую трудность представляют глагольные суффиксы *-ова-* (*-ева-*) и *-ива-* (*-ыва-*), так как в большинстве случаев они находятся в безударной позиции (*заведовать* — *разведывать*). С исторической точки зрения эти суффиксы имеют разное происхождение. В составе суффикса *-ова-* (*-ева-*) звуковой комплекс [ов] ([ев]) возник в результате монофтонгизации древнего дифтонга с неслоговым гласным *и и поэтому в современном русском языке чередуется с у как суффиксом формы настоящего или будущего времени глагола: *заведовать* — *заведую*, *беседовать* — *беседую*, *советовать* — *советую* и др. Глаголы с суффиксом *-ива-* (*-ыва-*) такого чередования в форме настоящего или будущего времени не имеют: *разведывать* — *разведываю*, *отведывать* — *отведываю*, *выведывать* — *выведываю* и др. Поэтому наличие или отсутствие чередования с гласным [у] в глагольных основах с этими суффиксами представляет собой историческую мотивацию данного орфографического правила.

Написание буквы у или а в суффиксах глагольных форм действительных причастий настоящего времени (*пишущий* — *любящий*), так же как и в глагольных окончаниях 3-го л. мн. ч. (*пишут* — *любят*), исторически мотивировано характером гласных в древних основах глаголов I и II спряжений. У глаголов этих групп в качестве древних тематических показателей (древних суффиксов) выступа-

ли гласные **o* или **i*, на основе которых в праславянский период развились звуки [o] носовой и [e] носовой, а в древнерусский — звуки [y] и [’a].

Правописание наречий с суффиксами *-o* или *-a* и приставками *из-*, *до-*, *с-*, *в-*, *на-*, *за-* объясняется историей их формирования. Наречные слова этого словообразовательного типа являются результатом адвербализации (онаречивания) форм Р. п. кратких прилагательных ср. р. ед. ч. с окончанием *-a* в сочетании с предлогами *из*, *до*, *с* или форм В. п. той же группы кратких прилагательных с окончанием *-o* в сочетании с предлогами *в*, *на*, *за* (*изредка, добела, спра-ва, вправо, направо, заново*).

4. СОГЛАСНЫЕ В КОРНЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ И ВОПРОСЫ ОРФОГРАФИИ

Орфографические трудности передачи характера согласных звуков в корне (как и в других морфемах) возникли после падения редуцированных в древнерусском языке. Это фонетическое изменение означало прекращение действия в древнерусском языке закона открытого слога, в соответствии с которым в древнерусском письме согласные всегда находились в сильной позиции (перед гласным), т. е. обозначались фонематически.

После падения редуцированных в фонетической системе древнерусского языка возникли позиции согласных в конце слова, в сочетании с другими согласными, различающимися по месту и способу образования, а также по мягкости-твёрдости, глухости-звонкости, категориях которых получили окончательное оформление именно в эпоху после падения редуцированных. Явление падения редуцированных повлекло за собой такие значительные позиционные изменения согласных, как оглушение в конце слова и многочисленные виды ассимилятивных и диссимилиятивных изменений внутри морфемы или на их стыке. В результате этого законы произношения согласных во многих случаях стали противоречить правилам их написания.

Но в области буквенной передачи согласных звуков, как и гласных, преобладающим остался морфологический принцип, основанный на одинаковом написании морфем независимо от их произ-

ношения. Поэтому решающим условием установления звукового состава морфемы является обращение к тому виду корневой морфемы, в котором согласные произносятся в сильной позиции (так же, как и в случае с написанием гласных). Исторически обосновано, что сильной позицией согласных в современном русском языке является их положение перед гласными, а также перед сонорными [л], [м], [н], [р] и перед [ж], [в], так как в этом положении глухие согласные не озвончаются. Заметим также, что в отличие от других звонких согласных, переживших в свое время процесс оглушения в конце слова и перед глухими согласными, сонорные [л], [м], [н], [р], будучи непарными по звонкости, не подверглись оглушению в этих позициях и поэтому их передача на письме не представляет орфографической трудности.

ПРОВЕРЯЕМЫЕ СОГЛАСНЫЕ КОРНЯ

Чтобы установить характер согласных звуков корневой морфемы, необходимо опираться на такие формы слова или родственные слова, в которых проверяемая согласная находится в сильной позиции, например: *сказка — сказок* (ср. др.-р. *съказъка*), *складка — складок* (ср. др.-р. *съкладъка*), *ложка — ложек* (ср. др.-р. *лъжъка*), *резьба — резать, косьба — косить, сгиб — сгиба* (ср. др.-р. *съгибъ*), *низкий — низок* (ср. др.-р. *низъкъ*), *высший — высота* и др.

Отступлениями от морфологического принципа являются немногочисленные фонетические написания, сложившиеся под влиянием произношения: *свадьба* (хотя *сватать*, ср. др.-р. *сватъба*), *отверстие* (ср. др.-р. *отъвързати* ‘открывать, раскрывать’), *здоров* (др.-р. *съдоровъ*, однокоренные слова — *дерево, древо*), *ни зги* (др.-р. *стъга* ‘тропинка, стежка’, однокоренное *стегать*), *здесь* (др.-р. *сьдесь*, в состав которого входило древнее местоимение *сь* ‘этот’). С эпохи древнейших письменных памятников известны написания др.-р. *льствица*, совр. *лестница* (с корнем *-лез-*: *лезу*); *ноздрь*, совр. *ноздри* (с корнем *-нос-*).

НЕПРОИЗНОСИМЫЕ СОГЛАСНЫЕ В КОРНЕ

Падение редуцированных обусловило появление групп согласных, которые в живой речи легко распадались за счет утраты при произношении одного из согласных. Это создает препятствия для последовательной реализации морфологического принципа буквенного обозначения согласных. В одних случаях непроизносимые

согласные могут быть восстановлены при обращении к однокоренным словам. Например, в словах *поздний*, *сердце*, *солнце* написание непроизносимых [д], [л] обосновано произношением этих звуков в словах *опоздать*, *сердец*, *сердечный*, *солнечный*; в словах *радостный*, *яростный*, *грустный*, *захолустный*, *счастливый* обозначение звука [т] подтверждается произношением слов *в радости*, *в ярости*, *грустить*, *захолустье*, *счастье*.

Проверка написания слов, включающих сочетания согласных, путем словообразовательного анализа с исторической точки зрения, помогает вместе с тем исключить орфографические ошибки, которые иногда заключаются в «восстановлении» звуков, исконно не входивших в состав слова. Так, например, в словах *опасный*, *вкусный*, *прекрасный*, *ужасный*, *гнусный* исконно не было согласного перед суффиксом прилагательного *-н-* на месте древнерусского суффикса *-ын-*, что подтверждают краткие формы прилагательных *опасен*, *вкусен*, *прекрасен*, *ужасен*, *гнусен*. Ряд слов с корнем *-слов-*: *словесный*, *словесник*, *словесность*, *словесно* образованы от устаревшей формы *словеса*, поэтому в их составе исконно отсутствовал звук [т].

Следует отметить непроверяемые корни в заимствованных словах *прецедент*, *инцидент*, *дерматин*.

ТРУДНОПРОВЕРЯЕМЫЕ И НЕПРОВЕРЯЕМЫЕ СОГЛАСНЫЕ В КОРНЕ

Трудности представляют те случаи, когда в связи с утратой древних слов или их значений оказались нарушенными словообразовательные связи, которые можно восстановить только с помощью этимологии. Так, в древнерусском слове *чувитва* ‘орган чувства’ в сильной позиции перед гласным произносился звук [в], который в современном слове *чувство* (из др.-р. *чувъство*) после падения редуцированного оказался в слабой позиции и стал непроизносимым. Слово *сверстник* этимологически связано с устаревшим словом *върста* ‘одинаковый возраст’, которое указывает на исконное присутствие звука [т], ставшего непроизносимым в современном слове. Заметим, что близкие по значению слова *сверстник* и *ровесник* отличаются происхождением: последнее связано с корнем *ровън-*, что и объясняет различие в их звуковом составе.

Непроверяемой, например, является буква т в словах *ветчина*, *потчевать*, *притча*, так как произношение соответствующего звука может быть установлено только на основе этимологического ана-

лиза этих слов: слово *ветчина* этимологически связано с древним корнем *-вѣтъх-* ‘старый, древний’; слово *потчевать* ‘угощать’ восходит к древнему корню *-чѣст-* ‘чтить, оказывать честь’; слово *примча* ‘случай, рассказ’ представляет собой приставочное образование от корня *-тѣкн-* ‘ткнуть’.

Подбор однокоренных слов для проверки представляет трудность не только по причине устаревания или забвения многих слов, но также в связи с необходимостью различать по значению слова, сходные по звучанию. Например, следует различать слова с корнем *-косн-* (*косный, коснеть, косность, косноязычный, закоснелый*), которые восходят к древнему корню *-кѣсн-* ‘медлить’, и слова с корнем *-кост-* ‘кость’ (*костный мозг, костный туберкулез, костная мука*); слово *яства* (от ст.-слав. *ясти* ‘принимать пищу’) и слова с корнем *-яв-* ‘существующий’ (*явственный, явствовать, наяву*). Кроме того, написание некоторых слов в настоящее время не определяется исходным корнем. К таким словам относятся *блеснуть* (но *блестеть*), *плеснуть* (но *плеск, плескать*), *лосниться* (но *лоск*), *склянка* (но *стекло*).

Непроверяемыми являются выделенные согласные в заимствованных словах: *аспект, бисквит, бутсы, капкан, каскад, кафтан, мастил, нафталин, пастила, фискал, эффект* и др.

5. СОГЛАСНЫЕ В ПРИСТАВКАХ

В обозначении согласных в приставках в русском языке в большинстве случаев последовательно реализуется морфологический принцип русской орфографии. Только в написании приставок, исконно оканчивавшихся на з, закрепился фонетический принцип (*разбить — раскрыть, изгнать — испробовать, возгордиться — востребовать* и др.) как отражение ассимиляции по звонкости-глухости, которая развилась в живой русской речи после падения редуцированных.

6. СОГЛАСНЫЕ В СУФФИКСАХ

ПРАВОПИСАНИЕ СУФФИКСОВ *-ЩИК-, -ЧИК-*

Приемы передачи согласных в этих суффиксах обнаруживают, с одной стороны, связь с происхождением названных суффиксов, с другой — различное отношение к реализации морфологического принципа как основного в русской орфографии.

С исторической точки зрения суффиксы *-щик-*, *-чик-* сложились как производные на основе древнего славянского суффикса **-ик-* со значением действующего лица при сочетании с разными производящими основами: суффикс *-щик-* — в результате сочетания с производящей основой прилагательных на *-ьск-*, суффикс *-чик-* — в результате сочетания с основами на [д], [т], [с], [з], [к], [ц], [ч].

После падения редуцированных конечные согласные корня перед [ч], входившим в состав суффикса *-чик-*, резко изменились в произношении, так как подверглись оглушению или озвончению, а также пережили процессы распада и упрощения групп согласных. Но так как передача подобных изменений звуков устной речи системе русского письма в целом была несвойственна, в современной орографии закрепилось написание суффикса *-чик-* после букв *д*, *т*, *з*, *с*, *ж* в соответствии с принципом единообразной передачи суффиксальной морфемы: *разведчик* (*разведать*), *перевозчик* (*перевозить*), *доносчик* (*доносить*), *советчик* (*советовать*). В других случаях — при сочетании суффикса *-чик-* с производящими основами, которые оканчивались звуками [к], [ц], [ч], утвердилось написание сочетаний букв *тч*: *потатчик* (*потакать*), *добытчик* (*добыча*), которое также не передает характера произношения звуков на стыке корня и суффикса и не является фонетическим. Фонетическому принципу написания соответствует передача суффикса *-щик-* в сочетании с производящими основами с другими конечными согласными: *ка-менщик*, *паромщик*, *подпольщик*, *забойщик*, *перекупщик*, *забастовщик*, *компьютерщик* и др.

ПРАВОПИСАНИЕ СУФФИКСА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ *-СК-*

Исторически обусловленные особенности передачи суффикса прилагательных *-ск-* возникли при сочетании древнего суффикса *-ьск-* с основами на согласные [к] или [ч] в эпоху после падения редуцированных. Так, в составе древнерусских прилагательных типа *рыбачьскии*, *ткачьскии* (от др.-р. *рыбакъ*, *ткачъ*) утрата слабого редуцированного обусловила появление сочетания звуков [чс], которое впоследствии развило в аффрикату [ц] — *рыбацкий*, *ткацкий*, *казацкий*, *бурлацкий*, *турецкий* и др. Существенно отметить, что в книжных словах, например в древнерусском слове *человѣчъскии*, слабый редуцированный мог развиваться в гласный полного образования (ср. совр. рус. *человеческий*), а в словах народно-разговорных этот звук выпадал. С этим связана также вариантность форм при-

лагательных от названий лиц с суффиксом *-ец-* (древнерусским суффиксом *-ыц-*, восходящим к **-ик-*): *купеческий* — *купецкий*, *молодеческий* — *молодецкий*, *отеческий* — *отецкий* (вторые элементы этих пар имеют просторечную окраску, которая в отдельных случаях может ослабевать).

ЗАПОМНИТЕ!

Прилагательные современного русского языка *греческий* и *грецкий* (*грех*) — слова одного и того же корня и способа образования, но в составе слова *грецкий* как наименования дерева и его плодов отразился результат фонетического изменения, вызванного утратой редуцированного гласного.

7. ПРАВОПИСАНИЕ Ъ И Ъ

Буквы **ъ**, **ь** в современной азбуке употребляются как разделительные знаки, но в древнерусской они имели звуковое значение и передавали редуцированные (неполные) гласные непереднего и переднего ряда. Так как редуцированный непереднего ряда, обозначаемый в древнерусскую эпоху буквой **ъ** («ер»), мог произноситься только после твердых согласных, то и в современной графике он употребляется как знак-разделитель только после твердых согласных в конце приставки перед буквами **е**, **ё**, **ю**, **я** (*изъездить*, *съежиться*, *безъязычный*).

Знак **ъ** («ерь»), обозначавший древний редуцированный гласный переднего ряда, который произносился в древнерусскую эпоху только после мягких согласных в середине или в конце слова, в современной графике употребляется в разделительной функции, сохранив ту же позицию в середине слова (*пъеса*, *бурьян*, *птичи*, *солью*), а также как показатель мягкости согласного в середине или в конце слова (*польза*, *тень*, *зверь*, *кровь*, *читать* и др.). До отвердения шипящих в XIV в. буква **ъ** употреблялась после шипящих (ср. др.-р. *ножъ*, Р. п. мн. ч. *тучъ* и др.). Но в современной графике написание буквы **ъ** сохраняется по традиции только в словах определенных грамматических категорий как показатель грамматического значения — в словах ж. р. 3-го скл. *рожъ*, *мыши*; в форме настоящего времени 2-го л. ед. ч. глаголов *пишешь*; в формах 2-го л. ед. и мн. ч. повелительного наклонения *еши*, *ешице*; в конце наречий *наотмашъ*, *настежъ*.

ЗАДАНИЯ

Задание 1. Подберите проверочные слова для выделенных гласных в следующих словах.

Задрожать, воображение, уплатить, уплотнение, усмирять, примерять, перекалить, переколоть, увишаться, раззвеваться, попечение, угадать, угодить, частотный, чахоточный, щепяной, защипать.

Задание 2. Составьте предложения со следующими словами и укажите для них проверочные слова.

Полоскать, поласкать, сиделка, поседеть, проредить, нарядить, зализать, залезать, увидать, увядать, умалить, умолять, освещение, посвящение, отощать, утащить, извинение, старожил, сторожить.

Задание 3. Учитывая морфемный состав слов и их происхождение (в соответствии с их фонетическими признаками), определите, в каких случаях для проверки обозначения безударных гласных необходимо привлечение проверочных слов, а в каких случаях — нет. Найдите проверочное слово там, где это требуется.

Дорогой, порода, поросль, корова, волокита, привлекать, селение, воровство, отголосок, соглашение, молозиво, половина, следочки, осторожный, обострение, запорожье, врачевать, проволока, облачко, славный, порок, слащавый.

Задание 4. Составьте и запишите предложения со словами, содержащими корни *-бер-/-бир-*, *-жег-/-жиг-*, *стел-/-стил-*, *-блест-/-блист-*, *-мер-/-мир-*. Объясните с исторической точки зрения правило обозначения безударных гласных в этих корнях и назовите еще 5 корней с чередующимися гласными такого типа.

Задание 5. Составьте и запишите небольшой рассказ о работе садовод-любителя, используя как можно больше слов с корнями *-рос-/-раст-*, *-ращ-*.

Задание 6. В каждой группе из четырех слов определите, какое является «четвертым лишним» и почему.

1. Растиущий, прорастающий, простейший, росточек.
2. Выросли, оросили, подрастать, растительный.
3. Отросток, растение, заросли, простак.
4. Возрастной, наращивать, поросль, растяпа.
5. Ростов, переросток, растолстеть, выращенный.

Задание 7. Прочитайте текст.

«НАВОДНЕНИЕ» В КУХНЕ

После прогулки Люсе захотелось перекусить. Поставив миску с яблоками в кухонную раковину, Люся открыла кран, но кран вдруг всхлипнул, а тонкая струйка воды прервалась, едва пробившись наружу.

Пришлось Люсе искать себе другое занятие. Забыв о несостоявшемся завтраке, она с удовольствием слушала в своей комнате диск любимой певицы, как вдруг уловила какие-то посторонние звуки. Выбежав в кухню, она увидела, что из кухонной раковины широким потоком лилась вода, подбираясь к порогу комнаты...

Используя как можно больше слов с корнями **-мок-/-мак-**, допишите продолжение рассказа о том, как Люсяправлялась с последствиями этого «наводнения».

Задание 8. Составьте предложения со следующими словами, которые в своем составе имеют приставки *при-* и *пре-*.

Приемник — преемник, притворить — претворять, прибывать — пребывать, приклонять — преклонять, припирать — препираться, приходящий — преходящий, приуменьшить — преуменьшить, не применимый — непременный, притерпеться — претерпеть.

Задание 9. Среди приведенных слов иноязычного происхождения выделите группы слов, имеющие в своем составе общую часть.

Используя прилагаемый к этому заданию перечень тех слов-прототипов, к которым восходят заимствованные в русский язык слова, установите, как можно использовать их для проверки обозначения в их составе безударных гласных.

Вакансия ‘незамещенная должность’, вакантный, вакация (устар.) ‘каникулы’, витраж, витрина, гарнizon, гарнir, гарнитур, гастрит, гастроном, каналья, канарейка (от названия *Канарские острова*), каникулы, карболка ‘дезинфицирующая жидкость, получаемая при перегонке каменноугольного дегтя’, карбонад ‘запеченное на углях свиное филе’, паспорт, портмоне, портсигар, португия, портфель, портьера, рапорт, транспорт.

Слова-прототипы: греч. *gaster* ‘желудок’; фр. *garnir* ‘снабжать, снаряжать’; лат. *canis* ‘собака’; лат. *Canicula* ‘название звезды Сириус’; лат. *carbo* ‘уголь’; лат. *porto* ‘носить’; лат. *porta* ‘дверь, проход, ворота’; лат. *vaco*, *vacare* ‘быть свободным, незанятым’; лат. *vitrum* ‘стекло’.

Задание 10. Исходя из того, какие иноязычные слова связаны общностью корневой морфемы в языке-первоисточнике, установите в их числе то слово, которое может быть проверочным для написания безударных гласных.

1. Гардероб, гардина, гардемарин, авангард, арьергард (ср. фр. *garde* ‘охрана, стража’).
2. Ассоциация, ассоциироваться, социальный, социум, социализм (ср. лат. *associatio* ‘соединение’, лат. *socius* ‘товарищ, союзник’).
3. Визит, визитка, визави, визажист, визуальный, виза (ср. лат. *visus* ‘зрение, вид’).
4. Декорация, декоратор, декорировать, декорум ‘внешнее условное приличие’ (ср. лат. *decoro* ‘украшаю’).
5. Иллюстратор, иллюстрация, иллюстрировать, люкс, люстра (ср. лат. *lux* ‘свет’).
6. Инсинуация ‘клевета’, инсинуатор, синус (ср. лат. *insinuatio* ‘вкрадчивость’, лат. *sinus* ‘изгиб, кривизна’).
7. Инспирировать ‘внушить определенный образ мыслей, действий’, инспиратор, конспирация, рееспиратор (ср. лат. *inspiro* ‘вдыхаю, воодушевляю’).
8. Микстура, миксер (ср. лат. *mixtus* ‘смешанный, соединенный’).

Задание 11. Какие слова современного русского языка с непроверяемыми гласными можно проверить, опираясь на следующие диалектные или утраченные древнерусские слова?

Диал. *вервие, верве*; др.-р. *имати*; др.-р. *достои* ‘приличие, соразмерность’; др.-р. *маяти* ‘развеваться’; др.-р. *пърси* ‘грудь’; др.-р. *ворожити* ‘колдовать’; др.-р. *витати* ‘жить’; др.-р. *покровити* ‘укрывать, защищать’; др.-р. *посѣть* ‘посещение, забота, милость’; ст.-слав. *свѣбѣство* ‘особенность, свойство’.

Слова для проверки: веревка, внимание, занимать, понимать, достоверный, маяк, наперсник, ворожея, обитать, покровитель, посетитель, свобода, освобождение.

Задание 12. Первоисточниками некоторых заимствованных в русский язык слов с нарицательным значением были имена собственные. В каких случаях знание такого происхождения иноязычных слов помогает установить характер безударных гласных?

Жакет (имеет общую часть корня со словом *пиджак*) — от фр. *Jaquette, jaque* ‘камзол, куртка’, буквально ‘одежда для Жака (насмешливое прозвище французского крестьянина)’.

Жилет — от французского имени известного шута Жиля (*Jilles*), носившего камзол с короткими рукавами.

Жокей — от англ. *Jockey*, уменьшительное от имени собственного *Jock*.

Гиацинт — образовано от имени греческого юноши по имени *Hyakinthos*, любимца Аполлона. После смерти юноши Аполлон превратил его в цветок.

Лазарет — восходит к фр. *lazaret* или итал. *lazaretto* ‘госпиталь для чумных больных’, образовано от имени святого Лазаря, считавшегося защитником нищих и прокаженных.

Задание 13. Слово *combinare* в латинском языке обозначает ‘соединять, сочетать’. В каких приведенных словах встречается этот латинский корень?

Комбинация, комбинат, комбат, комбинезон, комбайн, комбинировать.

Задание 14. Образуйте и запишите названия различных профессий и занятий при помощи суффиксов *-чик-* и *-щик-*.

Задание 15. Составьте и запишите описание лесного пейзажа ранней осенью, используя наречия *вперемешку* и *вперемежку*.

Задание 16. Вспомните, какое известное русскому языку иноязычное слово восходит к английскому *escalator* ‘движущаяся лестница’? Какое иноязычное слово, вошедшее в русский язык, имеет общий корень с латинским словом *excavare* ‘долбить, выдалбливать’?

Составьте предложения с этими словами, запомните их значение, написание, произношение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беседина, Н. К.* О работе с трудными словами / Н. К. Беседина // Русский язык в школе. — 1999. — № 1. — С. 21—25.
2. *Борковский, В. И.* Историческая грамматика русского языка / В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. — М., 1963. — 503 с.
3. *Булаховский, Л. А.* Исторический комментарий к русскому литературному языку / Л. А. Булаховский. — Харьков; Киев, 1937. — 310 с.
4. *Вартаньян, Э. А.* Путешествие в слово / Э. А. Вартаньян. — М., 1982. — 222 с.
5. *Ветвицкий, В. Г.* Современное русское письмо / В. Г. Ветвицкий, В. Ф. Иванова, А. И. Моисеев. — М., 1974. — 140 с.
6. *Георгиева, В. Л.* История синтаксических явлений русского языка / В. Л. Георгиева. — М., 1968. — 161 с.
7. *Глинкина, Л. А.* Историко-лингвистический комментарий фактов современного русского языка: сб. табл., упражнений, материалов / Л. А. Глинкина, А. П. Чередниченко. — М., 2005. — 199 с.
8. *Глинкина, Л. А.* Этимологические тайны русской орфографии: слов.-справ. / Л. А. Глинкина. — М., 2006. — 376 с.
9. *Горбачевич, К. С.* Русский язык. Прошлое. Настоящее. Будущее / К. С. Горбачевич. — М., 1984. — 189 с.
10. *Гребенщикова, Н. С.* Историко-лингвистический комментарий на уроках словесности / Н. С. Гребенщикова. — Минск, 1998. — 155 с.
11. Древняя Русь в свете зарубежных источников: учеб. пособие для студентов вузов: в 2 ч. / М. В. Бибиков [и др.]. — М., 1999. — Ч. 2: Византийские источники. — 608 с.
12. *Земская, Е. А.* Современный русский язык. Словообразование / Е. А. Земская. — М., 1973. — 302 с.
13. *Иванов, В. В.* Историческая грамматика русского языка / В. В. Иванов. — М., 1990. — 395 с.
14. *Иванов, В. В.* Краткий очерк исторической фонетики русского языка / В. В. Иванов. — М., 1959. — 117 с.
15. *Иванов, В. В.* Развитие грамматического строя русского языка / В. В. Иванов. — М., 1960. — 126 с.

16. Иванов, В. В. Исторический комментарий к занятиям по русскому языку в средней школе / В. В. Иванов, З. А. Потиха. — М., 1978. — 153 с.
17. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол / под ред. Р. И. Аванесова, В. В. Иванова. — М., 1982. — С. 158—280.
18. Истрин, В. А. Возникновение и развитие письма / В. А. Истрин. — М., 1965. — 599 с.
19. Истрин, В. А. 1100 лет славянской азбуки / В. А. Истрин. — М., 1963. — 180 с.
20. Кайдалова, А. И. Современная русская орфография / А. И. Кайдалова, И. К. Калинина. — М., 1971. — 248 с.
21. Казанский, Б. В. В мире слов / Б. В. Казанский. — Л., 1958. — 255 с.
22. Ковалевская, Е. Г. История слов / Е. Г. Ковалевская. — М.; Л., 1968. — 144 с.
23. Крысин, Л. П. Изменение норм / Л. П. Крысин // Энциклопедический словарь юного филолога (Языкознание). — М., 1984. — 352 с.
24. Колесов, В. В. История русского языка / В. В. Колесов. — М.; СПб., 2005. — 655 с.
25. Колесов, В. В. История русского языка в рассказах / В. В. Колесов. — М., 1976. — 173 с.
26. Колесов, В. В. Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра / В. В. Колесов. — СПб., 1998. — 243 с.
27. Немченко, В. Н. Современный русский язык. Словообразование / В. Н. Немченко. — М., 1984. — 248 с.
28. Орфография и русский язык / отв. ред. И. С. Ильинская. — М., 1966. — 132 с.
29. Откупщиков, Ю. В. К истокам слова / Ю. В. Откупщиков. — М., 1973. — 250 с.
30. Панов, М. В. Язык и речь / М. В. Панов // Энциклопедический словарь юного филолога (Языкознание). — М., 1984. — 352 с.
31. Подшибякина, Н. А. Роль этимологического анализа в воспитании интереса к русскому языку / Н. А. Подшибякина // Русский язык в школе. — 1984. — № 2. — С. 24—27.
32. Рассказы о русском языке / сост. А. Е. Михневич. — Минск, 1985. — 228 с.
33. Русская диалектология / под ред. В. В. Колесова. — М., 1990. — 200 с.
34. Русская диалектология / под ред. проф. Н. А. Мещерского. — М., 1972. — 290 с.
35. Русский язык: энциклопедия. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 1997. — 703 с.
36. Современный русский язык: в 4 ч. / под ред. П. П. Шубы. — Минск, 1979—1984. — Ч. 1: Фонетика, лексика и фразеология. — 1979. — 310 с.
37. Сузанович, В. Б. Исторический комментарий фонетических явлений в современном русском языке / В. Б. Сузанович, Л. И. Шаповалова. — Могилев, 2004. — 195 с.

38. Улуханов, И. С. О языке Древней Руси / И. С. Улуханов. — М., 1972. — 135 с.
39. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. — М., 1968. — 543 с.
40. Черных, П. Я. Очерки русской исторической лексикологии. Древнерусский период / П. Я. Черных. — М., 1956. — 240 с.
41. Шанский, Н. М. В мире слов / Н. М. Шанский. — М., 1971. — 245 с.
42. Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка / Н. М. Шанский. — М., 1972. — 320 с.
43. Шанский, Н. М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии / Н. М. Шанский. — М., 1959. — 244 с.
44. Шмелев, Д. Н. Современный русский язык. Лексика / Д. Н. Шмелев. — М., 1977. — 330 с.
45. Шмелев, Д. Н. Архаические формы в современном русском языке / Д. Н. Шмелев. — М., 1960. — 114 с.
46. Энциклопедический словарь юного филолога (Языкоznание). — М., 1984. — 352 с.
47. Янович, Е. И. Историческая грамматика русского языка / Е. И. Янович. — Минск, 1986. — 310 с.

Источники иллюстраций, карт и рисунков

1. Арциховский, А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.) / А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. — М., 1953. — 62 с.
2. Граник, Г. Г. Секреты орфографии / Г. Г. Граник, С. М. Бондаренко, Л. А. Концевая. — М., 1991. — 220 с.
3. Иванов, В. В. Историческая грамматика русского языка / В. В. Иванов. — М., 1990. — 393 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. — 683 с.
5. Павленко, Н. А. История письма / Н. А. Павленко. — 2-е изд., перераб. и доп. — Минск, 1987. — 236 с.
6. Русская азбука в инициалах XI—XVI веков. — М., 1998. — 158 с.
7. Русский язык: энциклопедия. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 1997. — 703 с.
8. Успенский, Л. По закону буквы / Л. Успенский. — М., 1979. — 239 с.
9. Энциклопедический словарь юного филолога (Языкоznание). — М., 1984. — 352 с.
10. Глаголица // Википедия: свободная энциклопедия. — Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org>. — Дата доступа: 20.08.2009.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	5
1. Язык как общественное явление	5
2. Язык — речь — письмо	6
Возникновение письма	7
Типы письма	8
Происхождение славянской письменности	11
3. Литературный язык и языковая норма	17
4. Русский язык в современном мире	19
Распространение и функционирование русского языка	19
Русский и белорусский языки на территории Беларусь	20
5. Как возник и развивался русский язык?	21
Место русского языка в кругу других языков	21
Происхождение русского языка	24
Этапы исторического развития русского языка древнего периода	25
6. Из истории русской письменности	29
Древнеславянская кириллица и русский алфавит	29
Реформы русской азбуки и правописания	31
Письменные памятники Древней Руси	33
Задания	38

ФОНЕТИКА

1. Гласные	42
Общая характеристика звуковой системы гласных древнерусского языка	42
Полногласие	43
Древнерусские редуцированные гласные	44
Древнерусский звук [é] (ѣ)	46
Древнерусские носовые гласные	47
2. Согласные	49
Общая характеристика звуковой системы согласных древнерусского языка	49

Происхождение древнерусских исконно мягких согласных и расширение группы согласных, парных по твердости-мягкости	50
Расширение группы согласных, парных по глухости-звонкости.....	51
Чередования согласных в современном русском языке	52
Упрощение групп согласных и разрушение родственных связей слов...	53
Утрата редуцированных и упрощение произношения некоторых групп согласных.....	56
3. Фонетические признаки заимствованных слов	
в историческом освещении	58
Задания.....	60

ЛЕКСИКА

1. Происхождение лексики русского языка в связи с историей народа ..	63
Общеиндоевропейская лексика в русском языке	63
Общеславянская лексика в русском языке.....	65
Восточнославянская лексика в русском языке.....	66
Собственно русская лексика.....	67
Лексика русского национального языка	70
Заимствования из старославянского языка	72
Заимствования из других языков	75
2. Исторические изменения в лексике русского языка	79
Забытые слова и значения слов. Фразеологизмы.....	79
Устаревшие слова.....	83
Неологизмы и окказионализмы.....	86
3. Диалектная лексика	88
Задания.....	91

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

1. Словообразовательная производность и членимость слова.....	99
2. Исторические изменения морфемной структуры слова	102
3. Словообразовательный и этимологический анализ слова	109
Задания.....	113

МОРФОЛОГИЯ

1. Имя существительное	117
Род существительных	117
Число существительных	118
Система склонения существительных в древнерусском языке	120
Типы склонения существительных в современном языке	
как результат исторических изменений	122
Варьирование падежных флексий	126
Категория одушевленности-неодушевленности	129
Задания.....	130
2. Имя прилагательное	133
Краткие и полные формы прилагательных	133
Притяжательные прилагательные	134
Склонение полных прилагательных.....	135

Степени сравнения прилагательных	138
Задания.....	139
3. Местоимение.....	141
История личных местоимений	142
Из истории формообразования и словообразования	
неличных местоимений.....	145
Задания.....	146
4. Числительное.....	147
Древние непроизводные счетные слова.....	148
Словообразование количественных числительных	149
К истории порядковых числительных	152
Задания.....	153
5. Глагол.....	155
История инфинитива	155
Две основы глаголов	156
История форм прошедшего времени.....	157
История форм наклонения.....	158
История причастий и деепричастий	161
Задания.....	166
6. Наречие	168
Первообразные (местоименные) наречия	169
Производные наречия.....	169
Отприлагательные наречия	169
Отсубстантивные наречия.....	172
Задания.....	174

СИНТАКСИС

1. Составное именное сказуемое.....	176
Особые способы выражения именного сказуемого	178
2. Согласование сказуемого и подлежащего.....	180
3. Изменения в употреблении падежных форм.....	181
Задания.....	185

ОРФОГРАФИЯ

Основные принципы русской орфографии и история их формирования ...	187
1. Гласные в корне	189
Безударные гласные, проверяемые ударением.....	189
Труднопроверяемые и непроверяемые безударные гласные	189
Труднопроверяемые безударные гласные в русских словах	190
Отражение на письме акающего произношения	196
Непроверяемые и труднопроверяемые безударные гласные	
в заимствованных словах	197
Безударные чередующиеся гласные <i>o/a, e/u</i> в корнях.....	201
Безударные гласные после шипящих и <i>ц</i>	203
Обозначение начального гласного [и] после приставок	204
2. Гласные в приставках.....	204
3. Гласные в суффиксах	206

4. Согласные в корне.....	207
Исторические изменения согласных звуков и вопросы орфографии	207
Проверяемые согласные корня	208
Непроизносимые согласные в корне	208
Труднопроверяемые и непроверяемые согласные в корне	209
5. Согласные в приставках.....	210
6. Согласные в суффиксах	210
Правописание суффиксов <i>-щик-</i> , <i>-чик-</i>	210
Правописание суффикса прилагательных <i>-ск-</i>	211
7. Правописание <i>ъ</i> и <i>ь</i>.....	212
Задания.....	213
ЛИТЕРАТУРА	217

В оформлении обложки использована фотография С. М. Румянцева (Русская азбука в инициалах XI—XVI веков. — М.: НИЦ «Скрипторий», 1998. — 160 с., ил.).

Учебное издание

Янович Елена Ивановна

**РУССКИЙ ЯЗЫК
В ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ**

Учебно-методическое пособие

Редактор *Т. А. Гуриченкова*

Художник обложки *Т. Ю. Таран*

Технический редактор *Т. К. Раманович*

Корректор *В. И. Богданович*

Компьютерная верстка *Е. М. Товчковой*

Подписано в печать 14.09.2009. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.

Гарнитура SchoolBook. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,02.

Уч.-изд. л. 14,28. Тираж 200 экз. Зак. 1003.

Белорусский государственный университет.

ЛИ № 02330/0494425 от 08.04.2009.

220030, Минск, проспект Независимости, 4.

Отпечатано с оригинала-макета заказчика.

Республиканское унитарное предприятие

«Издательский центр Белорусского государственного университета».

ЛП № 02330/0494178 от 03.04.2009.

220030, Минск, ул. Красноармейская, 6.